

Р.Л. Попова

“Добровольным вызовом”
на благо родного края

Му "Центральная библиотека
МОГО "Ухта"

УДК 94(470.13)

ББК К63.3(2)6

П58

Научный редактор

главный научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения РАН

д. и. н. Л. П. Рощевская

Рецензент к. и. н. В. Н. Бубличенко

Технические редакторы: Федорович Р. Н., Рожкова Т. А., Векшина Т. А.

Дизайн обложки – А. В. Белоконь

Макетирование – Г. А. Носова

К63.3 Попова, Р. Л. «Добровольным вызовом» на благо родному краю / Р. Л. Попова ; науч. ред. Л. П. Рощевская, рецензент В. Н. Бубличенко. – Ухта, 2016. – 222 с.

В книге рассказывается о нескольких поколениях крестьянского рода Поповых, представители которого внесли большой вклад в развитие культуры Коми края. Автор использовал богатый архивный материал и воспоминания о знаменитых родственниках. Издание осуществлено центральной библиотекой г. Ухты в рамках празднования 95-летия Республики Коми. Книга предназначена любителям истории родного края, краеведам, историкам.

© Попова Р. Л., 2016

© МУ «Центральная библиотека МОГО «Ухта», г. Ухта, 2016

Оглавление

Рощевская Л. П. Отзыв о рукописи Р. Л. Поповой «Добровольным вызовом» на благо родного края.....	5
Бубличенко В. Н. Рецензия на книгу Р. Л. Поповой «Добровольным вызовом» на благо родного края.....	7
Рощевская Л. П. Фундаментальный труд Р. Л. Поповой.....	9
Предисловие.....	15
ЗНАНИЯ И ДЕЛА НА БЛАГО СВОЕМУ НАРОДУ. ПРАДЕД ФИЛИПП ПОПОВ.....	18
В дар землякам пища духовная – Русско-зырянский словарь.....	26
«Этот расторопный, любознательный зырянин» – участник научной Печорской экспедиции 1843 года.....	37
И картофель – второй хлеб народу Коми.....	47
Погиб от «громового удара»	50
МОЙ ДЕД – ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ ПОПОВ (1866-1927)	53
Детство и юность. Учеба в семинарии.....	54
Организация статистического управления.....	57
В годы первой революции.....	64
Трудные годы после революции.....	67
На волне новой революции.....	75
Организатор советской статистики в Коми крае.....	80
НАШ ОТЕЦ Л. В. ПОПОВ – УЧАСТНИК ДВУХ ВОЙН.....	83
Работа в журнале «Ордым».....	104
Великая Отечественная.....	118
После войны.....	125
ПРИЛОЖЕНИЯ	129
Приложение 1. Попов В. Ф. К характеристике почв Усть-Сысольского уезда. Очерк.	129
Приложение 2. В-й П. Ф. (Попов В. Ф.). Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда.....	133

Приложение 3. Ценский В. (Попов В. Ф.). Усть-Сысольские письма.....	146
Приложение 4. Ценский В. (Попов В. Ф.). Усть-Сысольск. О необходимости учительского съезда.....	152
Приложение 5. Ценский В. (Попов В. Ф.). На краю света. Усть-Сысольское земство.....	154
Приложение 6. Сонин (Попов В. Ф.). Усть-Сысольск.....	167
Приложение 7. Сысольский В. (Попов В. Ф.). Единственный долг. Письма из Вологодской губернии.....	170
Приложение 8. Попов В. Ф. Из жизни женщины-зырянки.....	184
Приложение 9. Попов В. Ф. Охотничий промысел у зырян.....	188
Приложение 10. Попов В. Ф. Доклад о лесном хозяйстве Усть-Сысольского езда.....	194
Приложение 11. Дегтев Кузьма (В. Ф. Попов). «Имперские» сказки. Были из недавнего прошлого.....	200
Приложение 12. Попов В. Ф. Чурка-Максим. Из зырянских былей.....	207
Приложение 13. Попов В. Ф. По поводу заметки А. Цембера. «Две корреспонденции из гор. Усть-Сысольска в 1838 году».....	217
Библиографический список трудов В. Ф. Попова.....	219
Список сокращений.....	222

Отзыв о рукописи Р.Л. Поповой

«Добровольным вызовом» на благо родному краю» (151 с.)

Раиса Леонидовна Попова была известным в Республике Коми автором книг, статей и заметок в средствах массовой информации, часто выступала по местному радио. Учитель и пропагандист, страстно влюбленная в Коми край, она обратилась к истории семьи и блестяще выполнила задуманное.

Рецензируемая рукопись свидетельствует о том, как продуманно, логично и строго выстроено содержание, насколько квалифицированно автор стремилась наиболее точно изложить выявленные в архивах и собранные от различных корреспондентов сведения о своем семейном клане. Почти каждое положение аргументировано либо конкретным указанием в тексте или сносками из семейных коллекций, разных музеев и архивов страны..

Работа написана просто, хорошим русским языком, отличается богатством словарного состава.

Оригинальность структуры книги заключается в том, что в приложении помещено полтора десятка текстов Василия Попова. Статьи эти были опубликованы в конце XIX- начале XX в. и давно стали библиографической редкостью. Она являются оригинальными, ранее не известными источниками о повседневной жизни населения, условиях развития сельского хозяйства, о влиянии государственных преобразований на развитие экономики и о роли национальной интеллигенции в воспитании молодежи.

Предполагается сопроводить текст фотографиями (около 80) как документальными свидетельствами эпохи.

Необходимо сказать, что род Поповых представляет собой уникальное явление в культуре Коми. Выходцы из крестьянского сословия, Поповы много сделали для родины, внесли существенный вклад в историю региона.

К сожалению, автор покинула сей мир и некоторые вопросы и пожелания некому высказать. Несмотря на то, что в тексте имеются

несколько устаревших трактовок, старомодных выражений, некоторые разделы не имеют выводов, а книга вообще не содержит заключения, изданная работа будет определенным этапом современной историографии и результатом развития краеведения в Республике.

Работу Р.Л. Поповой однозначно необходимо издать.

Главный научный сотрудник

отдела гуманитарных междисциплинарных исследований

Коми научного центра Уральского отделения РАН

д.и.н. проф.

Л.П.Рошевская
Л.П.Рошевская

28.01.2016

Рецензия на книгу

Р. Л. Поповой «Добровольным вызовом» на благо родному краю»

В современных условиях развития российского общества, когда благодаря накоплению нового документально-фактического материала происходит переосмысление многих исторических событий, большое значение приобретают исследования краеведческой направленности. Их общественная составляющая не вызывает сомнения. Кроме того они создают благоприятные условия формирования и развития новых, более приоритетных направлений в исторических исследованиях, расширяя их социокультурные аспекты.

В связи с возрождением характерного для российской дореволюционной традиции проведения генеалогических исследований, деятельность краеведов в данном направлении привлекает особое внимание российской общественности. Уважительное отношение к предкам, родственным преданиям, документам семейных архивов имеет большое воспитательное значение, укрепляя взаимосвязь поколений. Они приобретают большой научный вес и общественный резонанс, поскольку выявление сведений о родовых связях простого населения обеспечивают развитие «народной генеалогии».

Рецензируемая книга известного Ухтинского краеведа Р. Л. Поповой «Добровольным вызовом» на благо родному краю» отвечает всем приведенным выше критериям. Она посвящена нескольким поколениям родственников автора – прадеде, деде и отце. На основе длительного изучения архивных материалов, которые были выявлены в фондах Москвы, Ленинграда, Сыктывкара, Вологды, Кирова и других городов, с привлечением документов семейного архива и личных воспоминаний, Р. Л. Попова сумела подробно восстановить биографии своих близких родственников, показать их роль в российской и региональной истории. Вполне обоснованным звучит вывод исследователя о том, что личная инициатива ее прадеда Ф. Я. Попова, который внес большой вклад в развитие культуры коми народа в середине XIX в., стала характерной чертой жизни и деятельности его потомков.

Структура рецензируемой книги соответствует заявленному названию. В предисловии автор обосновывает необходимость изучения своей родословной, делает краткий обзор проблемы, характеризует источниковую базу своей работы. Первую главу Р. Л. Попова посвятила своему прадеду

Филиппу Якимовичу Попову. На основе анализа архивных документов, сведений из других источников она проводит реконструкцию его общественной деятельности, описывает его заслуги в общественной жизни Коми края. Вторая и третья главы книги посвящены описанию жизненного пути В. Ф. Попова, который в родственном отношении был для автора дедом и своего отца, участника двух войн Л. В. Попова. Данные разделы книги также отличаются глубиной анализа документально-фактического материала, содержат важные обобщения. История семьи представлена в тесной взаимосвязи с общегосударственными тенденциями развития Коми края и российского общества в целом. Методика сочетания частной, личной истории с общегосударственной, которую использует автор книги, поднимает рецензируемое издание до уровня научного исследования.

Логически обоснованным выглядит включение в книгу библиографического списка трудов В. Ф. Попова с публикацией текстов авторских работ. Они снабжены библиографическими ссылками и комментариями, что усиливает их научную значимость. Более того, публикация текстов работ В. Ф. Попова может рассматриваться, как самостоятельный комплекс источников не только по теме рецензируемого издания, но и по истории Коми края в целом.

В заключение отметим, что в книге Р. Л. Поповой использовано большое количество не только оригинальных, но и уникальных фотографий. Они дополняют представленный текстовый материал, усиливая значимость рецензируемого издания.

В целом, книга Р. Л. Поповой «Добровольным вызовом» на благо родному краю» является самостоятельным оригинальным научно-популярным исследованием. Оно имеет важное историческое и общественное значение, поэтому может быть рекомендовано к публикации.

09.02. 2016 г.

Доцент кафедры истории и культуры
ФГБОУ ВПО «УГТУ», к.и. н.

В. Н. Бубличенко

Подлинность подписи В. Н. Бубличенко подтверждаю.

Ученый секретарь Ученого совета
ФГБОУ ВПО «УГТУ», к.т.н.

Д. В. Евстифеев

Фундаментальный труд Р. Л. Поповой

Раиса Леонидовна Попова была невысокой полной женщиной, всегда оптимистично настроенной. Строгая учительница обладала настойчивостью и требовательностью. Главное ее достоинство, на мой взгляд – выдающиеся организаторские способности.

При подготовке 2-го, дополненного и исправленного издания энциклопедии «Республика Коми» написана следующая биографическая статья о Р. Л. Поповой.

ПОПОВА Раиса Леонидовна (1 декабря 1922, г. Усть-Сысольск – 31 мая 2015, Ухта), учитель, член Совета Общества изучения Коми края (1989-2006), внучка *Попова В.Ф.* Окончила КГПИ (1946). Учитель истории в с. Усть-Цильма (1946-52), инспектор Министерства просвещения Коми АССР (1952-64), в Ухте директор школы-новостройки № 3 (1964-68), учитель в школе № 10 (1968-88), где организовала музей по истории школы; школы № 16, где ввела новый предмет – историю Коми края – и организовала школьный краеведческий музей, проводила тематические выставки.

Член Республиканского совета Всесоюзного общества охраны природы (руководитель школьной секцией), руководитель городского методического объединения учителей истории Ухты (1972-88), председатель Ухтинского отделения (1989-2006), член Республиканского совета (1989-2006) Общества изучения Коми края, научно-методического совета по охране памятников истории и культуры Ухты. Одна из организаторов V республиканской научной краеведческой конференции, посвященной 150-летию комплексной Печорской экспедиции 1843 г. в Коми край, Ухтинских городских научно-практических конференций по историческому краеведению, городских олимпиад школьников. Изучала генеалогию и повседневную жизнь своей семьи и современников, исследователя Коми края Крузенштерна, топонимику Сыктывкара. Автор св. 40 научных статей, в т. ч. в энциклопедии «Республика Коми». Материалы Поповой использованы при подготовке академического издания «История Коми с древнейших времен» (Сыктывкар, 2011). Отличник народного просвещения (1952), заслуженный учитель Коми АССР (1961), «Учитель-методист» РСФСР (1984), лауреат Ухтинского городского конкурса «Честь по заслугам» (2004), занесена в энциклопедию «Лучшие люди России» (2007).

...Теперь хочется дополнить сухие строчки энциклопедии воспоминаниями, по словам Р.Л. Поповой, о «многолетнем сотрудничестве».

Раису Леонидовну встречала на дружеских мероприятиях в Сыктывкарском университете, которые она посещала по приглашению одноклассницы доцента Тамары Ивановны Беленкиной. Но лично мы познакомились в 1988 г. при подготовке

организационной конференции по возрождению Общества изучения Коми края. Запомнились ее подробные и обстоятельные рассказы о своей семье и предках.

Как раз в это время в Республиканском архиве начали готовить путеводитель по фондам. Для Республики это был новый жанр научно-справочной литературы. Работала большая команда опытных архивистов. Я делала обзор дореволюционных фондов, для чего пришлось просматривать, практически, каждое дело. Часто встречалась фамилия Поповых, о которых я уже кое-что знала. Род Поповых представлял собой уникальное явление в культуре Коми. Выходцы из крестьянского сословия, Поповы много сделали для родины, внесли существенный вклад в историю региона. Чтобы не забыть информацию, я часто кратко ее конспектировала или просто точно указывала архивный шифр, где искать сведения. Эти многочисленные листочки тут же посылала письмом в Ухту.

Когда летом у Раисы Леонидовны появлялась возможность, она ехала в Сыктывкар, отправлялась в архив и изучала эти дела, вечерами заходила ко мне и радостно сообщала, что она нашла и каково ее впечатление. Меня же поразило, что некоторые работы своего деда она от руки переписывала и оформляла и небольшие книжечки, как это было издано еще в начале XX в. Настолько трепетным было отношение историка к трудам предшественников.

Так накапливались уникальные сведения о ее предках. Вероятно, Попова не только мне рассказывала об архивных находках, потому что однажды на заседание городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры принесли огромный пакет и выложили на стол дореволюционные статистические сборники, составителем которых был Василий Филиппович Попов. Мы обсуждали проблему сохранения памятника истории – дома, некогда принадлежавшего Поповым. Однако сохранить постройку не удалось. Раиса Леонидовна очень горевала по этому поводу, потому что на ее глазах разобрали родовое гнездо. Однако тополь, который она сажала в детстве, еще долго украшал город в этом месте.

Запомнились также яркие деловые выступления Р. Л. Поповой на краеведческих конференциях, обстоятельные письма, написанные четким крупным почерком.

Присылала она и почти все свои газетные публикации, фотографии исторических деятелей. Стало очевидно, что ее письма представляют собой интересное и разнообразное эпистолярное наследие. Часть нашей деловой переписки вместе с другими документами Общества изучения Коми края, которым я руководила в 1989-1995 гг., переданы в Национальный архив Республики Коми, где был создан фонд общества.

Думаю, наше знакомство побудило Раису Леонидовну на разбор собственных домашних документов. Постепенно она стала передавать собранные исторические документы в ухтинский городской музей, выставочный центр Газпрома в Ухте, городской архив Ухты, Национальный музей Республики Коми. Следовательно, документы Р. Л. Поповой отложились в нескольких учреждениях республики.

Нельзя забывать, что как историк Раиса Леонидовна организовала несколько хороших музеев в школах Ухты.

Организационные способности Раисы Леонидовны позволили объединить краеведов Ухты. Это были уважаемые и опытные горожане: преподаватель Ф.М. Трубачев, Потолицын, топограф П. Г. Сухогузов, журналист А. Н. Козулин, к. и. н. Л. Г. Борозинец и др. Но главное, заключалось в том, что Попова умела привлекать в краеведческое движение молодежь и школьников. Они посещали ее на дому, она обучала их, как собирать и обрабатывать разрозненные факты и делать выводы. Многие из них выступали почти на каждой краеведческой конференции в Сыктывкаре.

Р. Л. Попова свыше 20 лет была членом президиума республиканского Общества изучения Коми края. Именно она предложила тему одной из конференций «Научные экспедиции и исследования Коми края» в 1993 г. По ее инициативе на самом старом здании города Сыктывкар – бывшем доме Сухановых, где ныне располагается Национальный музей Республики Коми, была установлена мемориальная доска, выполненная скульптором В. А. Рохиним, путешественнику Крузенштерну (к сожалению, во время длительного ремонта здания доска была утрачена).

Первая наша совместная работа началась в 1988 г., когда она рассказывала, как много работ опубликовал еще до 1917 г. ее дед Василий Филиппович Попов. В то время издать библиографию его трудов было невозможно, пришлось идти на компромисс. В рамках спецкурса «Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII – начале XX вв.», который я читала студентам университета, были подготовлены методические указания и библиографический список трудов В. Ф. Попова (Сыктывкар, 1991).

В середине 1990-х гг. Р. Л. стала расспрашивать, как издать сочинения ее деда. К этому времени она уже имела копии всех его статей, заметок и фельетонов. Все тексты она перепечатала. Долгими вечерами мы их вычитывали и выверяли, обсуждали, какие нужны примечания и что нужно отметить в предисловии... Грустную историю, как не удалось осуществить задуманное, автор этой книги описала сама.

Раиса Леонидовна Попова стала известным в Республике Коми автором книг, статей и заметок в средствах массовой информации, часто выступала по местному радио.

Активная пропагандистская деятельность Раисы Леонидовны хорошо отражена в двух изданиях библиографического указателя ее труда. Указатели готовила и опубликовала в серии «Краеведы Ухты» центральная библиотека г. Ухта (2009, 2015).

У Раисы Леонидовны опубликовано несколько статей в местных изданиях по истории семьи, которые в переработанном и расширенном виде стали основой этой книги. Учитель и пропагандист, страстно влюбленная в Коми край, Раиса Леонидовна обратилась к истории семьи и блестяще выполнила задуманное. Самыми крупными трудами в наследии Поповой можно назвать две книги. Одна написана в соавторстве и посвящена ее ученику Герою России А. И. Алексееву (Попова Р. Л., Кокин П. Н. Беру командование на себя!... Ухта, 2012). Другая является мемуарами: «Будем достойны наших предков!» (Ухта, 2012. 612 с.)

Книга, которую держит читатель, свидетельствует, как продуманно, логично и строго выстроено содержание, насколько квалифицированно автор стремилась наиболее точно изложить выявленные в архивах и собранные от различных корреспондентов сведения о своем семейном клане. Почти каждое положение аргументировано либо конкретным указанием в тексте или сносками из семейных коллекций, разных музеев и архивов страны. Автор книги была отличным, как модно нынче говорить, интервьюером. Она приводит в книге множество сведений, из записанных ею воспоминаний о своих предках. Эти тексты являются великолепным и грамотным примером фиксации и подачи устных историй.

Книгу интересно читать, она написана просто, хорошим русским языком, отличается богатством словарного состава, содержит много лирических отступлений.

Оригинальность структуры книги заключается в том, что в ней помещено полтора десятка текстов Василия Попова. Статьи эти были опубликованы в конце XIX- начале XX в. и давно стали библиографической редкостью. Тексты являются оригинальными, ранее не известными источниками о повседневной жизни населения, условиях развития сельского хозяйства, о влиянии государственных преобразований на развитие экономики и о роли национальной интеллигенции в воспитании молодежи.

По своему содержанию включенные работы В. Ф. Попова можно разбить на несколько боков. Первый, более крупный блок – это исследования, касающиеся земельных отношений в Коми крае, в частности о земельных порядках у зырян, о взаимопомощи и коллективном труде в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда, рассматривается переселение и землеустройство в Вологодской губернии, анализируется историческое развитие общины у зырян. О значении этого блока д.и.н. проф. В.И. Чупров в 1996 г. писал так: «Сегодня все эти работы, когда ставится вопрос о введении частной

собственности на землю в Республике Коми, имеют принципиальное значение и несомненно помогут в понимании и решении трудных вопросов сельского хозяйства».

Ко второму блоку можно отнести работы этнографического и фольклорного характера. В выбранных работах рассматриваются охотничий промысел у зырян, жизнь женщины-зырянки и некоторые моменты из жизни Коми края в форме сказок и былей.

Несколько статей связаны с тем, что В. Попов выступал за улучшение современного образа жизни. Представляется весьма важным продолжение изучения формирования и деятельности интеллигенции края конца XIX – начала XX в., среди которых видную роль играл В. Ф. Попов как исследователь, экономист, статистик и почвовед.

Сопровождающие текст около 80 фотографий есть еще одно документальное свидетельство эпохи.

На первый взгляд, работа немного перегружена рассказами о людях, которые окружали ее предков. С другой стороны, это создает ауру интеллектуального мира коми граждан, что очень ценно. Что касается советской истории, то в книге отражено громадное количество фактов, событий, ситуаций, оригинальных и ярких зарисовок о работе коми типографии и издательства, укладу жизни горожан, т. е. повседневности. Книга представляет собой уникальный пример родословия, написанный умелой рукой историка и краеведа.

Р. Л. Попова сетовала, что имя ее деда Василия Филипповича постоянно упоминают в научных работах, используют и ссылаются на его труды, говорят о его роли в общественной и политической жизни Коми края, пишут о его исследованиях по землепользованию, крестьянской общине и экономическому положению коми крестьянства, о его незабываемом вкладе в организацию сначала земской, затем советской статистической службы в нашем крае в конце XIX – начале XX вв. В качестве примера она привела интересный факт. Только в коллективной монографии «Истории Коми» Василий Филиппович, как активный политик, упоминается 26 раз.

Попова писала: «что Василий Филиппович Попов заслужил серьезного внимания историков и фундаментальной работы о его научной, политической и организационной деятельности. В.Ф. Попов [...] продолжал оставаться оптимистом и верил в неиссякаемые силы коми народа. Своей разносторонней деятельностью и исследованиями Василий Филиппович внес заметный вклад в статистику, экономику, политику и культуру Коми края».

Фундаментальный труд о семейном клане Поповых подготовила сама автор этой книги. Издание будет определенным этапом современной историографии и результатом развития краеведения в Республике.

* * *

В подготовке книги заинтересованное участие принимали сотрудники городской Ухтинской библиотеки, музея, многие учреждения и граждане республики. В течение нескольких лет деловую поддержку Раисе Леонидовне оказывали А. Брозиг, одна из потомков Крузенштернов О. Воробьева, С. Л. Другак, В. Д. Кушнарченко, О. И. Попов, В. В. Попова, Ю. П. Романов и др. За эту душевную помощь всем сердечная благодарность. За эту душевную помощь всем сердечная благодарность.

01.02.2016

*Главный научный сотрудник
отдела гуманитарных междисциплинарных исследований
Коми научного центра Уральского отделения РАН
д.и.н. проф. Л. П. Роцевская*

Предисловие

С началом перестройки открытием ранее секретных архивных фондов у многих жителей нашей страны возник интерес к малой родине, к месту, где родился и жил, а также к истории своей семьи. Многие люди начали составлять свои родословные, стали организовываться краеведческие конференции, конкурсы на генеалогические темы. В Сыктывкаре существует родовая община потомков репрессированного духовенства, которым руководит известный краевед Анна Георгиевна Малыгина.

Результаты исследований, свои находки они публикуют в газете «Вера» и представляют в Епархию. Генеалогическое общество «Ортпу» под руководством М. Д. Игнатова ряд лет проводило конкурсы результатов исследований. Недавно краеведами г. Сыктывкара принято решение заняться составлением «Крестьянских родословий» республики.

Изучением своего рода я занялась в середине 1980-х гг., когда работала в Ухтинской средней школе № 10. В те годы я стала все чаще задумываться над вопросом, кто были мои дед и прадед по отцовской линии, где они жили, чем были известны? Отца мамы, Петра Ивановича, я видела и помню хорошо. Он возил меня верхом на своем коне Серко. Дед мамы, Иван Федорович и прадед Федор Иванович Сидоровы были крестьянами, весьма уважаемыми в округе. Иван Федорович состоял сельским заседателем в Усть-Сысольском уездном суде (1865 г.).

А вот о Василии Филипповиче Попове, отце нашего папы, шепотом говорили родственники, что он сидел в тюрьме, его называли «буржуазным националистом», «бывшим земцем», «контрреволюционером». Наш отец никогда не говорил с нами на эту тему. Впоследствии стало понятно, почему: папу два раза увольняли с работы в Коми издательстве под разными предлогами. А причина была одна – за отца, «бывшего земца».

От мамы я узнала, что наш прадед Филипп Попов «был очень высокий, красивый человек. Пришел он в Усть-Сысольск богатым с Севера». Обдумывая эту фразу, я решила, что Север – это наверно Ижма, где жили богатые оленеводы, возможно, Усть-Цильма.

Мой двоюродный брат Павел Иванович Попов, преподаватель астрономии в КГПИ, доцент, на одной из наших встреч, задав вопрос, не знаю ли я, кто был наш прадед, сам же на него и ответил: «он был беглым русским солдатом, неграмотным человеком».

Эти слова Павла не просто удивили меня, но можно сказать – возмутили! В семейном архиве Поповых, который достался ему в наследство, хранилось свидетельство

Василия Филипповича об окончании в 1885 г. Тотемской учительской семинарии. В этом свидетельстве вместо оценки по зырянскому языку было написано «прирожденный зырянин». Значит прадед – отец деда, был не русский, как утверждал Павел, а коми. Также записано в свидетельстве о рождении моего отца и в моем – мы все коми по национальности. Павел даже не вникал в содержание документов, которые хранились в семейном архиве.

Вот тогда и захотелось мне выяснить, кто же был наш прадед Филипп Попов: солдат или крестьянин, беглый человек или местный житель, русский или коми, неграмотный или образованный, как его сын Василий Филиппович, который стал организатором земской и советской статистики в Коми крае, исследователем, общественным и политическим деятелем.

С 1985-86 гг. начались долгие поиски в архивах, библиотеках и музеях Сыктывкара, Тотьмы, Вологды, Яренска, Свердловска, Кирова, Перми, Москвы, Ленинграда и Великого Устюга, которые постепенно стали давать результаты и помогли установить, кем был прадед и какую роль он сыграл в развитии культуры коми народа в середине XIX века. Он много сделал для родного края «добровольным вызовом», то есть по собственной инициативе, а не по распоряжению управленческих структур. И эта личная инициатива стала характерной чертой жизни и деятельности его потомков.

Кстати, надо признаться, что работать в архиве по поиску необходимых документов, я не умела. Мы учились в годы войны, когда у нас на историческом факультете КГПИ не было ни музейной, ни архивной практики. Учебные программы были сокращены, т.к. все лето и даже в сентябре студенты работали на сплаве.

Работать в архиве меня научили наши ухтинские краеведы В. П. Потолицын и П. Г. Сухогузов. Они рассказали мне, как оформлены дела в архиве, что такое фонд, опись, дело, как их заказывать, сдавать обратно, выписывать и т. д. Я всегда с благодарностью вспоминаю своих наставников по поисковой работе в архивах.

Постепенно мои поиски стали давать результаты, по итогам которых я написала первые статьи о дедке В. Ф. Попове и прадеде Ф. Я. Попове.¹

Благодаря исследованиям своей родословной я познакомилась со своими родственниками, которые независимо от меня тоже занимались изучением жизни своих предков. Сейчас двое из них Светлана Другак (Кресова) и Вера Попова принимают участие в моей поисковой работе. По результатам их архивных исследований мы нашли пра-пра-пра-деда моего прадеда Филиппа Попова. Ему посвящена первая глава книги.

¹ Попова Р. От вознаграждения отказался // Красное знамя. 1988, 12 октября; Попова Р. Любознательный зырянин // Молодежь Севера. 1989. 11 января.

Во второй части рассказывается о нашем деде В. Ф. Попове, исследователе, общественном и политическом деятеле Коми края.

А третья часть посвящена моему отцу Л. В. Попову. «Он и бухгалтер и художник, он и певец и охотник», участник двух войн – гражданской и Великой Отечественной войн.

Министерством культуры Республики Коми было включено в план на 1996 год издание моей книги о деде В. Ф. Попове «С народом родной пармы» под редакцией д.и.н. Л. П. Рощевской. Машинописный текст книги был сдан в Коми издательство. К сожалению, по неизвестным мне причинам книгу не напечатали. Даже рукопись затеряли... Поэтому в конце книги я решила поместить библиографический список трудов деда, составленный им лично, и несколько его избранных произведений.

ЗНАНИЯ И ДЕЛА НА БЛАГО СВОЕМУ НАРОДУ.

ПРАДЕД ФИЛИПП ПОПОВ

Наш прадед Филипп Якимович Попов согласно исповедальным ведомостям, сохранившимся в Алексеевской церкви, родился в 1805 году в селе Усть-Нем Усть-Куломской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.²

Село Усть-Нем расположено в верховьях реки Вычегда, где река поворачивает с севера на запад, и в эту излучину впадает с юга небольшая веселая речушка Немь, которая и дала название новому поселению. «Основали село в 1638 году вишерские крестьяне, получившие разрешение поселиться близ устья реки Немь (Вишера ныне Богородск)».³ Переселенцам понравился правый высокий берег, не затопляемый во время весеннего половодья, сочные луга вдоль поймы рек, светлый сосновый бор, полный дичи, грибов и ягод. И также ... яркое солнце и голубое безоблачное небо, встретившие первых переселенцев в день их прибытия к устью реки Немь.

Через восемь лет в 1646 году в деревне Усть-Нем на реке Вычегда насчитывалось 14 крестьянских дворов. Во второй половине XVII века жители построили церковь «Алексия человека Божия» (Алексеевская церковь). Рядом с ней появились дома церковнослужителей: попа, дьячка, пономаря и просвирни. В конце XVII века торговый путь в Сибирь, проходивший через Коми край по рекам Вымь, Ижма и Печора перевели намного южнее. Теперь он проходил по реке Вычегде. По этому пути привозили из центра хлеб, с Печоры и Урала – пушнину, точильный камень, кедровые орехи, с р. Вымь – сереговскую соль и т.д. Небольшой торжок, возникший в Усть-Сысольском погосте, вскоре перерос в крупнейшую в Коми крае Георгиевскую ярмарку. Появились ярмарки и вблизи Усть-Нема – это в волостном центре, в селе Усть-Кулом, куда все чаще теперь стали ездить торговать и покупать привозные товары усть-немские крестьяне.

Расширение торговли в свою очередь вело к росту населения во многих поселениях на Вычегде. Теперь в Усть-Нем приезжают поселенцы с Удоры, Сысолы и других мест Коми края. К началу XIX века в Усть-Неме было 58 дворов и проживало 385 жителей.

Доктор исторических наук И. Л. Жеребцов перечисляет фамилии жителей села, записанные в сохранившихся документах: Ермолины, Мальцевы, Габовы, Кармановы, Мамонтовы, Шешуковы, Игнатовы и др. Однако, в этом списке нет Поповых, которых было немало среди священнослужителей и крестьян Усть-Нема и его окрестностей.

² По записи о смерти в метрической книге Троицкого Собора 10 июля 1869 г. ему 66 лет – значит, родился в 1803 г. (НАРК. Ф. 230, Оп. 1. Д.107. Л. 131-132).

³ Жеребцов И.Л. Где ты живешь? Сыктывкар, 1964. – С. 236.

Предки Филиппа Якимовича Попова были потомственными священниками в селе Усть-Нем и соседних поселениях. О его пра-пра-пра-деде Феодосии Михайлове в переписной книге 1696-97 гг. записано: «Алексеевская церковь ни пашни, ни покосов не имеет. А поп с причетники питаются мирских людей хлебной ругою. Да попу с причетники дано сенных покосов на 100 копен волоковых». В конце записано: «...Переписную книгу по причине неграмотности старосты и двух целовальников по просьбе мирских людей подписал поп Феодосий»⁴. (Хлебная руга давалась для пропитания церковному причту, не имевшему пахотной земли, ржаным или ячменным зерном и крупой – Р. П.).

После окончания переписи священник Феодосий Михайлов вместе с прихожанами принимал участие в выборах церковного старосты. Избрали крестьянина Ерофея Мамонтова, затем проверили церковную казну. В ней оказалось 10 рублей, причем книги по учету поступления и расходования средств никогда не заводили. Деньги всегда хранились у церковного старосты. Выборщики решили завести такую книгу по учету церковных денежных средств.

В верховьях р. Вычегды, на зеленых берегах речки Немь, с. Усть-Нем

⁴ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Книга 76.

г. Усть-Сысольск, ул. Набережная, Троицкий Свято-Покровский собор

Феодосий Михайлов состоял священником Алексеевской церкви еще с 1678 г. (согласно переписи 1678 г.), служил долго и честно, за что был отмечен наградами. 29 октября 1705 года Феодосий скончался, жители села похоронили его с честью. А церковный приход остался временно без священника.

Тогда новый церковный староста Михайло Осифов и семь жителей села от имени всех прихожан написали челобитную архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Иосифу с просьбой вместо умершего священника Феодосия назначить его сына дьячка Афанасия Федосеева: «...чтобы нам сиротам без покаяния, и женам нашим – роженицам без молитвы, и младенцам без крещения не умирать. Государь Преосвященный, архиепископ, смилуйся, пожалей нас».⁵

В том же 1705 году Афанасия Федосеевича утвердили священником Алексеевской церкви. Он в то время был молод, женат, но пока бездетен. Прошло более 30 лет (1705-1744), родились и выросли дети, подрастали внучата, состарился сам Афанасий Федосеев, честно прослуживший священником прихода. В документах, сохранившихся в РГАДА за 1744 год по Усть-Немской церкви, священником в Алексеевской церкви является его сын Григорий Афанасьев сын Попов 28 лет, а сам «бывший поп Афанасий Федосеев 69 лет» указан в списках, как «празднопроживающий в своем доме вместе с внуками, с детьми его старшего сына Андрея Афанасьева – Семеном и Филиппом». В 1755 году Григорию

⁵ РГАДА. Ф. 1206. Д. 386 за 1705. Л. 1.

Афанасьеву 39 лет, Афанасию Федосееву – уже 80 лет, он «дряхл и слеп». За ним ухаживают сын, внуки и прихожане.

Сын Григория Афанасьева Иван Григорьев, дед моего известного теперь многим прадеда Филиппа Якимовича в молодости служил дьячком в Печорской Троицкой церкви. Там он женился на дочери местного священника Анастасии Петровне. У них родились первые дети Кирилл и Анисья. После смерти отца Ивана Григорьевича перевели на его место священником в Алексеевскую церковь. Повзрослевший Иван с женой и детьми с огромной радостью вернулся в родное село и приступил к исполнению церковной службы.

Среди предков Филиппа Якимовича по линии деда Ивана Григорьевича и бабушки Анастасии Петровны нам известно 24 священнослужителя. Он является потомком двух больших родов служителей церкви верховьев Вычегды и Печоры, которые служили в селах Усть-Кулом, Усть-Нем, Керчомья, Помоздино, Троицко-Печорск и др. Их семьи разрастались, т. к. у священников всегда было много детей, и часть Поповых стали переходить в крестьянское сословие. Они начали заниматься сельским хозяйством, охотой и рыболовством. Теперь они платили все налоги и несли повинности сначала по Писцовым книгам, а затем по Ревизским сказкам.

В семьях Поповых сложились прочные семейные связи, надежные отношения взаимопомощи и поддержки многодетных и бедных семей. Сироты, одинокие немощные и старые люди всегда находили приют в семьях родственников. Приемных детей содержали и воспитывали наравне со своими.

Так, например, дядя нашего прадеда Филиппа Петр Иванович (сын священника Ивана Григорьевича) в юности жил вместе с одиноким больным Прокопием Васильевичем в семье двоюродного дяди Филиппа Андреевича. А когда Петр Иванович, став взрослым, создал свою семью и завел свое хозяйство, взял к себе одинокого состарившегося Прокопия и малолетнего племянника, нашего Филиппа. Матерью Филиппа была старшая сестра Петра Ивановича Анисья.

У священника Ивана Григорьевича было три сына – Петр, Михей, Федор, и три дочери – Анисья, Ирина, Татьяна. В 1807 году Анисьи уже нет в составе семье Ивана Григорьевича. Возможно, она умерла между 1805 и 1807 годом. По возрастным и косвенным данным только Анисья может быть матерью Филиппа.

Мой дед Василий Филиппович в повести «Чурка-Максим. Из зырянских былей», главным героем, которого является незаконнорожденный мальчик Максим, в литературной форме рассказал о своем отце Филиппе Якимовиче: «До тридцати лет Дарья (мать Максима – Р. П.) жила честно... Но, наконец, стало невмоготу. Дарья хоть раз, на

минуту захотела пожить для себя. И он родился ...». Сравнивая Дарью и Анисью, находим сходство их судеб. Анисья также в возрасте 31 года родила сына Филиппа. После смерти матери Филипп живет в семье своего дяди Петра Ивановича, брата Анисьи. Петр Иванович уже женат, имеет своих детей, ведет свое хозяйство, и, выйдя из духовного сословия, числится крестьянином деревни Усть-Нем.

Маленький Филипп вместе с семьей дяди посещает богослужения в церкви, ходит с ними на исповедь. Подрастая, он начинает помогать в хозяйственных делах. Многие исповедальные ведомости по Алексеевской церкви сохранились, и по ним можно проследить возраст Филиппа. В 1816 г. Филиппу 12 лет, в 1819 г. – 16 лет.

У самого Петра Ивановича пятеро детей, но он продолжает заботиться и о Прокопии и Филиппе. В 1824 г. Петр Иванович умер, семью теперь возглавила его преданная и заботливая жена Акулина Феофановна. Филипп, женившись в возрасте 20 лет, приводит в эту семью и свою молодую жену Настасью Евтихиевну, которой исполнилось 18 лет.

В 1830 г. Филипп продолжает числиться в приемной семье, у него уже двое детей – Иван и Михаил. Примерно в это же время Филипп Якимович переезжает в Усть-Сысольск, но на исповедь он вместе с семьей ездит в родную деревню Усть-Нем. Формально он продолжал числиться жителем Усть-Нема.

Труднее ответить на вопрос, где он учился, где получил образование, чтобы русские ученые геолог А. А. Кейзерлинг и капитан-лейтенант П. И. Крузенштерн могли называть его «образованным жителем Усть-Сысольска». Н. П. Попов, возглавивший составление русско-зырянского словаря, закончивший Павловский кадетский корпус, где его учили военные и профессора, написал о Филиппе Якимовиче академику Шегрену: «... Попов знаток в полном смысле языка своего, зная притом основательно и наш русский»⁶.

В Усть-Неме в начале XIX века не было учебных заведений. Первую приходскую школу открыли в 1860 году, а земское училище позднее – в 1870.

Я полагаю, что Филипп азы грамоты и арифметику изучал дома, в семье. Священники при отсутствии школ в поселении, где они служили, сами обучали своих детей и внуков, а затем отправляли их в города для продолжения обучения в духовных училищах и семинариях. В «Ведомостях о детях священно-церковнослужителей» можно прочитать записи о мальчиках: «изучил часослов и псалтырь», «изучил азбуку, изучает часослов», «обучается в духовном училище» и т.д.

⁶ Арт. Сыктывкар, 2009. № 3, С. 119.

Иногда в деревнях появлялись временные школы, такие, какая описана в повести «Чурка-Максим». Поздней осенью в деревню пришел старый отставной солдат обучать детей грамоте. Еще давно, когда кончился срок службы в армии, отставной унтер-офицер проехал и прошел большое расстояние из центра, где располагалась их воинская часть, до родной коми деревни. На пропитание он зарабатывал в пути, останавливаясь в некоторых деревнях и обучая детей грамоте. Вот и теперь, когда исполнилось ему 70 лет, он решил поработать и прокормиться в селе Усть-Нем. «У него было пять церковно-гражданских букварей, Псалтырь и Часослов и длинная буковая указка. Выговорил себе плату за обучение: за каждого мальчика отцы должны были его кормить, а весной, к уходу общим коштом смастерить сапоги, пару портов и собрать 5 рублей денег. Оттопили свободную избу и учење началось».⁷

Весной, в марте, мальчикам стало не до учебы – они помогали родителям вывозить навоз на поля. Школа опустела, и её закрыли. После этого Максим занимался самостоятельно, изготовив себе из бересты книгу и тетради. Затем ему привезли из города Усть-Сысольска несколько школьных учебников, которые он выучил наизусть. Возможно, в такой временной школе учился и наш Филипп.

Потомки дочери Филиппа Якимовича Анны, закончившей усть-сысольскую прогимназию и вышедшей замуж за троицко-печорского зажиточного крестьянина И. В. Попова (из рода Пищиков), знали, что её отец обучался в одном из учебных заведений Вологодской губернии. Но в каком? – никто уже не помнил.⁸ Вполне возможно, что в 1817-1824 гг. Филипп обучался в духовном училище или светской школе в одном из городов – Яренске, Вологде или Тотьме. Документальных подтверждений пока нет, поэтому поиск продолжается.

Также важен второй вопрос: как Филипп Попов, простой государственный крестьянин из небольшого коми села – не богатый купец и не мещанин из другого города, сумел довольно быстро переехать в уездный город Усть-Сысольск, поселиться там и вскоре стать уважаемым горожанином, которого стали приглашать на различные собрания по раскладке налогов и по другим городским вопросам?

Научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН И. Н. Костромина, филолог, изучавшая статьи д. филол. н. Адольфа Ивановича Туркина о первом и втором вариантах русско-зырянского словаря (Н. П. Попова) считала, что Филипп Попов проживал в селе Усть-Кулом, занимался сельским хозяйством, а в свободное время делал переводы

⁷ Попова Р. Л. Кто автор повести «Чурка-Максим (Из зырянских былей)» // Известия ОИКК. – Сыктывкар, 2004. – С. 21-32.

⁸ Письмо д.г.-м.н. В. А. Чижовой Л. А. Кресову от 13.08.1998 г.

русских слов на коми язык. Готовые тетради переводов по буквам алфавита отправлял в Усть-Сысольск руководителю группы добровольных лексикологов Н. П. Попову.

Однако установлено, что Филипп Якимович Попов никогда не проживал в Усть-Куломе. Исповедальные ведомости подтверждают, что родился он и проживал до 20 лет в с. Усть-Нем, а затем переехал в город Усть-Сысольск.

Я думаю, что осенью, когда Филипп ехал на учебу, а весной или летом возвращался домой на каникулы, он имел возможность останавливаться ненадолго в Усть-Сысольске и пройтись по главным улицам города. Город произвел на него неизгладимое впечатление: красивые белоснежные церкви и Троицкий собор, добротные двухэтажные дома, обшитые тесом и окрашенные в светлые тона, большое количество лавок на базарной площади, приветливые и общительные жители города – всё понравилось молодому любознательному юноше. И вскоре у него возникла мысль о переводе в город, что давало ему лучшие возможности в устройстве на службу и содержания растущей семьи.

Вскоре он встретился с Алексеем Сухановым, сыном богатого усть-сысольского купца Степана Григорьевича Суханова, имевшего земли в верховьях р. Вычегды. Филипп заинтересовался делами Алексея Степановича, его работой по сбору коми слов и составлению русско-зырянского словаря. Он присоединился к нему и буквально через несколько месяцев, в 1831 г., эту группу добровольных лексикологов пожелал возглавить отставной офицер Н. П. Попов. Суханов об этом сообщил академику Шегрену, с которым он уже давно вел переписку. Филипп проживает в Усть-Сысольске по временному документу, подписанному в Усть-Немском управлении. Но в материалах Академии наук, в переписке с академиком Шегреном и в научном труде А. Кейзерлинга и П. Крузенштерна его называют жителем Усть-Сысольска.

По поручению уездных властей в апреле 1834 года Филипп ездил на родину в село Усть-Нем для составления ревизской сказки по Усть-Немской волости. Документы по переписи сохранились в Национальном архиве Республики Коми. Они составлены его рукой четким аккуратным почерком и подписаны: «вместо сказкоподателя Усть-немского селения крестьянина Михайла Анисимова Мальцева по безграмотству его и личной просьбе того же Усть-Немского селения крестьянин Филипп Попов к сей сказке руку приложил».⁹

В 1843 г. Филипп отправился в качестве проводника и переводчика с правительственной Печорской экспедицией российских ученых А. А. Кейзерлинга и капитан-лейтенанта П. И. Крузенштерна.

⁹ НА РК. Ф. 343. Оп. 1. Д. 14. Ревизская сказка 1834 года.

На деньги, заработанные в экспедиции, Филипп Якимович приобрел в 13 квартале по улице Троицкой (ныне Ленина) землю (плановое место 208) и начал строительство собственного дома. Одновременно он обращается в Вологодскую палату государственных имуществ с прошением о его переводе из с. Усть-Нем Усть-Куломской волости в город Усть-Сысольск. В 1857 г. его просьбу удовлетворили, но, поскольку он был государственным крестьянином, его перевели не в город, а приписали к деревне Кочпон Вьльгортской волости Сретенского общества. Кочпон был всего в нескольких километрах от Усть-Сысольска. Документ этот пока не обнаружен, но он указан в ревизской сказке за 1858 г «18 апреля по Усть-Сысольскому уезду Вьльгортской волости Сретенского общества деревня Кочпонская» (с. 83). Семья Филиппа Якимовича числится под номером 230.¹⁰

Здесь записано: «Филипп Якимов 53 лет причислен по предписанию палаты Государственных имуществ в 1857 году из Усть-Куломской волости». У него 2-я жена Наталья Ивановна и дети: Иван (32 года), Виктор (8 лет), Ефим – новорожденный (4 года). Дочери – Анна, Елена.

Рождение последующих детей: Феклы, второго Ивана, Василиска и Василия, записанных не в Кочпонской или Вьльгортской церквях, а в метрических книгах главного Троицкого собора города, подтверждают, что Филипп Попов проживал в Усть-Сысольске. Кроме того, сохранилась интересная пометка в «Подворной описи состояния хозяйства и повинностей крестьян Вьльгортской волости в 1872 г.». Здесь отмечено, что сам Филипп Якимович и его сыновья Иван и Виктор умерли, но год смерти их не указан. Главой семьи является вдова Наталья Ивановна Попова, 49 лет. Перечислены «дети её и Филипповы: Ефим 18 лет, Елена 16 лет, Александра 10 лет» и пометка с правой стороны листа «оседлости не имеют, и постоянное место жительства имеют в городе Усть-Сысольске».¹¹

Теперь имя прадеда не пустой звук для меня, я уже много знаю о нем, о его жизни и деятельности на благо родного края. Написала о нем семь статей, поместила краткие сведения о прадеде в «Энциклопедию Республики Коми». Выступила с четырьмя докладами на научных и краеведческих конференциях. Я горжусь своим прадедом Филиппом Поповым. Теперь знаю и наших далеких предков с начала XVII века, которые были трудолюбивыми крестьянами и уважаемыми священнослужителями в Усть-Немской, Усть-Куломской, Троицко-Печорской волостях.

¹⁰ НАРК. Ф. 343. Оп. 1. Д. 22. Л. 95 об. -96. Ревизская сказка 1858 года.

¹¹ НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 74 об.-75.

В дар землякам пища духовная – Русско-зырянский словарь

Рассмотрим причины, обусловившие необходимость составления словаря в первой половине XIX века.

Предпосылки для создания такого словаря стали складываться в результате развития экономики и культуры Коми края. В начале XIX века происходило расширение районов земледелия, некоторый рост посевов зерновых. Пушнина, продукция животноводства и оленеводства, первые заготовки сортового леса привлекали в наш край богатых купцов и торговцев. Увеличивался завоз из южных районов хлеба, орудий труда, оружия, пороха, тканей и других товаров и изделий. Таким образом, неуклонно росли торговые связи с Центром, Прикамьем, Уралом. Вместе с этим усиливалось общение коми народа с русскими, и отсюда возникает острая необходимость в словаре, который бы помог зырянам в освоении русского языка.

Сначала словарь по совету академика Шегрена составлялся шежамским священником Михайловым и усть-сысольским мещанином И. Р. Мальцевым. После смерти Мальцева (1830 г.) над созданием словаря работала группа добровольцев лексикологов.

Имеется три наиболее ранних упоминаний об этом авторском коллективе, причем два из них найдены в печатных изданиях того времени.

В Журнале Министерства народного образования за 1834 год, в выписках из протоколов заседаний Академии наук зафиксировано: «читано письмо от 4 апреля из Усть-Сысольска Вологодской губернии, коим трое жителей сего города, а именно: штабс-капитан Николай Попов, купеческий сын Алексей Суханов и крестьянин Филипп Попов представляют на рассмотрение Академии наук образчик зырянского словаря..., заключающего литеру К».¹²

В «Вологодских губернских ведомостях» за 1838 г. сообщается: «...после смерти Мальцева продолжение труда приняли на себя добровольным вызовом: усть-сысольский уездный стряпчий, губернский секретарь Николай Попов, купеческий сын Алексей Суханов и крестьянин Усть-Куломского селения Филипп Попов».¹³

Еще одно упоминание об участии Ф. Я. Попова в составлении словаря имеется в деле «Об издании перевода наставления о картофеле на зырянском языке» в ЦГИА РФ по III департаменту Министерства государственных имуществ. Управляющий Вологодской палатой государственных имуществ Б. И. Нагель, отправляя в Министерство перевод «Краткого наставления о картофеле...», сделанного Ф. Я. Поповым, представил его к

¹² Журнал Министерства народного образования. 1834. Июль. С. 73.

¹³ Вологодские губернские ведомости. 1838. № 6. С. 41-42.

награждению медалью. Он докладывал: «Попов имеет еще и ту заслугу, что он по вызову Императорской Академии наук, занимался вместе с другими лицами составлением полного лексикона зырянского языка и получил за это благодарность Академии».¹⁴

Эти публикации, на мой взгляд, очень важны, поскольку доказывают, что рукопись первого варианта словаря, сданная в Академию наук с указанием авторства только Н.П. Попова, составлялась фактически группой из трех человек, о чем имеются неоднократные упоминания в печати и архивных документах того времени. Кроме того, труд Филиппа Якимовича отмечен благодарностью Академии наук (!).

Руководитель группы Николай Павлович Попов (1801-1877 гг.), выходец из мелкого служилого дворянства, родился в городе Яренске Вологодской губернии. После окончания уездного училища в 1814 году как обер-офицерский сын был принят в Павловский кадетский корпус.

*ПОПОВ Николай Павлович
(1801-1877)*

*руководитель добровольных лексикологов – составителей
русско-зырянского словаря*

Военная карьера у него складывалась удачно; за несколько лет он дослужился до капитана. Однако по требованию престарелого отца штаб-лекаря Павла Попова, потерявшего в Русско-турецкой войне старшего сына, вынужден был оставить армию и приехать в захолустный Усть-Сысольск по месту службы отца. Сначала отставной капитан работал уездным стряпчим, затем губернским секретарем, дворянским заседателем в уездном суде. Будучи русским, да еще только что приехавшим в Усть-Сысольск, Н. П. Попов не мог хорошо знать коми язык, но организаторские способности, которыми он, видимо, обладал как бывший офицер, помогли ему возглавить работу группы добровольных лексикологов. Связанный постоянной службой, он не имел возможности разъезжать по уезду для сбора слов разных коми диалектов, как указал в предисловии к «Учебнику зырянского языка». В протоколах уездного суда строго

¹⁴ ЦГИА РФ. Ф. 398. Оп. 8. Д. 2167. 1844. Л. 2.

фикси́ровалось любое отсутствие членов суда, как в случае отпуска, так и в случае болезни. Поэтому, наверное, следует признать, что упоминание Н. П. Попова о его разъездах по уезду с целью сбора коми слов для словаря и учебника зырянского языка, указано им для повышения своего авторитета, престижа. Работу же по сбору слов разных коми диалектов выполняли Алексей Суханов и Филипп Попов.

Алексей Степанович Суханов (1795-1842 гг.) – старший сын известного усть-сысольского купца С. Г. Суханова, род которого в дальнейшем оскудел. Но в начале XIX века Сухановы были еще богаты. В доме у них имелась хорошая библиотека, где было немало книг, журналов и газет. Алексею Степановичу, человеку образованному и большого опыта, уездные власти поручили в апреле 1834 года возглавить работу по составлению ревизских сказок по городу Усть-Сысольску и уезду для обложения населения повинностями и налогами. Под первым номером записана его семья. Глава семьи Степан Григорьевич уже умер. Из его детей указаны в предшествующей ревизии (1816 г.) Василий, Алексей, Павел, Дмитрий и Александр. В 1834 г. остались только Алексей 40 лет, Павел 39 лет, Александр 28 лет. Из женщин – сестра Александра и жена Алексея Евфалия. Алексей Степанович подвел итог по разделу купцов и мещан: «Всего по Усть-Сысольску купцов и мещан – налицо 908, купчих и мещанок – 996». К сожалению, из второй части ревизской сказки, где записаны крестьяне, выписки для себя я не сделала.

Суханов много разъезжал по торговым делам, попутно собирая и записывая зырянские слова. Вплоть до кончины Суханов финансировал работу по составлению словаря. В последний раз он выделил «на разные расходы 100 рублей серебром».¹⁵ Суханов еще до присоединения к авторскому коллективу Н. П. Попова лично переписывался с академиком Шегреном (7 писем) и составлял словарь. В 1828 году у него было собрано 500 слов.

Мы вероятно уже не сможем узнать, как ездил по Усть-Сысольскому и Печорскому уездам Филипп Якимович Попов. Вместе ли с Сухановым или отдельно от него, собирал ли он только слова и разные виды народного фольклора или одновременно выполнял какие-то торговые поручения купца-мецената. Сведения о том, что он много разъезжал и хорошо знал Усть-Сысольский уезд, вычегодские и печорские волости, мы узнаем из книги А. Кейзерлига и П. Крузенштерна «Научные наблюдения во время поездки по Печорской земле в 1843 г.» (на немецком языке, с.417).

Авторы современного 6-ти томного издания «Очерки по истории географических открытий» И. П. и В. И. Магидовичи отметили, что А. Кейзерлинг и П. Крузенштерн

¹⁵ Попов В. Ф. По поводу заметки Цембера «Две корреспонденции из Усть-Сысольска в 1838 г.» // Коми му. 1926. № 12.

массу сведений почерпнули из рассказов «проводника экспедиции и краеведа, много лет путешествовавшего по Печорской земле», т. е. Ф. Я. Попова.

Официальный ответ Академии наук от 22 января 1835 года с просьбой прислушаться к замечаниям и советам академика А. М. Шегрена и завершить труд по составлению словаря, вдохновил авторов, и они продолжили работу. Н. П. Попов широко привлекал к составлению словаря многочисленных корреспондентов и специалистов: служащих лесного хозяйства и др., у которых запросили списки специальных терминов по своей отрасли науки и роду деятельности.

Переписку с ними и с Академией наук вел Н. П. Попов, а в рукописи, как писал В. Ф. Попов, он только «систематизировал, приводил в алфавитный порядок и переписывал набело уже готовые тетради, сделанные моим отцом».¹⁶

Н. П. Попов в 1843 г. сдал «Русско-зырянский словарь» в четырех томах в Академию наук с указанием только своего авторства.

Вскоре Н. П. Попов и Ф. Я. Попов по совету того же академика Шегрена взялись за составление второго варианта словаря.

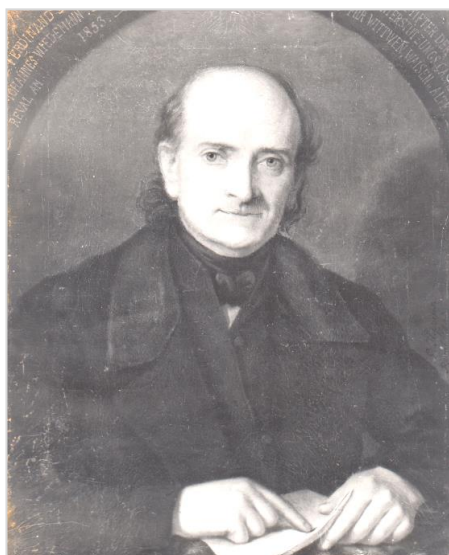
Он был расширен за счет включения сказаний, легенд, сказок, пословиц и религиозно-нравственных текстов. Словарь, содержащий около 70 000 слов, в 4 томах из 13 частей был сдан в Академию наук в 1863 году, и в том же году Н. П. Попов, по совету академика Видемана, представил его на соискание Демидовской премии. Конкурс состоялся в апреле 1864 г., но «Русско-зырянский словарь» награду не получил, так как за рукописные сочинения премия не полагалась. Непонятно только одно – зачем нужно было Ф. И. Видеману, академику, знающему это положение советовать заведомо безнадежное представление рукописи словаря на этот конкурс?

Академия наук приобрела словарь у Н. П. Попова за 1400 руб. серебром, но, как писал В. Ф. Попов, тот не доплатил за работу Филиппу Якимовичу 300 руб. серебром, и тогда прадед подал в суд на руководителя группы Н. П. Попова.

К сожалению, рукописи словаря, который является крупнейшим лексическим памятником коми языка XIX века, не были напечатаны. Однако его богатейший материал был изучен и полностью использован крупнейшим финно-угроведом XIX века академиком Ф. И. Видеманом и нашим соотечественником, первым коми ученым Г.С. Лыткиным для создания своих словарей¹⁷.

¹⁶ В. Ф. Попов. По поводу заметки Цембера "Две корреспонденции из Усть-Сысольска в 1838 г." // Коми му, 1926, № 12

¹⁷ Видеман Ф. И. Зырянско-немецкий словарь. СПб. 1880. Лыткин Г. С. Русско-зырянский словарь. Н, 1931

*ВИДЕМАН Фердинанд Иванович (1805-1888)
лингвист, специалист по финно-угорским языкам,
академик Петербургской Академии наук*

*ЛЫТКИН Г. С. (1835-1903)
коми языковед,
историк, переводчик*

Г. С. Лыткин высоко ценил словарь и труд лексикологов: «Словарь Н. П. Попова – плод двадцатипятилетней настойчивой и неутомимой работы, сокровищница коми речи, куда внесли лепту многие представители коми народа, и поэтому он не должен лежать в академической библиотеке без всякого движения». В 1880 году в газете «Новое время» Г. С. Лыткин обвинил академика Видемана в неиздании словаря Н. П. Попова, в использовании его в течение 15 лет для составления своего «Зырянско-немецкого словаря»: «Особенно нужен, до зарезу нужен, полный русско-зырянский словарь, а не зырянско-русский, тем более зырянско-немецкий. Немецкий – дело бесполезное, это баловство; об этом серьезно и толковать нельзя, несмотря на академические резоны Видемана».¹⁸

Рукопись словаря, долгие годы хранившаяся в Академии наук, с начала XX века считалась утраченной, и только в 1973 году два научных сотрудника Коми филиала Академии наук Г. Г. Бараксанов и А. И. Туркин обнаружили ее в архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

Доктор филологических наук А. И. Туркин, проживавший в Таллинне, изучив рукописи первого и второго варианта словаря, опубликовал несколько статей о Русско-Зырянском словаре. Он назвал нашего прадеда Филиппа Попова «тонким знатоком коми языка».¹⁹

Однако, после ознакомления со статьями А. И. Туркина и И. Н. Костроминой, соответствующими разделами о словаре в «Истории Республики Коми» (1996) и в I томе

¹⁸ Лыткин Г. С. По поводу заметки «Наша академия наук и русский язык» // Новое время, 1880, № 1457. 19/31 марта.

¹⁹ Туркин А. Русско-зырянский словарь Н. П. Попова // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1976, № 4. С. 293.

«История Коми» (2004), личной беседы с Г. Г. Бараксановым, переписки с А. И. Туркиным у меня сложилось мнение, что **рукописи словаря еще недостаточно изучены учеными-лингвистами**. В статьях имеются противоречия и кое-какие ошибки. И вот несколько примеров.

Вызывает сомнение утверждение А. И. Туркина: «Многолетний труд Н. П. Попова полностью переделал скромнейший А. Моторин»²⁰. I вариант словаря был сдан в Академию наук в 1843 году, а Моторин приехал в Усть-Сысольск только после окончания Вологодской духовной семинарии в 1844 году. Не мог же Моторин, обучаясь в семинарии, одновременно: 1) «помогать профессору П. Савваитову при составлении коми словарей»; 2) ему же помогать «в написании коми грамматики»; 3) выезжать на летние каникулы к родителям в село Подъельск; 4) и «полностью переделать» в Усть-Сысольске словарь Н. П. Попова(?). Нет ни одной статьи, нет упоминания в протоколах Академии наук или в переписке с Шегреном, где бы упоминался Моторин как участник составления словаря.

Г. С. Лыткин в предисловии к своему словарю заявил, что он также оказал содействие в составлении словаря: «В 1848-1854 гг. в бытность учеником Вологодской гимназии Лыткин летнее каникулярное время проводил в Усть-Сысольске. Тогда его как первого зырянина, попавшего в гимназию, охотно приглашали русские чиновники, между прочим, и Н. П. Попов. Последнему Лыткин сообщал записанные им зырянские песни, сказки, пословицы, поговорки, сборники отдельных слов и выражений, как материал для Русско-Зырянского словаря».²¹

Указанные годы (1848-1854 гг.) свидетельствуют, что эти события относятся только ко второму варианту словаря, но А. Туркин в статье о первом варианте словаря использовал примечания Г. С. Лыткина: «отдельные сборники зырянских слов, сказки и т.п. доставлялись Попову многими зырянами, между прочим мною и моими братьями». В момент сдачи в Академию наук (1843 г.) первого варианта русско-зырянского словаря Г. С. Лыткину исполнилось только 8 лет (1835 года рождения), он еще и в школу не ходил(!). Исследователям словаря надо более внимательно изучать и сопоставлять приписки и заметки, сделанные в словаре.

В статье Туркина о первом варианте Русско-Зырянского словаря имеются еще пять фактических ошибок в датах:

Привожу страницы по журналу Арт № 3.

²⁰ Туркин А. Русско-зырянский словарь Н. П. Попова// Советское финно-угроведение. Таллинн, 1976, № 4. С. 294.

²¹ Лыткин Г. С. Русско-зырянский словарь. М., 1931. Предисловие

Страница	Источник	Напечатано	Следует читать
102	В корреспонденции из Усть-Сысольска	1833 г.	1838 г. (ВГВ 1838, №6, с.41-42)
	Перевод Ф. Поповым «Краткого наставления... о картофеле»	1847 г.	1843 г.
	Смерть Ф. Попова	1867 г.	1869 г. 10 июля
	Дело 1847 г. об издании перевода наставления о картофеле... (сноска 7)	1847 г.	1844 г.
103	Смерть Н. П. Попова	1873 г. 11 июля	1877 г. 11 июня

Мне кажется, для одной статьи ошибок слишком много!

В статье А. Туркина имеется еще одно противоречие: Г.С. Лыткин называет словари «чудовищными фолиантами, одолеть которые дело трудное». Наш дед В. Ф. Попов видел их в 1889 г. и отметил, что «они были в полной сохранности (за исключением нескольких растрепанных и загрязненных углов на отдельных листах) и толстыми они были из-за толстой бумаги, бывшей в употреблении в 30-50-х годах XIX века».²² Туркин также отмечает, что «рукописи хорошо сохранились и легко читаются».

Сам Г. С. Лыткин за три недели «одолел» Русско-зырянский словарь и составил по нему свой словарь! 5 сентября 1901 г. он написал издателю, востоковеду К. Г. Залеману: «Если императорская Академия наук сообразовалит взять печатание Русско-зырянского словаря, прошу Вас распорядиться о доставлении его мне... Я тот час же приступлю к переписке его для печати»²³. 27 сентября 1901 г. он писал Залеману: «Я немного выпустил, многое изменил, кое-что внес свое, одним словом, трудно теперь сказать: словарь ли это Попова или мой словарь собственный по Попову». Следовательно, Лыткин противоречил сам себе, т. к. «одолел фолиант» за 22 дня.

Словарь был напечатан только в 1931 г., помешала сначала смерть Лыткина, потом Залемана, потом наводнение, от которого пострадали и рукопись, и напечатанные листы словаря. А рукопись Н. П. Попова попала от Залемана в архив при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

В 2009 г. в журнале «Арт» появились статьи о Русско-зырянском словаре и были опубликованы впервые письма составителей словаря к академику А. М. Шегрену, находящиеся в Финляндии в Национальной библиотеке г. Хельсинки (три письма И. Мальцева, семь писем Алексея Суханова и 22 письма Н. П. Попова). Затем удалось

²² Попов В. Ф. По поводу заметки Цембера «Две корреспонденции из Усть-Сысольска в 1838 г.» // Коми му 1926. № 12.

²³ АРТ. № 9. С. 104.

познакомиться с докладом Марии Лейнонен (Финляндия) о письмах составителей словаря, сохранившихся в личном архиве академика Шегрена. Она обстоятельно изучила письма, проанализировала их, но... не решилась сделать правильный вывод о том, что Н. П. Попов фактически присвоил себе авторство Русско-зырянского словаря. Она написала обтекаемо: «Н. Попов писал Шегрену, что «он разорвал отношения с Филиппом, который сидел под арестом... и только некоторые слова и выражения восходят к нему. Таким образом, неясно, какая доля работы принадлежит усилиям Николая, а какая Филиппа Попова».²⁴ Лейнонен упоминает также мою статью «Добровольным вызовом» из «Родников Пармы» за 1990 г., но опять же выводов не делает.

Давайте, уважаемые читатели, непредвзято, внимательно прочитаем несколько писем Н. П. Попова к академику Шегрену о его сотрудничестве с Филиппом Поповым, о его роли в составлении Русско-зырянского словаря и мои выводы по этим статьям.

1. И. Мальцев, А. Суханов и Ф. Попов не были сотрудниками, А. Моторин не был редактором словаря, как ошибочно утверждали А. И. Туркин и Г. С. Лыткин. Мальцев самостоятельно занимался составлением словаря и переписывался с Шегреном. Словарь довел до половины, включая букву Н. (Арт. № 3. С. 112).

2. Сотрудниками были Н. Попов, А. Суханов, Ф. Попов. Алексей Суханов первым начал самостоятельно заниматься составлением Русско-зырянского словаря с 1828 г. На 30 мая 1828 г. у него собрано 500 слов. Просит Шегрена выслать ему зырянскую азбуку, поскольку Мальцев отказал поделиться с ним (Арт. № 4. С. 43).

3. В 1831 г. Суханов впервые сообщает Шегрену, что «в Усть-Сысольске находится отставной штабс-капитан Н. П. Попов, который имеет рвение и охоту к составлению словаря» (Арт. № 4. С. 45). Н. П. Попов тоже подтверждает, что занимается составлением словаря с 1831 г. (Арт. № 4. С. 144).

Филипп Попов также начал участвовать в составлении словаря с 1831 г. Это подтверждается словами Н. П. Попова в письме за 1840 г.: «Собиранием слов и ... я, А. Суханов и Ф. Попов заботились с лишком 9 лет...» (1840-9=1831) (Арт. № 3. С. 118).

Итак, вывод напрашивается один – творческий коллектив: Н. П. Попов, А. С. Суханов и Ф. Я. Попов, сложился в 1831 г. Это Суханов их привлек, а возглавил потом Н. П. Попов.

4. Вдова Мальцева передала Н. П. Попову по его просьбе словари и книги, присланные мужу Шегреном и рукописи его словаря (99+16 листов). Однако вместо

²⁴ Лейнонен М. Письма из Усть-Сысольска в личном архиве А. М. Шегрена в Финской национальной библиотеке // Пермистика 13. Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 10.

благодарности Н. Попов объяснял Шегрену, что они мало использовали их, т. к. были неточности в переводе (Мальцев работал на основе Немецко-русского словаря), он плохо знал русский язык, его обороты и правила, преобладают простые разговорные слова. (Арт. № 3. С. 115, 117).

5. Н. Попов в переписке с Шегреном за 1833-1854 гг. ни разу не называет Моторина составителем или редактором словаря, даже вообще за 21 год переписки не упоминает его фамилии.

А. Туркин позаимствовал это (Арт. № 3. С. 103) из приписки Г.С. Лыткина в рукописи словаря(!): «Это рука Моторина(!?), ... а редактором и главным работником был Моторин» (!?) (Арт. № 3. С. 105).

Когда Н. Попов жаловался Шегрену, что затрудняется из-за службы с перепиской словаря набело, тот советовал привлечь помощников и переписчиков. Но Н. Попов был категорически против расширения творческого коллектива и даже привлечения переписчиков (Арт. № 3 С. 120). Нет упоминания Моторина ни в протоколах Академии, ни в печати того времени.

Г. С. Лыткин написал это по незнанию, и его ошибка повторяется уже сотню лет. Почерк Моторина можно было давно сравнить, т. к. в НА РК сохранились документы, написанные лично Моториным, и сравнить с добавлениями и исправлениями черными чернилами на рукописи, которые А. Туркин на основе примечаний Г. С. Лыткина приписывает А. Моторину. Однако согласитесь, что примечания, замечания на полях и небольшие дополнения в конце каждого тома не означают «полную переделку словаря».

6. Н. П. Попов неоднократно пишет Шегрену, что помощниками, сотрудниками в составлении словаря у него являются «знатоки природного языка своего... Алексей Суханов, второй крестьянин Филипп Попов». (Арт. № 3. С. 115).

7. После отъезда в 1837 г. Алексея Суханова в Пермскую губернию, где он и скончался в 1842 г., главным и единственным сотрудником оставался Филипп Попов (Арт. № 3. С. 117-118), который писал: «И так я, оставаясь один, не мог более ничего делать, как заниматься перепиской словаря...».

8. Приведу несколько цитат из писем: «... с сотрудником своим, твердым знатоком и ревнителем языка своего Филиппом Поповым, мы решили продолжить наш труд вдвоем: (как и занимались этим двое со времени отъезда Суханова)» (Арт. № 3. С. 118); «... переписал я буквы: И, J, К, Л, М, и доканчиваю Н. Между тем с Филиппом Поповым перепроверяем окончательно букву О» (Арт. № 3. С. 118)» «... о Русско-зырянском словаре, составляемом мною и известным Вам моим сотрудником Филиппом Поповым» (Арт. № 3. С. 119); «... словарь этот огромный – он вчерне у нас с Ф. Поповым

уже окончен» (Арт. № 3. С. 119), «...и только, так сказать, в часы досуга, мы вместе с ним (Филиппом Поповым – Р. П.) занимаемся усовершенствованием составляемого нами словаря, между тем я сам переписываю Словарь набело и уже 2-й том ... переписан» (Арт. № 3. С. 120).

Н. Попов просит поощрить своего сотрудника Филиппа Попова, который усердно и охотно 9 лет занимался с ним составлением словаря «... особенно еще потому, что без него не мог бы и Словарь составляться в таком объеме, т.к. он, Попов, знаток в полном смысле языка своего, зная притом основательно и наш русский» (Арт. № 3. С. 119). Чуть ниже Н. Попов сообщает Шегрену, что «в течение прошедшего и текущего года, окончен нами перевод на зырянский язык с русского Псалтыря или книги хвалений Царя Давида... и к нему приложен перевод жития Царя Давида». Н. Попов спрашивает, можно ли перевод Псалтыря представить в Академию Наук (Арт. № 3. С. 120).

Итак, Филипп Якимович Попов с 1831 г. по 1843 г. 12 лет, постоянно упоминается числе главных составителей словаря.

Кроме того, Н. Попов сообщает Шегрену: после окончания составления Русско-зырянского словаря «мы намерены заниматься и составлением Зырянской грамматики» (Арт. № 3. С. 117).

Надо признать, что главным составителем грамматики мог стать только Филипп Якимович, а не отставной военный Николай Павлович Попов. Обучаясь в кадетском корпусе, он изучал стратегию и тактику военных действий, историю разных войн и полководцев, военный устав и все, что относится к военной службе. Конечно, у них преподавали и некоторые общеобразовательные дисциплины, даже этикет и танцы, но это далеко от умения составлять грамматику зырянского языка.

Следовательно, нетрудно понять, почему Н. Попов не указал авторство Суханова и простого крестьянина Филиппа Попова, а Демидовскую премию (5 000 руб.) можно получить для себя. Он уже с третьего письма (1840 г.) озабочен этой премией (Арт. № 3. С. 118), только не знает, что ее присуждают за опубликованные труды, а не рукописные. Кстати ему свойственно было напоминать: «мой Псалтырь», «мой Словарь», «мой учебник зырянского языка».

Очевидно, Шегрен увидев на обложке словаря, сданного в Академию наук, указание авторства только Н. П. Попова и, помня, что словарь составляла группа из трех человек, спросил его о Филиппе Попове. И тот ответил: «О Филиппе Попове считаю за нужное уведомить, что я уже два года прервал с ним всякие отношения, за непохвальное поведение и противозаконные поступки он находится под судом и содержится в тюремном заключении... От него и от других зырян в первые годы доставлены были

только некоторые слова и выражения зырянского языка, тогда как весь словарь... составлен одним мною (Арт. № 3. С. 122). Н. Попов забыл, сколько раз он называл Филиппа Попова «своим единственным сотрудником». В это же время в 1843 г. он просил Филиппа Якимовича познакомить его с графом А. А. Кейзерлингом, руководителем Печорской экспедиции, якобы для того, чтобы низайше просить его отвезти письмо академику Шегрену.

В дальнейшем Н. Попов сдал Псалтырь и учебник зырянского языка, указав только свое авторство. Он не постеснялся пригласить Филиппа Попова к составлению второго варианта словаря, который был представлен в Академию наук на соискание Демидовской премии. Не получив премию за словарь, Попов продал Академии наук за 1400 руб. Теперь Филипп Попов подал в уездный суд иск на взыскание с Н. Попова 300 руб. серебром, не полученные за выполненную работу.

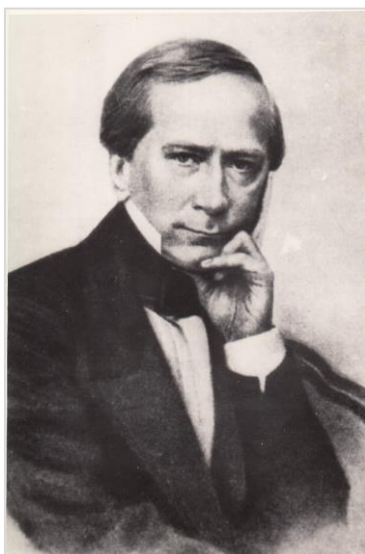
И как вы думаете, чем озабочен, о чем мечтает Н. П. Попов? Он просит Шегрена посодействовать в получении какого-либо места в Академии наук, т. к. «его давно влечет научное поприще». Между тем он за время работы над первым вариантом словаря не задал Шегрену ни одного вопроса по лексике и фонетике зырянского языка, не вникал в содержание словаря, занимался только переписыванием набело. А Филипп Попов – тонкий знаток зырянского языка, его лексики и фонетики.

Возможно, дополнения черными чернилами после каждого тома сделаны Филиппом Поповым. Кроме того, такие замечания нельзя назвать «полной переделкой словаря», как написал А. И. Туркин. Сравнив почерк сотрудников, современная наука может дать точный ответ на этот вопрос.

Думаю, давно возникла необходимость более глубокого изучения рукописей обоих вариантов Русско-зырянского словаря, а также розыска в архивах упоминавшегося выше судебного иска Ф. Я. Попова к Н. П. Попову. В конечном итоге следует восстановить авторство коми лексикологов Алексея Степановича Суханова и Филиппа Якимовича Попова в составлении Русско-зырянского словаря. Не случайно Академия наук объявила именно им благодарность.

Многолетняя работа прадеда над составлением Русско-зырянского словаря показала одну из главных особенностей его характера – инициативу на пользу коми народу, умение организовать себя, свое время для реализации своей планов. В XIX веке эту инициативу называли «добровольным вызовом». Следует подчеркнуть стремление и умение прадеда доводить до конца любое начатое им дело. Составлению словаря прадед посвятил более 25 лет своей жизни.

**«Этот расторопный, любознательный зырянин» –
участник научной Печорской экспедиции 1843 года**

*Кейзерлинг А. А. (1815-1891)
граф, геолог, начальник
Печорской экспедиции 1843 г.*

*Крузенштерн П. И. (1809-1881)
капитан-лейтенант.
Фото из архива П. Г. Сухогузова*

17 июня в г. Усть-Сысольск прибыли участники Печорской экспедиции: руководитель молодой, но уже известный ученый геолог А. А. Кейзерлинг и военный моряк капитан-лейтенант П. И. Крузенштерн. Одновременно выехав из Великого Устюга, они разными дорогами направились в Коми край: Кейзерлинг поехал через Лальск и вдоль рек Лузы и Сысолы, а Крузенштерн направился в г. Котлас, Сольвычегодск и дальше почтовым трактом по берегу Вычегды

Экспедицию направили в Печорский край по заданию корпуса горных инженеров и Министерства финансов. Перед учеными стояла задача огромной важности. Кейзерлинг должен был провести геологические, палеонтологические и ботанические исследования в целях дополнения геологической карты Европейской части России, а Крузенштерн – составить точную карту Усть-Сысольского уезда и Печорского края на основе астрономического определения опорных пунктов, сделать географическое и гидрографическое описание изучаемого района.

На обширной территории Коми края к этому времени была известна широта и долгота одного единственного пункта – города Усть-Сысольска, которые определил астроном Вишнеvский в 1814 году. Всё остальное было нанесено на карту приближенно.

Имя графа **Александра Андреевича фон Кейзерлинга (1815-1891 гг.)** было широко известно в ученом мире. Родился он в Курляндской губернии, в семье богатого прибалтийского помещика. Окончил Берлинский университет. Еще в студенческие годы он принимал участие в нескольких научных экспедициях в Альпы и Карпаты, по итогам

которых написал свою первую научную работу (1837 г.). Затем участвовал во многих экспедициях по изучению промышленных и естественных богатств центральных районов России и Урала. В составе экспедиции иностранных геологов, приглашенных в Россию, Р. Мурчисона и Э. Вернейля, занимавшихся изучением геологического строения Европейской России, Кейзерлинг в 1840 году уже побывал на Урале и в Коми крае. Он исследовал берега Вычегды, посетил впервые город Усть-Сысольск. Теперь в 1843 году Кейзерлинг получил самостоятельное задание – исследовать Печорский и Тиманский край и составить геологическую карту региона.

Второй участник экспедиции, **капитан-лейтенант Павел Иванович фон Крузенштерн (1809-1881 гг.)** был сыном известного мореплавателя и ученого, адмирала И. Ф. Крузенштерна. Он родился в г. Ревель (ныне Таллинн), три года учился в Царскосельском лицее. В 1826 г., не окончив его, поступил на службу юнкером в гвардейский экипаж и вскоре под командованием известного мореплавателя и географа Ф. П. Литке отправился в трехгодичное кругосветное плавание на военном шлюпе «Сенявин». Павел принимал участие в составлении карты побережья Чукотки и Камчатки, за это был награжден орденом Святой Анны III степени. А ему в это время было всего 20 лет, и он был только мичманом! Крузенштерн прошел долгий путь службы в военно-морском флоте. И теперь в 1843 году вызвался участвовать в сухопутной экспедиции. Здесь он выполнял обязанности астронома и географа.

Тихий уездный Усть-Сысольск встретил путешественников плохой погодой. Небо было затянуто низкими темными тучами, временами шел дождь. Ни солнца – днем, ни луны – ночью! Поэтому только через два дня, когда наконец-то рассеялись тучи, Павел Иванович смог приступить к астрономическим наблюдениям.

Перед учеными в Усть-Сысольске встал главный вопрос: как двигаться дальше? Они знали, что за «зырянской столицей» проезжих дорог не было. Вот поэтому экспедиция могла продвигаться по маршруту только на лодках. За несколько дней пребывания в городе Кейзерлинг и Крузенштерн проделали большую работу по оснащению экспедиции: закуплены прочные лодки, наняты гребцы, носильщики, проводник. На лодках поставлены «каюты» и навесы для защиты людей от дождя и солнца, для сохранения различных приборов. Крузенштерн вез с собой хронометры, секстанты, компасы, часть которых была упакована в двойные ящики с пуховыми прокладками, чтобы уберечь их от толчков.

Крузенштерн 19 июня занимался астрономическими наблюдениями, определением широты и долготы города. Наблюдательный пункт он выбрал на высоком берегу реки

Сысолы, на площади перед Троицким собором. Ему понравился двор Анны Николаевны Торокановской, вдовы недавно скончавшегося купца III гильдии В. С. Торокановского.

Здесь в нужное для него время собор не загоразивал солнце и поэтому именно в этом месте четыре дня подряд, по несколько раз в день Павел Иванович проводил свои астрономические наблюдения. Здесь и встретился наш прадед с Крузенштерном. Филипп Якимович, занимавшийся составлением русско-зырянского словаря, частенько носил тетради собранных слов руководителю группы Н. П. Попову, но не на службу в присутствие, а к нему домой, который находился в 22 квартале на берегу реки, и каждый раз проходил мимо домов сначала Сухановых, а затем Торокановских. Увидев Крузенштерна во дворе Торокановских с какими-то приборами, Филипп Якимович заинтересовался его наблюдениями, недаром Павел Иванович назвал его в своем научном труде «любопытным зырянским». Узнав, что Ф. Попов много разъезжал по уезду и знает вычегодские и печорские места, Кейзерлинг и Крузенштерн пригласили его быть у них проводником и переводчиком. Наш прадед, как знаток Коми края, краевед – как принято теперь называть, – лексиколог, переводчик явился настоящей находкой для ученых и стал для них надежным помощником на всем пути экспедиции. 22 июня экспедиция под руководством Крузенштерна вышла на лодках из Усть-Сысольска. Кейзерлинг выехал 20 июня в фургоне, затем проехал верхом и на 6 день прибыл в Усть-Кулом.

Ухтинские краеведы П. Г. Сухогузов и В. Потолицын ошибочно считали, что проводником экспедиции был старший лесничий уезда П. И. фон Грехе, и только после его ухода Филипп Попов занял его место. Однако они оставили без внимания некоторые факты. Кейзерлинг писал, что он направил Грехе из Усть-Сысольска в район села Визинга для сбора белемнитов, так как ему, Кейзерлингу, как чужаку, местные жители не только не показали эти места, но даже старались ввести в заблуждение. Белемниты – это окаменевшие останки вымерших головоногих моллюсков. В народе они также известны под названием «чёртовы пальцы». А дальше Кейзерлинг написал, что с реки Воли он вернулся в Мыелдино, где ждали его спутники: фон Грехе и «Филипп Попов, который от Усть-Сысольска был моим проводником».²⁵

Таким образом, Грехе догнал экспедицию только в верховьях Вычегды. И тут выяснилось, что за семь лет работы в должности старшего лесничего Усть-Сысольского уезда он ни разу не бывал в восточных районах, маршрута не знает, к тому же барственный лесничий всю дорогу не вылезал из каюты в своей лодке. «Какая польза

²⁵ Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jahre 1843. S.355/

могла быть от такого проводника? – возмущенно говорил П. И. Крузенштерн Кейзерлингу, – когда он все время прятался от комаров в совершенно закрытой каюте своей лодки?». ²⁶ Наконец, заявив ученым, что он погибает от укусов комаров, Грехе где-то в верховьях Мылвы или Печоры вернулся в Усть-Сысольск.

Филипп Якимович продолжал оставаться главным проводником и переводчиком экспедиции. Он выбирал дорогу. Искал проводников на короткие маршруты (реку Воля, гору Сабля, в Тиманскую тундру), опрашивал местных жителей по всем вопросам, которые интересовали ученых: по географии и истории района, гидрографии – описанию рек и их протоков. Собирал коллекции камней и пород для Кейзерлинга. Одновременно он собирал слова разных коми диалектов для составляемого Русско-Зырянского словаря.

Исследовав верховья Вычегды, экспедиция по Северной и Южной Мылвам двинулась на Печору. Побывав в верховьях Печоры и ее притока Илыч, 27 июля ученые начали спускаться вниз по течению Печоры. Они исследовали эту великую реку Европейского Севера и ее притоки почти весь июль и август.

В августе Кейзерлинг по просьбе усть-сысольских властей совершил путешествие из Аранца на Урал на гору Сабля посмотреть, нет ли там рудных полезных ископаемых. К сожалению, на Сабле руды он не нашел, зато установил, что гора состоит из порфира и кремнистого сланца.

*Гора Сабля, Урал. В августе 1843 г. Кейзерлинг по просьбе Усть-Сысольской
Власти пешком ходил на Саблю в поисках рудных ископаемых*

Родным он сообщил, что в дороге ему пришлось ночевать на земле под большой елью, подробно описал встречу с народом манси: «Соприкасался я также с почти неизвестным народом – с манси-остяками. На санях, запряженных оленями, они меня

²⁶ Пасецкий, В. М. Сын великого адмирала // В. М. Пасецкий. Очарованный надеждой. Л., 1970.

провезли сквозь заросшие и заболоченные леса вверх до вершины Уральских гор, где они пасут свои стада. Они питаются сырым мясом и пьют теплую кровь свежезабитых животных. И я тоже должен был это попробовать, так как они в мою честь зарезали трех оленей. Этот народ с мягкими обычаями, невероятной честности, я бы сказал, с особо тонким чувством восприятия».

В ходе продвижения экспедиции вперед на карте появились устья рек Илыча, Щугора, Аранеца, Кожвы, Усы, Пижмы, Ижмы, Цильмы, Сулы и другие речушки, определенные по географическим координатам. Кроме того, примерно указаны и описаны многие из этих рек Филиппом Поповым по результатам опроса местных жителей: рыбаков, охотников, мелких торговцев, посетивших эти места.

Ученых поразили вечнозеленые хвойные леса. «Главное богатство края, – отметили ученые, – состоит в безмерных лесах, которыми покрыт он сплошь, за исключением одних болотистых мест. По западным притокам Печоры растут прекрасные лиственничные леса, доселе еще не тронутые для потребностей кораблестроения».

Из деревни Оксина через р. Индигу и о. Каменное ученые совершили поездку на оленях в Тиманскую тундру, обследовали Тиманский кряж. Кстати, читателям будет интересно узнать, что официальное название Тиману дал Кейзерлинг, узнав, что местные жители называют эту возвышенность «Тиманским камнем». Ученые доехали до реки Индиги, а затем и до мыса Бармин нос в Ледовитом океане. На радостях Кейзерлинг не побоялся искупаться в холодной воде океана и сообщил об этом отцу: «Я проехал через пустынные места, покрытые только мхом, где обитают самоеды, изучал берега Ледовитого океана и искупался 28 августа в море. Нельзя сказать, чтобы летний сезон здесь блистал каким-то хорошим обществом – оно там состоит из нескольких единичных охотников на тюленей и редких здесь белых медведей»²⁷.

Наш прадед привез из тундры на память огромные необработанные олени рога, которые затем стали памятной реликвией в его семье.

31 августа исследователи совершили поездку на обычной крестьянской телеге в Пустозерск, и затем двинулись в обратный путь. В Усть-Цильме к ним присоединился известный промышленник, уроженец Усть-Сысольска, В. Н. Латкин, совершавший путешествие по Печоре и ее притокам Усе и Цильме. Латкин 11 дней (27 августа – 7 сентября) ожидал прибытия в Усть-Цильму правительственной экспедиции, чтобы вместе

²⁷ Graf A. Keyserling ein Lebensbild aus seinen Brieten und zusammen gestellt von seiner Tochter Tagebüchern Freifrau Helene von der Essen. Berlin, 1902, B. I. S. 236.

с большим экспедиционным отрядом в условиях холодной осени проехать остаток пути до Усть-Сысольска.²⁸

Все вместе двинулись вверх по течению реки Ижмы. В селе Усть-Ухта 17 сентября экспедиция разделилась. Кейзерлинг в 9 часов утра на одной большой лодке отправился по реке Ухте на Переволоку, то есть бывшим торговым путем. Крузенштерн выступил позже, так как ожидал, когда стряпухи ему испекут хлеб на дорогу. Его отряд на четырех лодках из тринадцати человек в 11 часов дня двинулся вверх по Ижме на Черь-Ижемскую и Черь-Вычегодскую. Он вез с собой все приборы, гербарии, коллекции минералов, окаменелостей и другие материалы, собранные в экспедиции.

В дороге Павел Иванович заболел, у него открылся нарыв. Рабочие видели, с каким упорством, забывая о боли, их командир проводил астрономические наблюдения: днем – по солнцу, а ночью – по Полярной звезде. Оставив спутников отдыхать у ярко пылающего костра, он уходил с фонарем подальше от бивуака, в темноту, чтобы взять высоту Полярной звезды или других светил.

В. Латкин писал об этом: «Не понимая занятий Крузенштерна, мужики ломают голову, для чего он, удаляясь от бивуачного огня, в мраке ночи смотрит и не на небо, и не на землю, а на что-то светлое как зеркало (ртутный горизонт), что он увидит тут и какой будет толк? А другой его товарищ собирал все камешки на берегу, да везет их целые ящики, как будто таких камней нигде нет. Да еще сидит и рассматривает другой камешек, чуть ли не целый день. Как объяснить им, что он по камням делает выводы об отдаленном былом?».

В деревне Лачевская мужики посоветовали Крузенштерну прикладывать к нарыву листья лопушника, которым они сами лечились в подобных случаях. Павел Иванович принял этот совет с благодарностью, лопушник ему отыскали. Вскоре ему полегчало, и он пошел на поправку.

Стойко переносили все трудности и зыряне – рабочие, гребцы, носильщики, проводник. Ни Крузенштерн, ни Кейзерлинг не написали о трудностях, встретившимся им в экспедиции, зато об этом написал их попутчик В. Н. Латкин. Путешествие было не легким, особенно с наступлением холодной осени. По реке Ижме лодки прогоняли по кипящей стремнине порогов, почти треть пути рабочие тянули лодки бродом по колено в холодной воде. Латкин вспоминал: «Жаль было смотреть на рабочих, так иззябли они в

²⁸ Латкин В. Н. Дневник. Сыктывкар, 2009. С. 95.

мокром платье». Немного позднее он вновь повторяет: «Рабочие устали, иззябли, у других уже болят ноги».²⁹

Протоки небольших речушек Черь-Ижемская и Черь-Вычегодская оказались узкими и не глубокими. Особенно много хлопот доставляла большая лодка, застревали и небольшие, тяжелогруженные лодки. Чтобы протащить их в узких протоках рубили дерн, убирали его, расширяли проход и из всех сил коллективно тащили лодки. Так в экспедиционном отряде все, от начальника до простых рабочих сообща, без жалоб и суеты преодолевали трудности и успешно, согласно установленным графиком срокам, двигались вперед. Крузенштерн посылал вперед людей, чтобы заказать новые прочные лодки в деревнях по пути следования, поэтому не было никакой задержки с продвижением экспедиции.

3 октября глубокой ночью отряд Крузенштерна прибыл в Усть-Сысольск, где его дожидался Кейзерлинг. Павел Иванович провел в облюбованном им дворе Торокановских последние астрономические наблюдения для определения поправки хронометров, вместе с Филиппом Якимовичем уточнил и сопоставил собранные сведения по гидрографии района, протяженности рек и их притоков, по волоковым путям и т.д.

13 октября ученые направились в обратный путь через Великий Устюг и Вологду. Крузенштерн, узнав о болезни жены, срочно выехал в Германию. Кейзерлинг должен был один завершить обобщение материалов и доложить результаты Николаю I. 6 декабря 1843 года он был с докладом у царя.

Результаты экспедиции Кейзерлинг и Крузенштерн обобщили в своем труде «Научные наблюдения во время путешествия в Печорский край в 1843 году», изданном на немецком языке в 1846 г.

Кейзерлинг пришел к выводу, что между Уралом и Тиманом расположена огромная котловина – Печорская низменность, характерной особенностью которой является чередование холмисто-грядовых участков с плоскими равнинами. Он впервые дал научное описание Ухтинского нефтеносного района, открыл и описал Тиманский кряж, заложил основы концепции тектонического строения района и геологического познания России.

Крузенштерн сделал географическое и гидрографическое описание района, на основе астрономических определений долготы и широты опорных пунктов, составил первую точную карту Коми края, которой пользовались с дальнейшими уточнениями вплоть до второй мировой войны. Кроме того, в его разделе приводятся интересные

²⁹ Латкин В. Н. Дневник. Сыктывкар, 2009. С. 117.

исторические и этнографические сведения, дается описание основных занятий и хозяйственных связей коми народа.

Ученые высоко оценили помощь, которую им оказал в экспедиции наш прадед, Филипп Якимович. П. И. Крузенштерн в разделе «Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях», перечисляя источники, которые он использовал, указывает Филиппа Попова наряду с такими крупными учеными-ботаниками как Шренк и Рупрехт. Крузенштерн уточнял, что «описание рек Усть-Сысольского уезда, Печоры и верхней Вычегды почерпнуты ими из заметок провожавшего их усть-сысольского жителя Филиппа Попова, много лет собиравшего сведения об этих местах».³⁰

В гидрографическом разделе книги Крузенштерн описал около 300 рек и речушек бассейнов Печоры и Вычегды и только один раз сведения прадеда не совпали с наблюдениями Павла Ивановича: «Всё течение Печоры от истоков до устья простирается на 1500 верст. По словам Попова 500 верст пробегает река только от истоков своих до Усть-Пожега, но показание это преувеличено, по-видимому, вдвое».³¹ По другим рекам и притокам замечаний не было. Выходит, прадед неплохо знал гидрографию Усть-Сысольского уезда и Печорского края.

Обширные знания и богатый опыт помогли ученым ярко описать занятия и быт коми народа, а также подметить их национальные черты и нравственные представления. В письмах матери и сестре Кейзерлинг писал, что многие зыряне живут охотничьим промыслом, подчеркивал их честность: «В разных местах здесь и там, в снегу и в земле оставляют прикрытыми свои запасы, но никто из чужих, даже будучи голодными, не возьмет их». В другом письме матери добавил подробности: «Зыряне – прекрасный, чистый народ простого склада, с тонким чувством открытости всему свету. Они услужливы и умны. Можно у них оставить деньги среди поля, и никто их не возьмет».³²

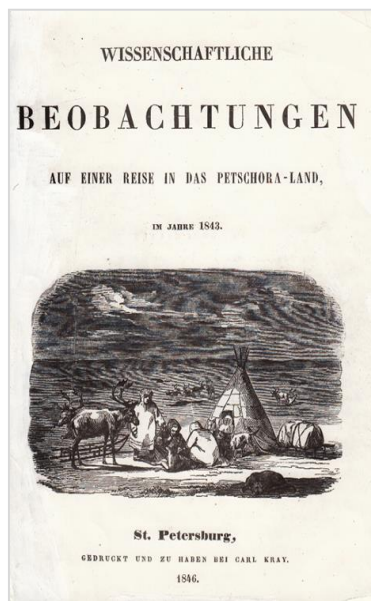
Аналогичную оценку дает Крузенштерн жене: «У тебя совершенно искаженные представления о здешних жителях. Дай бог, чтобы люди везде были такими честными. Здесь у них и в мыслях нет, что-либо запереть и прятать. Деньги могут лежать где угодно, и никому в голову не придет их трогать. Достойно сожаления, что русские нравом отличаются от них». В письме к отцу Кейзерлинг отметил чистоту языка зырян: «Зыряне – замечательные люди, у них совершенно отсутствуют ругательства, и поэтому богатый русский язык одолжил им некоторые».

³⁰ Кейзерлинг А. А., Крузенштерн П. И. Печорский край в географическом и гидрографическом отношениях // Журнал МВД. 1851. Ч. 34. С. 444.

³¹ Там же. С. 84.

³² Graf A. Keyserling ein... S. 236.

Научная общественность России высоко оценила научный труд А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна. Петербургская Академия наук присудила им Большую Демидовскую премию – высшую награду за крупные научные открытия и оригинальные труды.

Обложка научного труда А. А. Кейзерлинга и П. И. Крузенштерна, опубликованного в 1846 г. по итогам Печорской экспедиции в Коми край (на немецком языке)

Говоря о традициях и чести семьи, нельзя не рассказать о семье А. А. Кейзерлинга. Это была очень дружная семья: отец, мать, трое братьев и две сестры. Несмотря на трудности экспедиции и постоянное движение, Кейзерлинг писал отдельно каждому из родных: отцу, матери и сестрам Луизе и Эвелине. В письмах кроме воспоминаний о петербургской жизни и знакомых, много написано о жизни и занятиях коми народа, и все они проникнуты большой любовью и нежностью к родным. Отца просит извинить за то, что устав за трудный день, написал такое короткое письмо (две-три страницы!). Матери пишет, что «как бы нас не разделяли пространство и время, будь уверена, что мои чувства и мысли, как и до сих пор, всегда принадлежат тебе, дорогая мама, а также всем нашим близким».

Хочется особо отметить, как Кейзерлинг отзывался в письмах о долге ученого. Отцу он написал из Усть-Сысольска: «Особенно благодарю тебя и милую маму за вашу твердую веру в то, что я исполню свой долг. Это постоянно сквозит в ваших письмах, что меня поддерживает во всех испытаниях... Все мои действия будут соответствовать вашим благородным ожиданиям и надеждам».

6 января 1844 года Кейзерлинг женился на дочери министра финансов России (1823-1844 гг.) графа Е. Ф. Канкринна Зинаиде. В 35 лет А. А. Кейзерлинг вышел в отставку и поселился в своем имении Райкюль в Эстонии, занялся сельским хозяйством, общественной деятельностью, подготовкой реформ 1860-х годов по отмене крепостного права. В 1887 году геологический комитет России торжественно отметил 50-летие первой

геологической статьи А. Кейзерлинга. На юбилей приехало много российских и зарубежных ученых, представителей научных обществ, комитетов и университетов. Кейзерлингу присвоили звание почетного члена Петербургской Академии наук и наградили орденом Святого Владимира.

П.

И. Крузенштерн продолжал исследования в Коми крае и решил, по его словам, «посвятить свою жизнь на разрешение вопроса, от которого зависело процветание богатой, но по отдаленности своей, забытой области России». Он девять раз побывал на европейском Севере России и в Печорском крае, проводил гидрографические съемки в устье Мезени, Печоры, по берегу Баренцева моря, в тундре и на полярном Урале. Построил на свои средства шхуну «Ермак» для исследования побережья Ледовитого океана. В двух последних экспедициях 1874 и 1876 годов он исследовал реку Уса для изыскания водного пути между Печорой и Обью через верховья рек Усы и Обской Соби. В 1869 году ему присвоили звание вице-адмирала, вскоре он уволился в отставку. Павел Иванович умер 8 декабря 1881 года, похоронен в Эстонии у церкви Вайке Мариен рядом с сыном Павлом Павловичем.

Выставка «150 лет Печорской экспедиции 1843 г.» в Историко-краеведческом музее г. Ухты. Автор экспозиции Р. Л. Попова

Памятный знак, установленный в 1993 г. в г. Сыктывкаре в честь 150-летия Печорской экспедиции

В заключение хочется кратко рассказать о традициях Крузенштернов, которые берегут честь своей семьи, почитают предков и поддерживают прочную связь между всеми членами большого рода.

Октябрьской революции, как люди, чуждые советской власти, подверглись гонениям и репрессиям. 7 человек из них были расстреляны, некоторые успели выехать за границу. Крузенштернов, проживавших в Эстонии, в 1940 году до вступления советских войск в эту страну, немецкие власти переселили в Германию. Так они расселились по всему миру и теперь проживают в США, Швеции, Германии, Австралии, Украине и России. Имеется также несколько семей в России.

У Крузенштернов имеется глава рода. В 1980 – начале 1990-х годов главой рода был Эверт фон Крузенштерн – экономист по рыночным отношениям из Геттингена. С помощью дочери Бенигны и сына Хайнца он писал семейные письма, которые рассылаются всем членам их рода. В семейном письме сообщается о важнейших событиях в истории семьи, о предстоящих встречах и итогах этих встреч, юбилеях, родившихся детях и т.д. Эверт и Ева Пернедер много лет собирали материалы об известных представителях своего рода, выступали на встречах с сообщениями и докладами о них.

Книги разных Крузенштернов представляют интерес особенно для нас, ухтинских краеведов. Наиболее интересны книги Эверта Крузенштерна «Мореплаватель и ученый» (об адмирале), «На распашку по свету» (о внуке адмирала Павле –Юниоре) и «Семья фон Крузенштернов. История – Генеалогия». Ева Пернедер издала книгу «Между страстью и долгом» о первой жене Павла Ивановича, Вильгельмине или как ее звали дома – Мими (семейное издание).

Крузенштерны встречаются один раз в четыре года, в день Святой Троицы. Места встречи выбираются, связанные с историей семьи: в Германии, Швеции и Эстонии. Приезжают они часто с детьми. На встрече слушают сообщения, посещают памятные места и т.д. Необходимо еще отметить взаимовыручку и стремление помочь друг другу. В настоящее время главой рода является Фридрих Йоханн фон Крузенштерн.

*Семейная встреча Крузенштернов 6 июня 2009 г.
в Аббатстве Клостер (150 км от г. Мюнхена)*

И картофель – второй хлеб народу Коми

Проводив ученых в обратную дорогу в Петербург, прадед нашел себе новое интересное дело. В экспедиции от Крузенштерна и Кейзерлинга он узнал, что в Эстонии уже с начала XIX века в поместьях адмирала, его друга Августа Коцебу и у родителей

Кейзерлинга возделывается почти незнакомая в Коми крае новая сельскохозяйственная культура – картофель.

В XIX веке крестьяне центральных и северных районов России часто голодали из-за неурожая зерновых. В голодные годы они использовали в пищу лебеду, крапиву, рябиновый лист, кору осины и даже хвою пихты. Немало людей погибало тогда от голода. Поэтому правительство Николая I в конце 1830-х – начале 1840-х годов принимает серьезные меры по распространению картофеля в помещичьих хозяйствах и на полях государственных крестьян. Предлагалось поощрять наградами и премиями тех крестьян, которые отличились в разведении картофеля.

Однако крестьяне встретили постановление с большим недоверием, стали упорно сопротивляться, отказывались сажать картофель, а увидев посадки у первых энтузиастов, вырывали их с корнями и выбрасывали из огородов. В некоторых уездах Пермской губернии и в других регионах произошли настоящие «картофельные бунты». Коми крестьяне называли картофель «чертовыми яблоками», «сатанинскими плодами». И тоже отказывались его сажать.

Филипп Якимович знал эти постановления правительства по возделыванию картофеля и решил помочь своим соотечественникам – обстоятельно рассказать о достоинствах картофеля, как ценного продукта питания, способах его возделывания, хранения, приготовления в пищу, использования даже замороженного картофеля. В тексте наставления имеется даже схема ямы-хранилища, стены которого покрыты глиной для лучшего сохранения картофеля в течение холодной зимы. В течение месяца Попов перевел на коми язык приложение к правительственным постановлениям 1840-х годов «Краткое наставление о посеве, уборке, хранении и употреблении картофеля», дополнив его своими остроумными примечаниями в народном духе.

Перевод он направил в Вологду управляющему палатой государственных имуществ Борису Ивановичу фон Нагелю, имя которого он знал по переписке Кейзерлинга и Крузенштерна с родными и, нередко при отсутствии ученых в лагере, получал для них эстафеты от Нагеля. Нагель оценил значение перевода и представил его в С-Петербург в III департамент Министерства государственных имуществ, а прадеда представил к награждению медалью. В представлении он сообщил: «Попов имеет еще и ту заслугу, что он по вызову Императорской Академии наук занимался вместе с другими лицами составлением полного лексикона зырянского языка и получил за это благодарность Академии».

В Министерстве государственных имуществ поддержали ходатайство Нагеля и приняли решение опубликовать перевод «Краткого наставления ...» тиражом 1200

экземпляров и наградить Филиппа Попова медалью. Однако на этом заключении один из чиновников сбоку написал резолюцию: «Министр изволил изъявить согласие, чтобы управляющему Вологодской палатой государственных имуществ представить о Попове тогда, когда он совершит еще несколько переводов»³³. Но эта отсрочка не обескуражила Нагеля, и он 18 февраля 1844 г. вновь ходатайствует о награждении Ф. Попова, написав представление уже непосредственно министру генерал-адъютанту П. Д. Киселеву. Только после этого Филипп Попов получил медаль.

В мае 1844 года «Краткое наставление о картофеле...» было отпечатано в министерской типографии и разослано бесплатно крестьянам, проживающим в Вологодской, Вятской, Пермской и Архангельской губерниях. Страницы брошюры были разделены на две части. Слева напечатан текст рекомендаций на русском языке, а справа – перевод на коми. Конечно, немногие крестьяне нашего края умели читать, но во всех деревнях были священники, в некоторых – сельские писари, а в больших селах – учителя, которые и читали, и разъясняли «Наставление о картофеле». Усилия энтузиастов и властей сделали свое дело: картофель начал постепенно входить в жизнь и быт коми крестьян, и к началу 20 века стал для них вторым хлебом.

В 1849 году за содействие в разведении картофеля похвальным листом и премией в 15 рублей серебром был награжден коми крестьянин из Ертомской волости Яренского уезда Аверкий Калинин. Похвальный лист разыскали члены краеведческого кружка Важгортской средней школы Удорского района под руководством учителя-краеведа Б. И. Петрова. Макет этой похвальной грамоты, оформленный в рамке, представлен в историческом отделе Национального музея Республики Коми.

Некоторые журналисты и краеведы, не ознакомившись с моими последними статьями о прадеде, на основе старых статей, пишут в газетах: «Нашелся такой энтузиаст и в пригородной деревне Кочпон. Это крестьянин-самоучка Филипп Попов»³⁴. Нет, уважаемые авторы, не в деревне Кочпон, а в центре города Усть-Сысольска рядом со Стефановской площадью, на пересечении улиц Троицкой (Ленина) и Предтеченской (Куратова) сделал свои посадки картофеля Филипп Попов. Однако посадить картофель он смог только в конце 1840-х или в начале 1850-х годов, когда приобрел у города участок земли. Кстати, в газете «Панорама столицы» помещен снимок Стефановской площади под названием». Внизу справа виден дом, тополь и огород, который когда-то принадлежал Филиппу Попову.

³³ РГИА РФ. Ф. 398. Оп. 8. Д. 2167. 1844 г. Об издании перевода наставления о картофеле на зырянском языке. Л. 3.

³⁴ Данилевская Д. Как в Усть-Сысольске второй хлеб появился // Панорама столицы. 2014. 10 февраля. С. 4.

*г. Усть-Сысольск, ул. Троицкая (ныне Ленина).
Слева дом прадеда – Ф. Я. Попова.
Выстроен на средства, заработанные в экспедиции*

В нашей республике собирают хороший урожай картофеля. Мы едим его каждый день: в супах, борщах, щах и в ухе; отваренный и жаренный. Реже готовим картофель-фри. Зато наша молодежь обожает новинку – чипсы, и хрустит ими каждый день! Хрустите, ребята, на здоровья, только не на уроках, не в кино и не на дискотеке. Я бы хотела пожелать тем, кто в мае готовит посадочный материал или уже начинает посадки картофеля, чтобы добрым словом вспомнили нашего прадеда Филиппа Якимовича Попова, который своим переводом «Краткого наставления ...» способствовал распространению картофеля в нашем крае.

Погиб от «громового удара»

Вскоре после Печорской экспедиции скончалась жена прадеда Настасья Евтихиевна. Велико было горе семьи. Дети часто плакали, а отец молча страдал и успокаивал их. Но детям нужна была мать, а Филиппу Якимовичу – жена-хозяйка.

Через некоторое время ему посоветовали познакомиться с мещанской девицей Натальей Ивановной, которая вернулась домой из Петербурга. В столице она прожила несколько лет у какой-то генеральши. Кем она была в семье этой дамы: няней для малолетних детей? Горничной или простой служанкой – пока неизвестно. Она была уже немолода – ей исполнилось 27 лет и прадеду говорили, что Наталья будет хорошей женой и также внимательной и заботливой матерью для детей. Прадед прислушался к советам соседей и женился на Наталье Ивановне. У Филиппа Якимовича с ней родилось еще семеро детей, трое умерли в младенчестве, четверо дожили до старости: Ефим, Елена, Анна и Василий.

В 1850-х годах прадед продолжал достраивать свой дом, отделал новые жилые помещения, пристроил к дому с южной стороны удлиненное крыльцо с открытой верандой. Во дворе поставили сарай, хлев и другие хозяйственные постройки. Вспахали целину, сделали грядки для овощей, подальше от дома посадили картофель, используя советы по выращиванию его из «Краткого наставления о посадке, хранении и употреблении картофеля ...».

В это же время Филипп Якимович вел переписку с управляющим Вологодской палатой государственных имуществ о переводе вместе с семьей из Усть-Нема в город Усть-Сысольск. Он подробно объяснял, что по разрешению волостного правления с 1830 г. проживает в Усть-Сысольске в съемной квартире, а теперь завершает строительство дома, платит налоги в городскую казну за недвижимость: собственный дом и землю.

Только в 1857 году Филипп Якимович получил уведомление Вологодской палаты государственных имуществ, что он приписывается к Сретенскому обществу, в деревню Кочпонская Выльгортской волости, но сам с семьей проживает в Усть-Сысольске. В дальнейшем не только он, но и дети, и внуки, жившие в Усть-Сысольске и в селах Вотча, Визинга, Корткерос, продолжали числиться «кочпонскими крестьянами». Имеется документ от 1917 года о том, что Василий Филиппович Попов (сын Филиппа Якимовича) – служащий уездного земства числится по Выльгортской волости как «кочпонский крестьянин».

Прадеда серьезно заботил вопрос об образовании детей. Ефим окончил начальное городское училище. Даже после смерти Филиппа Якимовича Наталья Ивановна несмотря на все трудности, дала возможность дочери Анне поступить в прогимназию, которую дочь закончила с золотой медалью. Сын Василий Филиппович, успешно окончив уездное училище, уехал в Тотьму, где поступил в учительскую семинарию.

Прадед пользовался в городе большим уважением. Работая в конце 1980-х гг. в Национальном архиве РК, я познакомилась с несколькими делами по раскладке налогов за недвижимую собственность, переписала себе владельцев домов за несколько лет за 1843-1911 гг. Нетрудно представить мое удивление, когда в одном из дел за 1866 год я обнаружила отзыв титулярного советника Афанасия Моторина с просьбой освободить его от обязанностей представителя от разночинцев в раскладочную комиссию. Просьбу Моторина удовлетворили, вместо него избрали титулярного советника Василия Васильевича Попова. Примечательно, что из 14 представителей горожан, присутствовавших на собрании, среди которых были дворяне, купцы, священнослужители, разночинцы – два человека являлись крестьянами: это Филипп Якимович Попов и Григорий Безносков, а двое оказались составителями словаря: Ф.Я.

Попов и Н.П. Попов. Всё это говорит, что не только Николай Павлович, но и Филипп Якимович был уважаемым гражданином города Усть-Сысольска. Еще хочу отметить, что в этом деле сохранились подлинные подписи: Афанасия Моторина (писарский, размашистый), Николая Попова (переписчика – все буквы четко выписаны, точно выведены), Филиппа Попова (мелкий почерк, но ясный).

Афанасий Моторин (1822–1887) – сын дьячка из Подъельска, закончивший Вологодскую духовную семинарию, сделал в Усть-Сысольске неплохую карьеру: от коллежского секретаря земского суда, затем пристава, исправника, губернского секретаря до титулярного советника (1866 г). В 1867 году его назначают судебным следователем I участка уездного суда. 21 марта 1876 года жена судебного следователя Анна Леонтьевна Моторина была найдена в собственном доме убитой, как сообщал полицейский надзиратель настоятелю Троицкого собора, «смерть произошла от удара и пролома посторонним лицом головы Моториной». Чем кончилось полицейское расследование, как сказалось это событие на карьере Моторина, мне неизвестно. После смерти Анны Леонтьевны ее дом числился «за наследниками», но никто персонально не оформил дом на себя, даже Моторин, который прожил еще 20 лет. Дом был небольшой, с каждым годом он постепенно ветшал, о чем можно судить по неуклонному снижению его стоимости. На его месте после революции в 1920-ые годы построил свой большой двухэтажный дом с фотоателье известный усть-сысольский фотограф Н. П. Кулаков.

Афанасий Моторин умер 20 января 1887 года в возрасте 65 лет «от старческого изнурения», как написано в метрической книге Троицкого собора, в разделе «умершие».

Наш прадед Филипп Яковлевич в последние годы был полон сил и энергии, строил планы на дальнейшую жизнь... Но в 1869 году, когда ему было 64 года, он трагически погиб. 10 июля прадед сидел на веранде и не спеша пил чай. Прадед был убит ударом шаровой молнии.

В метрической книге Троицкого собора Усть-Сысольска сохранилось обращение полицейского надзирателя Клячина настоятелю собора протоирею Кокшарову от 11 июля 1869 года: «Тело крестьянина д. Кочпонской Филиппа Якимова Попова, умершего вчерашнего числа от громового удара, покорнейше прошу Ваше Высокоблагословение предать земле по церковному чиноположению»³⁵.

После смерти отца начала постепенно редеть семья. Сначала умерли старшие сыновья Иван и Виктор (до 1872 г.), Ефим отправился писарем в с. Вотчуа потом в Визингу. Дочь Анна направлена на работу в с. Троицко-Печорск. В 1876 году в возрасте

³⁵ НА РК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 107. Л.131-132.

18 лет она уже была исполняющей дела учительницы Печерского земского училища. Анна Филипповна вышла замуж за Попова Ивана Васильевича, представителя уважаемого в Троицко-Печорске рода Пищиков. Главой этого рода был отец Ивана Попов Василий Митрофанович – Пищик. Прозвище свое он получил по роду деятельности – был писарем. Выбирали его и волостным старостой. Во время переписи 1850 года Василий Митрофанович был «сказкосоставителем».

Иван Васильевич кроме крестьянских дел занимался торговлей и нередко бывал в Усть-Сысольске. Возможно, знакомство молодых людей произошло еще до приезда Анны Филипповны в Троицко-Печорск. Кроме того, они находились в дальнем родстве. Их общий пра-пра-дед – Петр Исидорович Попов в конце 50-х годов XVIII века был рукоположен в священники Троицкой Печорской церкви.

У Анны Филипповны с мужем было шестеро детей. Семья была зажиточной. С помощью сестры Елены Филипповны они приобрели в Усть-Сысольске землю под строительство дома, плановое место № 154 в 10 квартале, но исполнению этих намерений помешала революция 1917 г. При Советской власти семью раскулачили, отобрали дом в Троицко-Печорске, конфисковали все имущество, главу семьи Ивана Васильевича отправили в лагерь. Вернулся он совсем больным, жил в баньке, где и скончался в 1941 году. Анна Филипповна умерла в 1921 году от тифа.

Елена Филипповна вышла замуж за купеческого сына Владимира Алексеевича Жеребцова, только счастье её было недолгим – через шесть лет она овдовела. Елена Филипповна прожила еще 59 лет! Не вышла вторично замуж. Несколько лет провела в Кытловском монастыре, а потом организовала в своем доме общежитие-пансион для учащихся духовного училища. После революции духовное училище и пансион закрыли. Елена Филипповна жила из милости у бывшей монашки. Умерла она в нищете в 1940 году.

МОЙ ДЕД – ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ ПОПОВ

(1866-1927)

В. Ф. Попов – представитель демократической интеллигенции, экономист, статистик, почвовед и исследователь, был одним из видных общественных и политических деятелей Коми края в начале XX века.

Попов стал организатором земской статистики в Усть-Сысольском и Яренском уездах, а после 1917 года – советской статистической службы Коми Автономной области; он состоял членом усть-сысольского отделения Архангельского общества изучения

Русского Севера и Общества изучения Коми края. Всю свою жизнь, научную и практическую деятельность В. Ф. Попов посвятил экономическому исследованию Коми края и защите интересов местного крестьянства.

Детство и юность. Учеба в семинарии

Василий Филиппович родился 5 апреля 1866 г. в г. Усть-Сысольск Вологодской губернии. как сказано выше, 10 июля 1869 г., когда Василию было чуть больше 3-х лет, отец трагически погиб. О детстве Василия известно очень мало. Сохранились только в примечаниях к его трудам разрозненные упоминания о походах со своими сверстниками в лес и по заброшенным «тылам» для сбора рыжиков. После окончания приходской школы мать определила его в уездное училище, которое он закончил в 1880 г. с отличными оценками, только по рисованию и церковному пению у него были оценки «хорошо». Подготовившись к экзаменам, осенью 1882 г. юноша отправился в г. Тотьму, где поступил в учительскую семинарию. Так он выбрал себе профессию учителя. В семинарии Василий встретился со своим земляком, второкурсником Каллистратом Жаковым, с которым они раньше обучались в Усть-Сысольском уездном училище.

Тотемская учительская семинария

В. Ф. Попов (слева) с сокурсником

В 1880-е годы директором семинарии был один из известных людей своего времени, участник революционно-демократического движения 1860–1870-х годов, член организации «Земля и Воля» Н. Я. Соболев. Составной частью народнической идеологии было просветительство, а Соболев к тому же несколько лет проработал в учебных заведениях Вологды и Череповца. В 1880 г. он был переведен в Тотьму, и как

талантливый педагог сделал учительскую семинарию одним из лучших учебных заведений Вологодской губернии.

Его ученик писатель-народник П. В. Засодимский (закончил семинарию в 1862 г.) тепло вспоминает своего учителя: «Соболев не походил на чиновника и за это был у нас общим любимцем». «Соболев Н. Я. был молодой человек, высокого роста, очень худощавый, брюнет, в очках, с весьма интеллигентным лицом. К своим воспитанникам относился очень дружески, любил беседовать с ними по разнообразным вопросам»³⁶. В 1880-х гг., когда в семинарии учился Василий Попов, Николай Яковлевич был уже не молод, но полностью сохранил свою энергию, широту взглядов, любовь и внимание к воспитанникам семинарии.

На уроках истории он умело воспитывал у учащихся любовь к родной стране и народу, чувство ответственности за его судьбу. Будучи членом губернского статистического комитета, Соболев привлекал любознательных юношей к статистическим работам, обработке и обобщению цифровых данных. Он учил их видеть за сухими цифрами перспективы и тенденции в развитии хозяйства, а так же интересы простого народа.

В семинарии Василий Попов не только получил глубокие знания и первые навыки исследовательской работы, но научился, по словам К. Жакова, как и многие семинаристы «думать о народе, о правде». Большое влияние на формирование демократических взглядов среди обучавшейся молодежи оказали два фактора: общение с революционно-настроенными студентами центральных университетов, высланных в Тотьму, и с представителями народнической и демократической интеллигенции (Н. Щелгунов, П. Лавров, А. Чаплинская, Г. Потанин, Д. Суровцев и др.), отбывавшими в различные годы ссылку в Тотьме. Царское правительство в XIX веке использовало Тотьму как место, куда ссылали революционно и демократически настроенную молодежь из столицы Санкт-Петербурга, Москвы и других крупных городов, поэтому не случайно её называли «подмосковной Сибирью».

Встреча с Соболевым и революционерами-демократами во многом определила дальнейшую судьбу Василия Попова. Он решил посвятить себя статистическим исследованиям, просвещению и защите интересов населения родного края; он прочно стал на демократические позиции.

В 1885 г. Василий успешно закончил семинарию и намеревался продолжить учебу. Но учиться ему не пришлось, не смог он стать и учителем в школе... В административном

³⁶ Шеляпина О. Первый директор // Коммунист. Череповец. 1984. 14 июля.

порядке юноша «был поселен на родину без права выезда в продолжение 3-х лет» (так было записано много лет спустя в его личном деле)³⁷. Сначала он служил волостным писарем, через три года – учителем в сельских школах Визингской волости.

Василий Попов в это время был молодым человеком приятной наружности, высокий, тоненький, в пенсне, по мнению современников немного похожий на Антона Чехова. Спокойный, обходительный, остроумный собеседник и рассказчик.

*Попов. В. Ф.
Подпись на оборот «Дорогому сыну Ване».
Снимок 1905 г.*

Годы ссылки для него стали периодом напряженной работы, самообразования и поисков дальнейшего пути. Он много читал, пополняя свои знания по разным отраслям науки и хозяйства. Изучал крестьянскую общину, российские законы землевладения и землепользования, земледелие и промыслы, урожайность полей и лугов, труд и быт местного крестьянства. Вместе с крестьянами сысольских волостей ходил по лесным тропам в район верховьев р. Виледь в Архангельской губернии, где у них тайком от властей были заложены ржаные подсеки. Его интересовала урожайность на подсеках и обеспеченность крестьян землей и хлебом. Самостоятельно изучил он в эти годы латинский и французский языки. Когда закончился трехлетний срок ссылки, он поступил в престижное учебное заведение – Ярославский юридический лицей, но окончить лицей ему не удалось³⁸.

1891-1893 гг. стали переломными в его жизни. В мае 1891 г. Василий Филиппович женился на вдове учителя, личного дворянина Н. В. Кокшарова, Ульянии Георгиевне. Он вновь поселился в Усть-Сысольске и начал работать делопроизводителем оценочного стола при земской управе.

³⁷ НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 623. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 2.

Земства – местные органы самоуправления были созданы в России в ходе буржуазных реформ в 1864 году. Они занимались организацией промышленности и сельского хозяйства, налаживанием торговли в Коми крае, а также с соседними уездами и губерниями, строительством и ремонтом дорог, почтовой связью, народным образованием и здравоохранением, благотворительностью и т.д.

Оценочная комиссия, в которой начал служить В. Ф. Попов, занималась сбором сведений о наличии земли и недвижимой собственности у жителей города и уезда для обложения их земскими налогами и сборами.

Организация статистического управления

В сентябре 1893 г. В. Ф. Попов представил в Усть-Сысольскую земской управе результаты своих многолетних раздумий и поисков – докладную записку и программу статистического обследования экономического быта населения в уезде.

Выступив с инициативой экономических исследований в уезде, Василий Филиппович круто переломил свою судьбу. Во-первых, сумел прозорливо увидеть перспективы дальнейшего развития земских учреждений и роль их в подъеме народного хозяйства края и, во-вторых, – свое место в разносторонней деятельности земства и экономических исследованиях. В докладной записке он показал, что передовые земства в России в последнее время не только заботятся о развитии хозяйства в своем уезде, но проявляют большую заботу об экономическом благосостоянии населения. Он аргументировано показал необходимость таких исследований в Коми крае.

«Экономический быт населения уезда, – писал Попов, – держится на следующих факторах: земледелие и тесно связанное с ним луговое хозяйство в сочетании со скотоводством; охота во всех ее видах, как промысел и как занятие, имеющее целью улучшение питания населения; рыболовство – в тех же проявлениях; отхожие промыслы в других губерниях и уездах; рубка и сплав сортового леса; извоз и ямщина; работа на местных железодельных заводах и местные промыслы, и наконец, случайные заработки и занятия»³⁹. Земледелие, скотоводство с луговым хозяйством, охота и рыбная ловля составляют, по его мнению, ядро экономической жизни населения, обеспечивая его жизнеспособность и заработки, остальные занятия имеют местный характер, присущи определенным волостям.

Основные мысли этой записки и вытекающие из них предложения В. Ф. Попов развил в докладе земскому собранию 8 октября 1893 г. Он доказал ошибочность мнения,

³⁹ НА РК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 40. Л. 10-11.

«что полевое и луговое хозяйство зырянина... не нуждается ни в каких расширениях и улучшениях... Когда мы будем знать, – продолжал он, – почему сельское хозяйство зырянина идет год от году плоше, что мешает ему развиваться, когда все наши догадки и предположения выразятся в красноречивых цифрах – мы будем знать и то, как помочь этому горю».

Таким образом, он не только поставил задачу изучения крестьянского хозяйства, но определил и цель этого изучения – организацию помощи хозяйству местных крестьян. Доклад Попова стал первым в истории Усть-Сысольского земства, за 25-летнюю деятельность, затронувшим так глубоко проблемы экономики крестьянского хозяйства уезда. Земское собрание одобрило доклад и постановило «пригласить г. Попова для производства работ по экономико-хозяйственному описанию уезда». Вопросы пункты, составленные им, были разосланы по волостным правлениям.

Все сведения, поступившие из волостей по вопросным пунктам, а также собранные на основе собственных наблюдений и подворных опросов во время поездок по уезду, были обобщены Поповым и представлены в управу под названием «Полеводство и порядки землепользования крестьян Усть-Сысольского уезда». В. Ф. Попов показал нехватку пахотных земель и сенокосных угодий у местных крестьян: «Пора отрешиться от поверхностного и ничем не оправданного взгляда о приволии и избытии свободных и удобных земель (на Севере России – Р. П). По крайней мере, крестьяне нашего уезда... начинают ощущать недостаток в землях»⁴⁰. Этот важнейший вывод, который он подтверждал конкретными цифрами, В. Ф. Попов положил в основу многолетней и разносторонней деятельности по защите интересов крестьян Коми края. Это была серьезная исследовательская работа, положившая начало местной земской сельскохозяйственной статистике.

20 октября 1894 г. земское собрание обсудило отчет Попова о проделанной работе, одобрило его и постановило «продолжить обследование уезда по начатому плану». Но важное значение имело другое решение: образовать при управе особое статистическое отделение и объединить его с оценочным столом, созданным на основе закона от 8 июня 1893 г. для оценки недвижимых имуществ. Так более ста лет назад по инициативе В. Ф. Попова в Коми крае было создано при земской управе статистическое управление, которое в дальнейшем под его руководством развернуло активную деятельность.

⁴⁰ В. Ф. Попов. Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда. // Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда / ред. Рума Л. Пермь. Т. I. 1903. С. 49.

Большое значение для развития сельского хозяйства в крае сыграл написанный им в эти годы небольшой очерк «К характеристике почв Усть-Сысольского уезда», которому присудили золотую медаль на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве в декабре 1895 г. Здесь дана «хорошая для того времени физико-географическая характеристика бывшего Усть-Сысольского уезда, ...оценка почв по механическому составу, схема размещения почв по породам и по рельефу и их общая экономическая характеристика»⁴¹. В книге приложены схемы, чертежи, выполненные В. Ф. Поповым. Этот очерк был первой работой о почвах в Коми крае, она имела большое научное и практическое значение, поскольку становление отечественной науки о почвоведении началось только с 1880-х гг. после публикации труда академика В. В. Докучаева «Русский чернозем».

Земское собрание дважды принимало постановления о награждении Попова за эти исследования, но он оба раза от денежного вознаграждения отказался, несмотря на то, что семья росла, а небольшого жалования явно не хватало. Тогда земское собрание по инициативе представителя казны Скоковского отметило его поступок вставанием.

В 1900 г. Попов назначен заведующим статистическим управлением земской управы. Организуя статистическую службу земства, он много ездил по уезду, умело привлекал к обследованиям добровольных корреспондентов из числа земских учителей и врачей, священнослужителей, волостных писарей, грамотных мещан и крестьян. Среди них можно назвать известных людей того времени: старейшую учительницу Ф. Забоеву, учителей М. Сюткина, З. Кайдалову, Н. Боброва, священников С. Куратова, П. Шаламова, В. Флоренского, В. Вохомского, будущих общественных деятелей А. Вешнякова и А. Мартюшова и др.

*Усть-Сысольская уездная земская управа.
№ 1 – председатель управы Беляев В. И.,
№ 2 – председатель Земского собрания
Колесников,
№ 3 – Попов В. Ф.*

⁴¹ Почвы Коми АССР / Ред. Иванова Е. И. М., 1958. С. 5.

*Священник Стефан КУРАТОВ.
Добровольный корреспондент по статистике из Визинги*

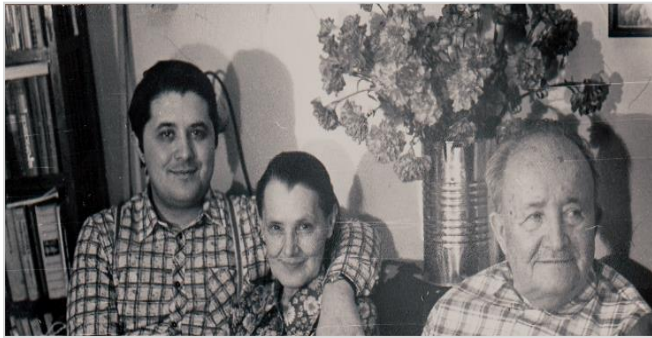
Через несколько лет Попов ввел в практику работы статистиков новый метод – конкретные учеты. Все сведения по высеву сельскохозяйственных культур, сбору урожая и укосу сена записывали теперь не со слов домохозяев, а путем обмера площадей, взвешивания семян и полученного урожая зерновых и трав. Изучал он способы повышения урожайности луговых трав и важнейших полевых культур и постоянно разъяснял их крестьянам.

Об этой деятельности В. Ф. Попова написал мне 8 августа 1988 г. к. с. х. н., Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР И. С. Хантимер, с которым я познакомилась в мае 1988 г.: «Начиная с 1903 года В.Ф. Попов проводил ежегодные наблюдения урожаев лугов, взвешивая травостой в районе рек Вычегда, Сысола и Луза, изучал способы повышения урожайности луговых трав. Его статьи и сборники по сельскому хозяйству, урожаю хлебов и трав в Усть-Сысольском уезде отличаются научной обоснованностью, четкостью агрономического языка, имеют и в настоящее время значение для всего Северо-востока Европейской части СССР».

*ХАНТИМЕР И. С. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР,
заслуженный деятель народного хозяйства Коми АССР.*

*Много лет изучал труды В. Ф. Попова, высоко ценил его
агрономические знания*

Хантимер И. С. в кругу семьи

В 1899 г. в уезде состоялись очередные выборы в новый состав земского собрания. В уездной управе сложилась в начале XX в. группа прогрессивных деятелей: В. Беляев председатель управы, В. Ф. Попов, А. Мартюшов, А. Синцов, В. Потолицын и другие. Они работали по расширению сети школ и улучшению школьного образования, созданию сельских библиотек и читален. В целях подготовки учителей установили учительские стипендии в семинариях и на педагогических курсах, организовали курсы кройки и шитья, увеличили заработную плату учителям и заведующим школ. Статуправление под руководством В. Ф. Попова проводило обследование крестьянских хозяйств в присыольских волостях; А. Мартюшов заботился о развитии кустарных промыслов. В. Потолицын руководил почтой. А. Синцов организовал кузнечно-слесарную мастерскую для подготовки кузнецов и мастеров для крестьянских хозяйств. В мастерской была установлена динамомашинa, которая впервые в Усть-Сысольске дала электрический ток для освещения.

СИНЦОВ А. Д. – организатор школы-мастерской, в 1910 г.

Реорганизована в ремесленную школу; собрал динамо-машину, провел электричество для освещения школы

ПОТОЛИЦЫН – руководитель земской почты

Весьма критично отнеслись молодые земцы к деятельности и выводам партии по заготовлению переселенческих участков под руководством Л. Н. Рума, которая работала в уезде в 1901-1902 гг.

С обострением земельного кризиса в центральных районах России царское правительство в 1900 г. организовало экспедиционные партии для изыскания возможности переселения крестьян из центральных районов на окраины страны, в том числе в Коми край. Усть-Сысольский и Печорский уезды привлекали внимание правительства громадной территорией, простиравшейся до Уральских гор, малочисленностью населения и, наконец, тем, что площадь пахотной, сенокосной и усадебной земли составляла в уезде всего 1 % территории⁴². Все это создавало иллюзию, что на северо-востоке Вологодской и Архангельской губерний нетрудно было найти земли под переселение. Партия по заготовлению переселенческих участков Л.Н. Рума летом 1901 г. работала в районе Летского и Ношульского лесничеств.

«Партия явилась, – критиковал ее В. Ф. Попов, – как снег на голову, и земство уже из третьих рук могло узнать только, что работает какая-то переселенческая партия»⁴³. Только к лету следующего года земству сообщили о задачах партии. Для согласования важнейших вопросов приезжал из Петербурга член ученого совета Министерства земледелия и землеустройства известный ученый А. А. Кауфман, который провел совместное совещание земства и партии Рума. Были намечены главные принципы сотрудничества по исследованиям в 1902 г. в верхне-вычегодских волостях. Земство выделило в состав партии четырех статистиков и 2000 руб.

Надо признать, что обе экспедиции Рума закончились ничем. При обсуждении итогов на очередной сессии земского собрания в 1903 г. по докладу Рума выступили В. И. Беляев и В. Ф. Попов, которые проявили понимание сущности и цели переселенческой политики правительства. Все участки, намеченные под переселение, должны были изыматься из сенокосных угодий и заимок местных крестьян, само же правительство не собиралось поступиться своим колоссальным лесным фондом. Рума зависил доходность крестьянских пашен и лугов, неверно учел амортизацию, не сумел дать правильную оценку климата и ветров, влияния их на урожайность. По собственному признанию Рума,

⁴² Русанов В. А. Очерк промыслов по Усть-Сысольскому уезду // Русанов В. А. Статьи, лекции, письма. М.-Л., 1945. С. 317.

⁴³ Попов В.Ф. Еще к вопросу о переселении и землеустройстве в Вологодской губернии // Север. Вологда, 1907. 27 октября. № 94.

он дал В. А. Русанову ⁴⁴, обследовавшему Помоздинскую волость, «неудачно избранные признаки для группировки бюджетного материала».

РУСАНОВ В. А. (1878-1913) – геолог, полярный исследователь.

В период ссылки в Усть-Сысольске в 1902-1903 гг. работал в Земской статистике под руководством В. Ф. Попова. Окончил Парижский университет Сорбонну.

КУЧИН С. А. – океанограф, капитан корабля «Геркулес» в экспедиции на Шпицберген

В. А. Русанов и Жюльетта Жан на корабле «Геркулес» в экспедиции на Шпицберген (1912 г.)

⁴⁴ В. А. Русанов (1878-1918), участник революционного движения в г. Орел, сослан на два года в Вологду, а затем в Усть-Сысольск. Василий Филиппович принял его на службу в уездное статуправление и в числе четырех статистиков в 1902 г. направил в партию Л. Рума. Русанов вместе с топографом партии М. Д. Большаковым обследовал Помоздинскую волость, перешел на р. Ижма, где в районе Седью открыл пещеру древнего человека. Следует уточнить, что сын Русанова и автор биографического очерка С. П. Петросов, в книге «В. А. Русанов. Статьи, лекции, письма» неправильно расшифровали фамилию спутника Русанова в Помоздино и на р. Ижму (с. 372): «Нас шестеро: топограф Б. и я, и еще четыре рабочих...». «Б» они назвали А. А. Богдановым (был выслан в г. Вологду, где с ним общался Русанов), тогда как в экспедиции 1902 г. его спутником и непосредственным руководителем был топограф партии Л. Н. Рума – М. Д. Большаков.

Ошибки и неувязки привели к тому, что гласные земского собрания на заседании 6 октября 1903 г. высказались против выводов Л. Н. Рума. Вопрос о переселении крестьян центральных районов на земли уезда был снят с повестки дня.

В годы первой революции

В это время уже чувствовалось приближение революционных событий. «Под могучим напором свершающихся событий, – писал Попов, – начинает стряхивать с себя вечный, непробудный сон и наш глухой, забытый богом и людьми край!».

Вспоминая эти годы, общественный деятель и исследователь края А. Мартюшев писал в автобиографии, что из земских деятелей, «хорошо разбирающихся в русской политической и экономической действительности оказались председатель управы В. И. Беляев и статистик В. Ф. Попов». Сам Мартюшев, уже отслуживший в армии, избранный гласным земского собрания и членом уездной управы, признавался, что политикой он никогда не интересовался, но теперь под влиянием Беляева и Попова тоже включился в политическое движение.

Накануне революции общественно-политические взгляды В. Ф. Попова сближаются с кадетскими. Попов проявил себя сторонником конституционной монархии, где власть царя ограничена конституцией и представительным органом власти, избранным народом. Известную роль в его эволюции сыграла личная встреча в Усть-Сысольске и переписка по вопросам сельскохозяйственной статистики и переселенческой политики с А. А. Кауфманом, который стал одним из организаторов кадетской партии и автором аграрной программы кадетов.

В 1906 г. Попов перевел на коми язык «Выборгское воззвание» – обращение группы депутатов I Государственной Думы (кадетов, трудовиков и социал-демократов) к народу России с протестом против роспуска Думы. Воззвание было напечатано на гектографе, принадлежавшем братьям Кузьбожевым, и распространялось среди населения его друзьями А. Мартюшовым и А. Вешняковым. У Вешнякова полиция при обыске обнаружила это воззвание и также конверты, приготовленные для рассылки. В октябре он был арестован и осужден на 6 месяцев.

Но Попов быстро разглядел, что кадеты защищают интересы либеральной буржуазии и не поддерживают крестьянское движение за землю. Он приветствовал пробуждение крестьянства и вступление в активную экономическую и политическую борьбу. Об этом свидетельствует его оценка движения крестьян Усть-Сысольского уезда, составивших петицию с требованиями общегосударственного и местного характера. Хотя

местное начальство не удовлетворило требований крестьян, но «мысль крестьянская пробудилась, и заставить ее опять заснуть уж едва ли удастся», – писал В.Ф. Попов⁴⁵.

На заседании городской думы В. Ф. Попов выступил против увеличения в городе с 1 января 1906 года штата полицейских стражников на 40-50 человек. Он предлагал «использовать эти средства на вопиющие нужды края». Но председатель Думы не разрешил даже обсуждать предложения, и голос В. Ф. Попова остался «гласом вопиющего в пустыне»⁴⁶. Когда предложения были отвергнуты, он подготовил письменный протест, но 15 октября 1906 г. к нему нагрянули с обыском и сомнительную литературу конфисковали.

Заслуживает внимания деятельность В. Ф. Попова в качестве секретаря школьной комиссии, которую создало земство незадолго до начала революции 1905 г. Бывая в разных волостях, селах и деревнях по статистическим обследованиям, Василий Филиппович всегда посещал школы, беседовал с учителями о проблемах и нуждах, старался помочь им. Попов хорошо знал школы уезда и учителей, поэтому, при создании в 1904 г. школьной комиссии, секретарем комиссии был выбран именно он.

Чем была вызвана необходимость создания школьной комиссии в начале XX в.? Ответ мы найдем, если рассмотрим состояние народного образования конца XIX в. В первой половине XIX в., когда начали возникать школы в нашем крае, их было очень мало. В сельской местности Министерство госимуществ открыло приходские училища: в 1840-х гг. в Корткеросе, Небдино, Усть-Куломе, Айкино, Троицко-Печорске, Шошке и Визинге; в 1860-х гг. – в Вильгорте, Часово, Важгорте, Усть-Выми, Помоздино, Ношуле, Летке, Глотове. Всего 15 училищ⁴⁷. С созданием в уезде земских органов училища были переданы земствам, что значительно улучшило их положение (увеличилось финансирование, построены новые здания, изданы учебные пособия и т. д.). В это время увеличивалось и число духовно-приходских школ. После Казанского съезда архиереев в 1885 г. начался быстрый рост церковных школ при непосредственной поддержке царя Александра III и обер-прокурора Синода Победоносцева. По просьбе Синода земства стали финансировать церковно-приходские школы, что происходило в ущерб земским школам.

В. Ф. Попов в неопубликованной рукописи «Единственный долг» писал: «Духовенство в целях борьбы «с растлевающим влиянием светской земской школы» начало поход на народную начальную школу, был выработан особый тип церковно-

⁴⁵ Ценский Вл. Усть-Сысольские письма // Северная земля. Вологда. 1906. 7 апреля.

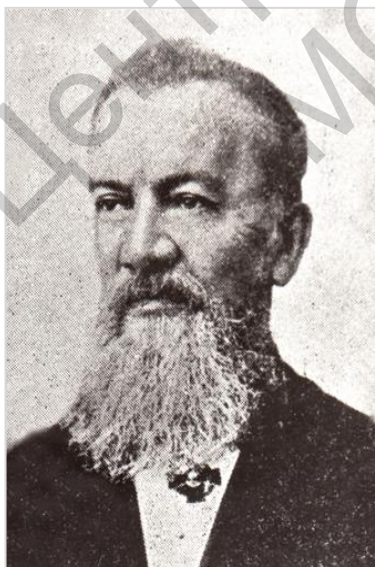
⁴⁶ Там же // Северная земля. Вологда. 1906. 5 марта.

⁴⁷ История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 481.

приходской одноклассной школы и церковной школы грамоты, которые должны были утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Главными предметами в этих школах были закон Божий, церковное пение, письмо и начало арифметики. Преподавали местные священники, за что получали 45-60 руб. в год. «Этот безвозмездный труд в такой среде деятелей, как приходские священники, не проникнутый общественной пользы, был вполне непроизводителен», - писал В. Ф. Попов. «За целое десятилетие с 1886 г. по 1895 г. земство не открыло ни одной своей школы – так влиял на него рост церковных школ». К 1899 г. в Усть-Сысольском уезде было 21 земская школа, 31 церковно-приходская, одна министерская, 34 школы грамоты, всего 87 школ (из них церковных – 52) с охватом учащихся 3850 чел., а это всего 45 % детей школьного возраста⁴⁸.

На первом заседании школьная комиссия в целях улучшения образования наметила проведение ряда мероприятий: 1) отказать духовенству в ежегодной субсидии, которую выделяло земство церковным школам; 2) объединить первоначальное народное образование в руках земства; 3) повысить уровень школьных знаний; 4) открыть новые 12 школ; 5) создать двухклассные земские училища; 6) увеличить заработную плату учителям и помощникам учителей; 7) созвать первый съезд школьных учителей уезда в сентябре 1905 г. для обсуждения насущных проблем школьного образования⁴⁹.

На втором заседании комиссии В. Ф. Попов поставил вопрос об исключении из школьной комиссии священников, которые были назначены уездным училищным советом, не посещали заседания, проявив тем самым незаинтересованность в работе. Комиссия начала готовить съезд учителей. Однако ее просьбы и ходатайства оседали без движения в разных канцеляриях и ведомствах.

КИЧИН В. Е. – инспектор народных училищ

⁴⁸ Там же. С. 488-489.

⁴⁹ Попова Р. П. Секретарь школьной комиссии В.Ф. Попов (1904-1906) // Музей и общество. Сыктывкар, 2005. С. 93-97.

Инспектора народных училищ В. Е. Кичина В. Ф. Попов назвал «местным вершителем судеб просвещения», «старым вождем», чья «20-летняя принижающая и обезличивающая политика в области первоначального народного образования» тормозила школьное дело. Кичин разослал вопросы, которые можно обсудить на съезде, и в то же время запретил учителям выходить за рамки учебных программ и нужд своей школы. Учителей, которые осмелились внести какие-то прогрессивные предложения (о свободном посещении учителями и учащимися церкви, о представительстве учителей в уездном училищном совете, в земском собрании и т. д.), обругал в таком стиле, которого придерживаются только в российских «полковых канцеляриях и полицейских участках»⁵⁰. После выхода Кичина в отставку 1 июля 1906 г. власти обосновывали свой отказ в проведении съезда отсутствием инспектора. Только в 1910 г. смогли провести учительский съезд новые инспектора народных училищ М. П. Успаский и М. Н. Рейтенборд.

Трудные годы после революции

В 1906 г., когда революционное движение в стране шло на убыль, в Усть-Сысольском уезде состоялись очередные выборы в земское собрание. В результате состав изменился, и стал консервативнее. Прогрессивные деятели управы: В. И. Беляев, В. Ф. Попов, А. М. Мартюшов, Потолицын и др. оказались не у дел. Председателем управы избрали богатого усть-сысольского купца В. П. Оплеснина, «владеющего грамотой ровно настолько, чтобы начертать свою фамилию». О решениях земского собрания в октябре 1906 г. Попов рассказал в сатирической форме в статье «На краю света. Усть-Сысольское земство», опубликованной под псевдонимом Вл. Ценский⁵¹.

Усть-Сысольская земская Управа и гласные земские собрания, избранные после Первой революции в 1906 г. В центре с белой бородой – председатель Управы купец Оплеснин В. А.

⁵⁰ Ценский Вл. Усть-Сысольск. О необходимости учительского съезда // Северная земля. 1906. 23 сентября.

⁵¹ Ценский Вл. На краю света. Усть-Сысольское земство // Северная земля. 1906. 3 декабря. Прил. С. 16.

«Культурные деятели», как он насмешливо называет консерваторов, сократили количество открываемых школ, снизили заработную плату учителям, квартирные – заведующим, уменьшили расходы на библиотеки и читальни. Школьную комиссию ликвидировали под предлогом, что она превышала свои полномочия. «За ненадобностью» отменили статуправление, закрыли школу кройки и шитья, ткацкую и кузнечную мастерские, показательный смолокурный завод и т. д. Свои действия земское собрание мотивировало необходимостью экономии средств. Так задолго до третьеиюньского переворота в Усть-Сысольске началось наступление реакции. Надежды Василия Филипповича на демократизацию общественно-политической жизни полностью рухнули, а решение о прекращении статистических работ лишило его любимой работы.

Занявшись краеведением, в своей первой статье о В. Ф. Попове «От вознаграждения отказался»⁵² наряду с архивными материалами я использовала автобиографию старшего сына деда – заведующего кафедрой химии КГПИ доцента Ивана Васильевича Попова, где он написал: «Отец по распоряжению Вологодского губернатора был уволен со службы, как политически неблагонадежный». Однако, ознакомившись с другими документами, сопоставив их с воспоминаниями родственников, в дальнейшем я исправила ошибку. На мой взгляд, причина увольнения заключалась в ликвидации статистической службы в Усть-Сысольске.

В январе 1907 г. В.Ф. Попов уволился из Усть-Сысольской земской управы в связи с упразднением статистического отделения. Выполняя решение земского собрания в дальнейшем в Усть-Сысольском уезде статистические исследования не проводили. Только после установления Советской власти в январе 1919 года было образовано уездное отделение статистической службы, руководителем которого вновь назначили В. Ф. Попова.

В 1907 г. Василий Филиппович уехал в Вологду и поступил на службу в оценочно-статистическое бюро губернской земской управы. Имеются три косвенных доказательства его работы в Вологде. На рукописи «Единственный долг» он указал свой вологодский служебный адрес «автор Василий Филиппович Попов, Вологда, оценочно-статистическое бюро губернской земской управы». Три месяца Попов занимался обследованием Усть-Яньского края Вельского уезда, по итогам которого опубликовал две статьи⁵³. В Национальном архиве Республики Коми сохранилось секретное распоряжение уездного

⁵² Красное знамя. 1988. 12 октября.

⁵³ Усть-Яньский край Вельского уезда // Север. 1907. 18 декабря; Усть-Яньский край по наблюдениям земского статистика // Север. 1907. 19 декабря.

исправника Синявского об установлении тщательного негласного наблюдения «за прибывшими вместе с чиновниками и исследователями: профессора Калистрата Фалавеевича Жакова и бывшего земского статистика Василия Филипповича Попова»⁵⁴.

Таким образом, В. Ф. Попов вернулся в Усть-Сысольск из Вологды летом 1908 г. в составе Печорской экспедиции П. И. Соколова.

После опубликования 9 ноября 1906 г. столыпинского указа о начале земельной реформы вопрос о колонизации Коми края вновь встал на повестку дня. На этот раз правительство имело конкретную цель: организовать переселение в Усть-Сысольский уезд малоземельных крестьян и батраков Лифляндской и Курляндской губерний, участвовавших в годы революции в борьбе за землю.

В Коми край была направлена на поиск земель под переселение специальная экспедиция под руководством чиновника министерства П. И. Соколова. Печорская экспедиция (1908-1909 гг.) официально провозглашалась научной и ставила цель исследовать природные богатства края, изучить возможности земледелия и скотоводства в лесных пространствах на подзолистых почвах. Однако состав экспедиции (топограф, два почвовед, ботаник, два статистика, инженер путей сообщения, каждый из них с помощниками-студентами, и фотограф-секретарь), а также отсутствие в ней геологов свидетельствуют о том, что у экспедиции не было серьезных намерений исследовать и описать полезные ископаемые края. Через год Соколов открыто заявил о землеустроительных задачах, которые были поставлены правительством перед его экспедицией.

Руководителем статистических работ Соколов пригласил К. Ф. Жакова, как знатока Коми края, имевшего к тому времени 29 опубликованных работ, из которых семь были посвящены зырянам. Однако статистическими обследованиями самостоятельно он никогда не занимался. Его помощником назначили В. Ф. Попова, а рядовыми статистиками стали студенты К. П. Шолоков и будущий известный социолог П. А. Сорокин.

За лето 1908 года статистики провели подворный опрос в присысольских волостях: Визингской, Вотчинской, Воронцовской, Койгородской, частично в Киберской, Ибской и Межадорской. Опрос везде проводился выборочно. В 1909 г. после выхода из экспедиции Жакова, который не ладил с Соколовым, Василия Филипповича назначили руководителем статистических работ. Сразу возникли большие трудности, т.к. вместе с Жаковым ушли и его студенты, пришлось подыскивать новых помощников. Соколов торопил с обследованием и выводами.

⁵⁴ НА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 51.

За оставшееся время В. Ф. Попов с новыми помощниками (Клочков и Попов-2) обследовали Благовещенскую, Выльгортскую, Корткеросскую, Межадорскую волости. Собранные ими сведения подтвердили крайний недостаток земли у местного населения. Попов подчеркнул, что «наделы на душу населения из земель генерального межевания являются в Благовещенской и Выльгортской волостях уже почти нищенскими, не достигающими в общем трех десятин»⁵⁵.

Недостаток общинных наделных земель приводил к тому, что крестьяне производили распашки и расчистки в казенно-крестьянских дачах, самовольно делали подсеки в дачах и казенных лесах, арендовали земли у казны и частных лиц. При обнаружении самовольных расчисток и подсек эти земли отбирались и продавались с торгов, как «оброчные статьи». Урожайность была невысокая, своего хлеба крестьянам большинства волостей не хватало.

Исследователи конкретными фактами и цифрами показали, что ограничения правительства в землепользовании приводили к нехватке у зырянского населения основного продукта питания – хлеба.

Несмотря на то, что выводы Попова противоречили установкам и требованиям Соколова, который говорил о необходимости скорейшего переселения крестьян из Прибалтийских губерний, начальник экспедиции высоко оценил его труд: «Это сплошное исследование под руководством такого опытного статистика как В. Ф. Попов дало более положительные результаты и выводы, по сравнению с выборочным и частичным статистическим обследованием 1908 г.». В заключение Соколов написал, что «Попов дал яркий вывод экономического положения населения, насколько позволяли условия цензуры...».

В результате объективных выводов, которые сделали Жаков и Попов о землепользовании и тяжелом положении местных крестьян, а также поддержки Жакова Академией наук, правительство вынуждено было отказаться от планов переселения крестьян из центральных районов и Прибалтики в Коми край.

В. Ф. Попов в разные годы имел несколько поручений. Как видно из памятных книг Вологодской губернии за 1912 г., он возглавлял сиротский суд, был частным присяжным поверенным, членом городского по квартирному налогу присутствия. Среди населения города и уезда он продолжал пользоваться большим уважением. Земская управа приглашала его для решения важнейших вопросов по сельскому хозяйству и обсуждения отчетов уездных агрономов. Горожане выбирали его гласным городской

⁵⁵ Попова Р.Л. В.Ф. Попов и К.Ф. Жаков в Печорской землеустроительной экспедиции П.И. Соколова в 1908-1909 гг. // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2007. № 2(11). С. 23-30.

думы трех созывов (1901-1912 гг.), дважды выборщиком и кандидатом в депутаты Государственной Думы. Но даже тогда, когда он получил большинство голосов, уездные власти не утвердили результаты и приняли меры, чтобы не выпустить его на собрание выборщиков в Вологду⁵⁶.

Заботясь о родном городе, в 1908 г. В. Ф. Попов, будучи гласным, выступил на заседании городской думы с докладом о необходимости провести канал и изменить русло р. Сысола, чтобы она не размывала узкий перешеек выше по течению и напрямик не соединилась с р. Вычегда. Перешеек с каждым годом уменьшался, и теперь его ширина составляла не более 60-70 сажений. Попов опасался, что рукав реки Сысола, протекающей под городом, превратится в зарастающую «старицу» и прекратится судоходство, а вода стала бы непригодной к употреблению.

Второе предложение Попова касалось укрепления крутого берега реки Сысола, где расположен 22 квартал города, Троицкий и Покровский соборы. Здесь почвенные ключи, постоянные обвалы и оползни разрушали берег, а вопрос об укреплении берега обсуждается уже около 50 лет. Дума решила пригласить из Вологды правительственного гидротехника, выделила для этого средства. 28 сентября 1910 г. городская управа доложила, что улучшение русла Сысолы и другие гидротехнические работы закончены. Городская дума выразила благодарность В. Ф. Попову, П. П. Успасскому и С. И. Охлопкову за безвозмездный труд по наблюдению за производством работ⁵⁷.

1911-1913 гг. были довольно трудными для В. Ф. Попова. В это время он работал над двумя книгами: «История земской школы и первоначального народного образования в Усть-Сысольском уезде» и «Сборник постановлений Усть-Сысольского земского собрания за 13 лет». Неожиданно возникли трения с управой, т.к. председатель предложил не указывать фамилию Василия Филипповича, как составителя сборника. Заявление, поданное им в земское собрание о восстановлении авторства, не возымело действия⁵⁸.

Дружная семья Поповых уже ряд лет проживала в собственном доме у Парижского оврага. У них подрастали три сына и две дочери. Старшие сыновья – Иван и Филипп – успешно учились в Великоустюжской гимназии. Но учеба вдали от дома была связана со значительными дополнительными расходами, поэтому отцу приходилось брать на дом различную работу, писать статьи в губернские газеты и журналы. Василий Филиппович был очень мягкий, душевный человек, остроумный собеседник и рассказчик. Несмотря на занятость, он много внимания уделял воспитанию своих детей. От отца все мальчики

⁵⁶ Цембер А. А. Дневник / ред. Рощевская Л. П. Сыктывкар, 1997. С. 43-44.

⁵⁷ НА РК, Ф. 118. Оп. 1. Д. 3886. Л. 205.

⁵⁸ Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания в 1913 г. Усть-Сысольск, 1914. С. 1023-1024.

переняли большую любовь к родному краю, к его суровой и прекрасной природе, а также чувство юмора и оптимизм.

Мать, Ульяния Георгиевна, занималась воспитанием детей, домашним хозяйством, поддержанием порядка и уюта в большом доме. Следует отметить, что пребывание в семье протоирея В. Г. Кокшарова в годы первого замужества за его сыном Николаем способствовало росту ее духовной культуры, сказалось на ее мировоззрении. Она соблюдала все церковные праздники, обряды и посты. Однако, все старания ее приобщить к религии и церкви сначала своих детей, а затем и внуков, кончились неудачей.

В 1913 г. старший сын Иван окончил гимназию с серебряной медалью императора Николая II и поступил на естественный факультет Петербургского университета. Со вторым сыном, Филиппом, произошло несчастье. Однажды в холодное время подросток выкупался в реке и заболел. В результате – паралич, у него полностью отнялись ноги. Младшие дети учились в школе: Татьяна – в гимназии, Леонид – в высшем начальном городском училище.

Труд «История земской школы и первоначального народного образования в Усть-Сысольском уезде» представляет из себя полноценное исследование. На основе изучения архивных материалов автор показал деятельность земских учреждений по развитию народного образования в уезде; по расширению сети школ и контингента учащихся; увеличению финансирования школ разных ведомств; повышению качества знаний учащихся; правовому и материальному положению учителя.

Земские школы с начала XX в. финансировались значительно больше, чем церковно-приходские школы, в них были подготовленные учителя. Они лучше были обеспечены зданиями, учебными и наглядными пособиями. Это способствовало и лучшей постановке учебной работы в земской школе. Говоря о русификаторской политике царского правительства, которую оно проводило в национальных окраинах, Попов пишет: «...школа в Усть-Сысольском уезде была и остается чисто русской школой»⁵⁹. Преподавание в школах велось на русском языке, а попытки передовых учителей разъяснить коми детям на родном языке наиболее сложные русские понятия строго пресекались. Поэтому школьники зубрили наизусть целые тексты, не понимая их содержания.

В. Ф. Попов сумел в те годы увидеть и подвергнуть критике классовый характер школы и образования. В упоминавшейся статье «Единственный долг», анализируя учебные предметы, которые изучаются в начальной школе, он дает оценку

⁵⁹ Попов В. Ф. История земской школы и первоначального народного образования в Усть-Сысольском уезде. Усть-Сысольск, 1911. С. 8-9.

воспитательным целям школы: «Задача эта в своей общественно-политической части сводилась к воспитанию народа в страхе божьем и в повиновении властям предрержащем. Такое моральное воздействие как нельзя более должно было соответствовать видам господствующих классов и правящих сфер, стремившихся гарантировать свое привилегированное положение на все будущие времена. Страх и повиновение должны были сдерживать народ».

В конце статьи Попов сформулировал программу демократических преобразований в области народного образования, которую выдвинула и обсуждала передовая общественность страны: 1) свободная, светская, общедоступная, повсеместная низшая школа, непосредственно связанная со средней школой, а через последнюю – с высшей; 2) свободная, общедоступная и повсеместная библиотека, включающая все отделы знаний; 3) общедоступная и бесплатная средняя и высшая школы; 4) финансирование просвещения из государственного бюджета. Очевидно, эти прогрессивные мысли и требования, высказанные В. Ф. Поповым в годы реакции оказались неприемлемыми для редакции. Поэтому с краткой резолюцией «Возвратить» рукопись вернули автору.

Большой интерес для нас представляют высказывания и оценка Поповым современной зырянской молодежи. Сельскую молодежь начала и середины XIX века в своих произведениях он называет «дети лесов». В статье «Охотничий промысел у зырян» Василий Филиппович говорит об упадке охоты в основных районах Коми края, росте заготовок леса, куда нанимается часть молодежи. Автор сравнивает в статье старшее поколение охотников, которые еще охотятся из любви к природе, к простору и раздолью родных лесов, с нынешней молодежью. Василий Филиппович отметил те изменения, которые произошли в среде сельской зырянской молодежи к началу XX века. «Молодое поколение сплошь идет в отход по мастерству шитья и катки обуви, и отход этот в какие-нибудь 10 лет охватил весь Сысольский район».

«И сама эта молодежь, большей частью прошедшая начальную школу и поднаторевшая в чужих людях (на отхожих промыслах – Р. П.), уже совсем не похожа на «детей лесов». Она «оцивилизовалась», обзавелась часами, зонтиками, галошами, оделась по культурному – в брюки и пиджаки из сукна и драпа. И, конечно, мечты ее стремятся не в лесные труппы в погоне за белкой и рябчиком, а в иное направлении... Что же, мы сказали бы этой молодежи «добрый путь», если бы эта наружная, внешняя цивилизация сопровождалась пробуждением и подъемом духовных сил, развитием социального

сознания и заменой утраченных инстинктов лесного человека инстинктами и самосознанием культурного члена человеческой семьи»⁶⁰.

В конце XIX– начале XX вв. происходило формирование местной коми интеллигенции. «В настоящее время зырян, как в Усть-Сысольском, так и в Яренском уездах можно встретить на всех поприщах общественно-служебной деятельности, – писал в эти годы П. А. Сорокин. – Теперь появляется интеллигенция из среды самого народа, которая живет его жизнью и знает его духовную жизнь»⁶¹.

Однако, говоря о проникновении русской культуры в среду коми интеллигенции и считая это положительным явлением, В.Ф. Попов с сожалением констатирует, что она не просто перенимала русскую культуру, но «старается не отличаться по наружности от русских: иногда прямо стыдится своего жаргона, своих национальных черт и по возможности старается скрыть их».⁶²

В 1915 г. Яренская земская управа, нуждаясь в опытной статистике для производства оценочных работ, пригласила Попова в г. Яренск. Яренск ему сразу понравился. Небольшой чистый городок, украшенный белокаменными церквями. Имеются училища, библиотека, деревянные дома похожие на усть-сысольские. Доброжелательные горожане...

В городе Яренске (1915-1917 гг.)

*г. Яренск. Набережная во время половодья (1910-1913 гг.).
Слева – Спасо-Преображенский собор*

⁶⁰ Попов В. Ф. Охотничий промысел у зырян // Север. 1908. 12, 13, и 14 сентября.

⁶¹ Сорокин П. А. Северные иноверцы // Север. 1908. 15 мая.

⁶² Попов В. Ф. История земской школы... С. 8.

*Яренская Земская Управа,
где в 1915-1917 гг. работал Попов В. Ф.*

Я посетила Яренск через 79 лет после деда. Ездил на региональную краеведческую конференцию. Город мне тоже понравился, хотя теперь это было село. В конце сентября стояла чудесная золотая осень, небо голубое и прозрачное, деревья, расцвеченные желтой и красной листвой. Только вот церкви оказались разрушенными.

В. Ф. Попов пробыл в Яренске два года, сумел организовать в уезде земскую статистику, подобрать среди священнослужителей, учителей врачей, фельдшеров, волостных писарей, грамотных крестьян и других служащих добровольных корреспондентов, которые помогали ему в обследованиях. Он провел подворное обследование крестьянских хозяйств ряда волостей, опубликовал два сборника по текущей статистике Яренского уезда⁶³.

Попов не раз отмечал в докладах земскому собранию слабое развитие в уезде кустарных промыслов, среди которых в основном преобладали деревообрабатывающие – они оказались тяжелыми для раненых и мешали трудоустройству увеченных воинов, возвращавшихся с фронтов первой мировой войны. Настойчиво предлагал он организовать сеть профессиональных школ. Также немало изобретательности пришлось проявить ему, чтобы защитить уезд и крестьянское население от насильственных реквизиций продовольствия, фуража и топлива на нужды империалистической войны. А это косвенно подтверждает, что он не был сторонником войны, хотя у него нет прямых высказываний по этому вопросу.

На волне новой революции

После Февральской революции Василий Филиппович решил вернуться в родной город. В конце апреля 1917 г., как только открылась навигация на реке Вычегде, он сел на

⁶³ Попов В. Ф. Сведения об урожае и сборе хлебов и трав, посеве ржи и о ценах на сельскохозяйственный рабочий труд за лето-осень 1915 г. Вологда, 1916; Попов В. Ф. Сборник сведений о земельно-экономическом положении и промыслах населения Яренского уезда за зимние 1915-1916 года периоды. Яренск, 1916.

пароход «Петр Великий» и оказался в толпе солдат, радостно возвращавшихся домой после демобилизации. Многие солдаты – сыновья крестьян и мещан города, лично знали его. В числе их оказался и его товарищ по работе в земской управе в 1899-1906 гг. А. М. Мартюшов, мобилизованный в армию в 1914 г. Зимой 1914-1915 гг. он провел в окопах. В августе 1915 г. его по возрасту (40 лет) перевели на караульную службу в Петроградский гарнизон, где солдаты выбрали его депутатом в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. По воспоминаниям самого Мартюшева, он в те годы не разбирался в разных политических партиях и программах, «зато горячо мог клеймить полицейский монархический строй и бессельность продолжения войны», чем и заслужил авторитет среди солдат⁶⁴. За полтора месяца пребывания в Петросовете политическое развитие Мартюшова шагнуло далеко вперед – он прочно стал на революционно-демократические позиции.

Солдаты провели на пароходе собрание, на котором заслушали доклад о текущем моменте и избрали своими представителями во Временный уездный комитет В. Ф. Попова и А. М. Мартюшова. Протокол подписали 97 человек.

На волне революционного энтузиазма в Коми крае стали возникать различные организации и союзы, среди которых самым массовым стало «Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда». Учредителями общества стали В. Ф. Попов, А. Н. Вешняков и А. М. Мартюшов, но главным инициатором создания общества был В. Ф. Попов. Это можно подтвердить общественно-политическими, демократическими взглядами Василия Филипповича; программой (повесткой) учредительного собрания, написанного его рукой; обстоятельностью доклада, с которым он выступил на собрании; его дополнениями и правками черными чернилами на многих документах «Общества...»; даже самым названием Общества, довольно длинным, и где присутствует слово «крестьянского и трудового населения». На организационном собрании 30 апреля, председателем общества избран В. Ф. Попов, в исполнительный комитет вошли 15 человек, в том числе А. Мартюшов, А. Вешняков, учителя М. Кузьбожева, М. Галахов, Г. Кассандров, А. Синцов, А. Чеусов, студент В. Чуистов, фельдшер Е. Вежева и др.

На этом же собрании была обсуждена по докладу В. Ф. Попова и принята программа Общества обновления. Программа состояла из трех частей: политической, экономической и просветительской⁶⁵. Отмечу только главные моменты программы: демократическая республика, демократизация местных органов власти и всей

⁶⁴ НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 474, 475. Автобиография Мартюшева. Л. 5.

⁶⁵ Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Первые коми политики. Сыктывкар, 2007. С. 121-122.

общественно-политической жизни, подготовка населения к выборам в Учредительное собрание, решение земельного вопроса в интересах крестьян; создание кооперативов и кредитование их; исследование и использование природных богатств края; улучшение обучения в школах, сделав его бесплатным; организация лекций и бесед для населения и т. д. Особенно хочется подчеркнуть, что в программе впервые выдвигается требование изучения в школах истории родного края.

Общество издавало первую в уезде газету «Известия общества обновления», на страницах которой население знакомилось с важнейшими событиями в стране и в Коми крае, с проблемами, которые нужно решать на месте. Члены общества ездили с лекциями и беседами по селам и деревням, беседовали с крестьянами об их нуждах. Крестьяне многих деревень собирали и передавали деньги «на свою газету», как они называли Известия. На собрании общества 22 мая обсудили доклад В. Ф. Попова о состоянии лесного хозяйства в уезде, и в резолюции единогласно записали, что леса в Коми крае являются национальным достоянием.⁶⁶

Ближайшей целью общество ставило пробуждение трудового и крестьянского населения к сознательной и активной политической жизни, чтобы они «были хозяевами этой жизни и сами ковали свою судьбу и свое счастье». Для этого в первую очередь следует добиваться демократизации всех органов власти и занять в них руководящую роль. С мая 1917 г. члены общества стали активно входить во все органы местной власти: временный уездный комитет, продовольственный и земельный комитеты, исполком Совета крестьянских депутатов и др. 23 июля в Усть-Сысольске состоялись выборы в городскую думу по новым правилам, утвержденным Временным правительством. Четверо членов общества вошли в ее состав. В. Ф. Попова избрали председателем городской думы.

Общество обновления просуществовало до октября 1917 г. Оно сыграло большую роль в политическом просвещении крестьянских масс, в создании в уезде волостных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов. Члены общества приняли участие в подготовке и проведении первого крестьянского съезда в Усть-Сысольске.

Первый крестьянский съезд работал 6-10 августа 1917 г. и обсуждал много вопросов, но основное внимание уделил земельному и лесному, которые уже давно готовились по итогам обсуждения в селам и деревнях уезда. В. Ф. Попов присутствовал на съезде в качестве делегата, выступал с докладом. К этому времени относится изменение его взглядов. В его докладе на съезде прозвучало, что широко распространенный среди зырян трудовой принцип землепользования, как принцип личный, противоречит по существу социализации земли. Съезд создал уездный земельный комитет для

⁶⁶ Известия общества обновления. 1917. № 2. 7 июня.

регулирования земельных отношений, председателем которого вскоре избрали В. Ф. Попова. Взяв за основу постановление Всероссийского крестьянского съезда, съезд постановил, что в основе земельной реформы должны быть следующие положения: частная собственность на землю отменяется навсегда и земля объявляется всенародным достоянием; все имеют равное право на пользование землей при условии обработки ее собственным трудом.

В. Ф. Попова избрали в совет и исполком крестьянского съезда Усть-Сысольского уезда. Кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Усть-Сысольского уезда был выдвинут П. А. Сорокин.

Помимо указанных организаций и органов власти Василий Филиппович был избран гласным уездного и губернского земских собраний, членом совета учащих (учителей), председателем исполкома совета земледельцев (мещан), он входил в суд Совести, продовольственный комитет и исполком Усть-Сысольского совета крестьянских депутатов. В это время Василий Филиппович был одним из самых видных и популярных общественно-политических деятелей нашего края. Работа в органах управления и многочисленных общественных организациях создавала тяжелую перегрузку, выматывала силы, но пока у него было здоровье и энергия, он ни от чего не отказывался, старался везде успеть, все обсудить, чтобы быстрее решить наболевшие в городе и уезде вопросы.

Много сил и энергии отдавал В. Ф. Попов работе в продовольственном комитете и руководству уездным и волостными земельными комитетами, причем первый из них, т.е. уездный, под его руководством вскоре стал играть значительно большую роль, чем исполком Советов крестьянских депутатов.

На второй сессии общего собрания уездного земельного комитета 25-27 августа 1917 г. Василий Филиппович заявил, что после Февральской революции притязания трудового крестьянства на землю сопровождаются столкновениями и конфликтами. При отсутствии руководящих указаний Временного правительства по аграрному вопросу, решение которого откладывается до конца войны, «самим земельным комитетом приходится быть создателями новых норм и положений по земельно-правовым вопросам». «Кто же должен считаться законным правомочным собственником оброчных статей, - спрашивал Попов, - народ ли, имеющий на эти статьи право в силу трудового начала владения-пользования, или же казна, являющаяся юридическим собственником и распорядителем этих статей, хотя не прилагавшая к делу разработки ее ни малейшего труда?». Сессия обсудила «трудовые нормы наделов», выработанные Деревянским, Прилузским и другими земельными комитетами, запретила заготовку и продажу леса государством за границу, постановила превратить оброчные статьи в собственность

крестьян. Оброчными статьями назывались земли, тайком и самовольно разработанные крестьянами. При обнаружении их отбирали и продавали казной с торгов. Земельный комитет передал крестьянам с Керчомья и Усть-Кулома казенные мукомольные мельницы. На основании решения губернского земельного комитета уездный комитет разрешил крестьянам пользоваться бесплатно для хозяйственных нужд лесоматериалами из казенных лесов.

В конце октября 1917 г. в Усть-Сысольске начала работу первая сессия земского собрания нового состава, и в это время пришла из Вологды телеграмма об октябрьском большевистском перевороте в Петрограде. Все органы власти в Коми крае встретили это известие отрицательно. На объединенном собрании уездных органов власти и общественных организаций приняли резолюцию: «все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии, к разрушению армии и дезорганизации тыла»⁶⁷.

В.Ф. Попов выступал на всех заседаниях земского собрания, активно участвовал в обсуждении важных вопросов, делал пояснения и вносил конкретные предложения.

На заседании Усть-Сысольского земского собрания в феврале 1918 г. В. Ф. Попов дал меткую характеристику отношения большевиков к крестьянству: «Власть, которую здесь все время называли «народной», нельзя назвать таковой в полном смысле этого слова, она лишь классовая пролетарская. ... этому правительству (большевистскому – Р.П.) должны быть чужды и даже враждебны интересы мелкоземельного и трудового крестьянства. Большевистское правительство находится в блоке с левым крылом С.Р. партии, блок этот, конечно, временный и случайный, продиктованный большевистскому правительству необходимостью политического момента, впредь до полного утверждения своей власти, как только момент необходимости исчезнет»⁶⁸.

В марте 1918 г. в Усть-Сысольске установили Советскую власть, все прежние органы власти объявлены распущенными. Вскоре начались аресты «бывших». В дни, когда были арестованы и затем расстреляны некоторые усть-сысольские деятели, Василий Филиппович скрывался в лесу. Прятали его крестьяне ближайших сел и деревень. Младший сын Леонид носил ему еду, продукты, теплую одежду в назначенное место, сжигал разные документы и письма. 19 сентября 1918 г. в газете «Зырянская жизнь» опубликовано сообщение усть-сысольской ЧК: «Разыскиваются скрывающиеся... Василий Филиппович Попов.... Немедленно арестовать и под строгим конвоем

⁶⁷ История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар, 2004. Т. II. С. 208.

⁶⁸ Журналы Усть-Сысольского земского собрания. 1918. С. 126.

представить в распоряжение ЧК...». ⁶⁹ Старший сын, Иван, возвратившийся домой после окончания Петроградского университета и работы в одном из комитетов Петрограда, был арестован и в качестве заложника этапирован в Великий Устюг. Арест сына заставил отца выйти из леса и сдаться властям. В 1918 г. его судил военно-революционный трибунал «за непризнание Советской власти».

Сам Василий Филиппович в это время стоял за укрепление и расширение демократической республики и демократических принципов, утвердившихся в общественно-политической и культурной жизни страны после Февральской революции. Он оставался убежденным защитником большей части населения Коми края – крестьянства. Принимая во внимание, что Василий Филиппович не совершил никаких активных действий против Советской власти, революционный трибунал оправдал его. В марте 1919 г. Северо-Двинская губернская чрезвычайная комиссия вторично привлекла его к суду за те же «преступления», и опять «из-за отсутствия улики дело» в отношении его было прекращено.

Организатор советской статистики в Коми крае

В мае 1919 г. В.Ф. Попова назначили заведующим статистического бюро Усть-Сысольского уездного исполкома, которое было создано в январе 1919 г. Затем с организацией в 1921 году Коми автономной области он возглавляет областное статбюро, отдавая все свои знания и многолетний опыт делу организации советской статистической службы. В эти годы статистическое бюро провело несколько крупных работ: сельскохозяйственную перепись, перепись населения в 1920 году; ежегодно, начиная с 1919 г., проводится учет населения и его движения и т.д.

8 августа 1921 г. президиум Ревкома Коми А. О. утвердил структуру и штаты областного статистического бюро. Организовано было 8 отделов и секций с аппаратом 28 человек. Но опытных кадров не хватало, несмотря на то, что все земские статистики перешли на службу советской власти. Приходилось брать людей на месте и срочно обучать их. Так стал статистиком и В. Н. Старовский. Василий Филиппович заметил любознательного и старательного юношу, в июне 1919 г. он назначил Старовского на должность канцеляриста, затем – делопроизводителя, в 1920 г. – статистиком 2-го разряда, а в 1921 г. – своим заместителем. В августе 1923 г. он направил способного юношу для учебы в Московском государственном университете.

⁶⁹ Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Первые коми политики. С. 130, 131.

СТАРОВСКИЙ Владимир Николаевич (1905-1975) – ученик деда, начальник ЦСУ СССР, академик, профессор, Герой Социалистического труда

Владимир Никонович Старовский, став начальником Центрального Статистического управления при Совете Министров СССР, не забывал своего учителя. Приезжая на встречи в свой избирательный округ, навещал в г. Сыктывкаре семью старшего сына В. Ф. Попова, Ивана Васильевича, рассказывал о Василии Филипповиче, о его внимании к сотрудникам, называл его уважительно своим учителем и «менам ыджыд бать».

Однако советские органы никак не давали спокойно жить и работать «бывшему земцу». 26 октября 1923 г. Василий Филиппович арестовали в третий раз. Его обвинили в «контрреволюционной деятельности», предъявив целый «букет» преступлений: в служебном помещении сохранил изображения религиозного культа, делал покушения на основные политические завоевания пролетарской революции; допускал нахождение бывших служителей религиозного культа в органах статистики, отказывал в приеме на службу членам РКП и РКСМ; был противником профсоюзов. Якобы, нередко отлучался в служебное время. Суд присудил В. Ф. Попова к трем годам лишения свободы и поражению в правах на пять лет, но учитывая возраст, болезненное состояние, гонения до 1917 г., смягчил наказание, оставив лишение свободы на один год.

Сыновья В. Ф. Попова Иван и Леонид пытались взять отца под поручительство, но их заявления были оставлены без внимания. 12 июня его направили в областную больницу. 6 августа 1924 г. областной суд принял решение «в виду тяжелой неизлечимой болезни и преклонного возраста» В. Ф. Попова «условно досрочно освободить»⁷⁰.

Немного передохнув и подлечившись, 6 апреля 1926г. Василий Филиппович устроился рядовым статистиком в отдел земельного управления облисполкома, 26 ноября

⁷⁰ Облсправдом, 1923-1924 гг. Д. 498.

1926 г. он вышел на пенсию по инвалидности. Пенсию ему назначили по второй группе инвалидности в размере 33 рубля 32 копейки в месяц⁷¹.

Последнее выступление Попова состоялось в облисполкоме на вечере памяти К. Ф. Жакова. Василий Филиппович сделал обстоятельный доклад о Жакове, как ученом и человеке, показал огромный вклад в исследования и культуру коми народа.

В последние годы Василий Филиппович опубликовал в журнале «Трудовая кооперация» (1923 г) небольшую повесть «Чурка-Максим. Из зырянских былей» о детских годах своего отца Ф. Я. Попова. Повесть перевела на коми язык и сделала пьесой для детей писательница А. А. Суханова. Пьеса была опубликована в 1929 году. У Сухановой показана предреволюционная коми деревня начала XX века, тогда как Василий Филиппович изобразил в повести небольшую деревеньку 1920-х годов, затерявшуюся в дремучих лесах; ее жителей, которых называет «дети лесов»; с «ревизскими сказками» для обложения налогами; с гусиными перьями для письма и т.д.

Статья Василия Филипповича «Материалы к познанию коми народа», опубликованной в журнале «Коми му» в 1926 г., представляет собой попытку краткого очерка истории Коми края. Здесь он также поставил ряд вопросов, требующих серьезного изучения – о прародине коми, о хозяйстве, культуре коми народа в дописьменный период и др.

В это время Василий Филиппович, как указывает д. и. н. И. Л. Жеребцов, «разрабатывал программы экспедиций и разнообразные вопросники, начал подготовку к изданию «Записок Общества изучения Коми края»⁷², однако арест и затем смерть помешали ему осуществить свои научные замыслы.

Василий Филиппович скончался от туберкулеза легких 21 июня 1927 года. Сообщение о его смерти и похоронах было опубликовано в газете «Югид туй» от имени Общества изучения Коми края.

Как исследователь В. Ф. Попов работал в разных отраслях знаний. Он опубликовал 10 сборников по статистике Усть-Сысольского и Яренского уездов, которые имели большое научное и практическое значение. Много внимания уделял Попов экологии Коми края, проявляя большую заботу о сохранении и повышении плодородия почвы, улучшения лугов и все это разъяснял крестьянам при подворных обходах. С конца XIX в. он защищал леса от хищнического истребления, понимая, какое значение они имеют для получения устойчивых урожаев на суровом Севере. В. Ф. Попов обладал литературным

⁷¹ Выписка из протокола № 10 заседания Президиума Комитета Коми Общестражкассы от 30 ноября 1926. (архив Р. Л. Поповой).

⁷² Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Первые коми политики. С. 131.

талантом, наряду с научными трудами он писал повести, рассказы, сказки и фельетоны, которые и теперь читаются с большим интересом. Ему принадлежит более 40 работ разного жанра и объема. Однако, следует напомнить, что даже на нынешний день не все работы его выявлены. В. Ф. Попов писал под разными псевдонимами: В. Ценский; В-й П. Ф; П. Ф. В-й; Кузьма Дегтев; Вл. Сысольский, Сонин и др.⁷³.

Думаю, что Василий Филиппович Попов заслужил серьезного внимания историков и фундаментальной работы о его научной, политической и организационной деятельности. В. Ф. Попов прожил трудную жизнь, подвергался гонениям и при царизме, и при Советской власти, но, несмотря на это, продолжал оставаться оптимистом и верил в неиссякаемые силы коми народа. Своей разносторонней деятельностью и исследованиями Василий Филиппович внес заметный вклад в статистику, экономику, политику и культуру Коми края.

НАШ ОТЕЦ Л. В. ПОПОВ – УЧАСТНИК ДВУХ ВОЙН

*ПОПОВ Леонид Васильевич (1901-1948).
Перед отправкой на фронт (декабрь 1941 г.)*

Наш отец, Леонид Васильевич Попов, был простым служащим – работал в Коми книжном издательстве, затем в Управлении связи Коми АССР.

Отец не получил высшего образования, как его старший брат Иван, но по мнению сослуживцев, отличался широким кругозором и высокой культурой в отношениях с людьми. Отец был целеустремленным и наблюдательным человеком, очень веселым и жизнерадостным, умел с каким-то особым юмором рассказать о своих охотничьих и других приключениях так, что все слушали его с удовольствием и смеялись от души.

⁷³ Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923. С. 89; Дилакторский П. А. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 г. Вологда, 1921. С. 277; Список печатных работ В. Ф. Попова. автограф. Семейный архив П. И. Попова.

Отец оказал большое влияние на формирование у своих детей разносторонних интересов, на расширение кругозора путем чтения, а также воспитание художественного вкуса, высоких нравственных принципов и понятий.

Дом Поповых на ул. Набережной (ныне – Кирова) в местечке Париж под Сыктывкаром

ПОПОВ Леонид. На обороте подпись: «На память Анюте от Лёнчика»

Леонид Васильевич родился в городе Усть-Сысольске 18 июля 1901 г. в семье известного общественного деятеля, исследователя и организатора земской и советской статистической службы в Коми крае В. Ф. Попова.

Усть-Сысольск, расположенный на реке Сысоле, в начале XX века был небольшим уездным городом. Река в этом месте резко поворачивала на север и затем впадала в Вычегду – главную реку южной части Коми края. Подъезжая к Усть-Сысольску на пароходе, пассажиры издали видели крутой берег, а над ним большой холм с зелеными тополями и березами. Деревянный город украшали белоснежные церкви и собор с золотыми куполами и несколько красивых кирпичных домов по улице Набережной. Особенно выделялось среди них большое здание духовного училища.

Жители его: мещане, мелкие торговцы и крестьяне окраин и пригородов, занимались сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей. Небольшую прослойку составляли богатые купцы, чиновники, священники и дворяне. Учителя школ, училищ, женской и мужской гимназий, врачи составляли интеллигенцию, часть которой вместе с передовыми разночинцами из чиновничьей среды уже серьезно задумывались над общественно-политическими вопросами, о будущем Коми края и всей страны. В числе их был и Василий Филиппович Попов.

Семья у него была большая и дружная. Как сказано выше, Леонид был последним ребенком после старших братьев – Ивана и Филиппа, и сестры Татьяны. Четвертый

ребенок, дочь Наталья, прожив около пяти лет, умерла в 1904 году от воспаления легких. Особенно берегли родители младшего сына, которого любовно называли «Лёнчиком».

Мать Ульяния Георгиевна, красивая и приветливая женщина, в первом браке была замужем за Николаем Кокшаровым, сыном протоиерея В. Г. Кокшарова. У протоиерея было шестеро сыновей и дочь, все они получили хорошее образование. Старший брат Николая, Вонифатий за участие в студенческих волнениях был исключен из университета и выслан на родину в Усть-Сысольск. Другие братья – Протоген, Павел, Митрофан и Владимир, получив духовное образование, постепенно разъехались и служили в разных городах России. Но навещали родителей. Глава семьи – протоиерей Вонифатий Георгиевич скончался в августе 1880 г.

Вскоре после смерти протоиерея духовное правление возбудило судебный иск к его сыновьям, в связи с тем, что В. Г. Кокшаров, будучи членом комитета по строительству нового здания духовного училища и общежития для учащихся, занимался также наймом частных квартир. Ему были выданы деньги на покупку коек, но койки училищу он якобы не сдал. Духовное правление требовало, чтобы сыновья протоиерея возместили нанесенный ущерб и вернули неизрасходованные 306 руб.50 коп.

Вонифатий и Протоген Кокшаровы написали прошение в полицейское управление г. Усть-Сысольска, где объяснили, что 13 коек отцом были сданы в каретник училища, три выданы по расписке для временного пользования учителю Попову, лесничему Тимофееву, священнической вдове Пономаревской, две находятся у одного из наследников. Полицейское управление поддержало иск духовного правления и посоветовало удержать деньги братьев в равных долях. Но Вологодское полицейское управление отменило это решение⁷⁴.

Сын Николай после окончания Вологодской духовной семинарии прослужил несколько лет секретарем усть-сысольского мирового съезда. Получив за безупречную службу звание личного дворянина, в 1874 г. он перешел на работу учителем в приходское училище. Встретившись однажды с тентюковской девушкой Ульяной, дочерью-сиротой мещанки А. А. Деминой, Николай в 1881 г. женился на ней.⁷⁵ Но счастье молодых оказалось коротким, они прожили вместе чуть больше года. В мае 1882 г. Николай Вонифатиевич скончался. После смерти мужа Ульяния Георгиевна несколько лет прожила в доме Кокшаровых, вероятно, в качестве домоправительницы братьев. Все Кокшаровы уважали молодую вдову: они видели, как добросовестно она трудилась, вела их общее хозяйство, была скромной и приветливой в обращении с людьми. Надо признать, что

⁷⁴ НА РК, Ф. 99. Оп. 1. Д. 2552.

⁷⁵ НА РК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 134. Л. 92-93.

пребывание у Кокшаровых способствовало росту ее общей и духовной культуры, а также и ее религиозности.

Ульяна Георгиевна, оставшись без мужа, продолжала общаться в священнической и учительской среде. Даже усть-сысольская молодежь, обучавшаяся в Тотемской учительской семинарии, проявляла интерес к молодой вдове, о чем вспоминал Каллистрат Жаков в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни».

В конце 1880-х или в 1890 году Ульяна Георгиевна познакомилась с Василием Филипповичем Поповым, который после окончания Тотемской учительской семинарии «был поселен на родину без права выезда в продолжении трех лет» и работал в Визингской волости сначала волостным писарем, а затем учителем в начальной школе.⁷⁶

В свободное от службы время Василий Филиппович несколько раз приезжал в Усть-Сысольск навестить мать, братьев и сестер. Познакомившись и полюбив друг друга, Василий Филиппович и Ульяна Георгиевна 17 мая 1891 г. обвенчались в Троицком соборе, а жить стали в родном доме с матерью Наталией Ивановной и семьей старшего брата Ефима.

Через некоторое время Ефим с семьей переехал в с. Визингу поближе к сыну Михаилу. Михаил был стипендиатом Усть-Сысольского земства в Остаховской сельскохозяйственной школе в Вологодском уезде. Успешно окончив её, он получил направление на службу по специальности на опытные поля земства, находившиеся в районе сел Визинга и Межадор. Дом оставили сестрам Анне и Елене, а Василий Филиппович и Ульяна Георгиевна переехали в дом, купленный у Василия Алексеевича Цивилева в 23 квартале по ул. Набережной рядом с Парижским оврагом. Этот просторный двухэтажный дом из 10 комнат и двух кухонь стал родовым домом для трех поколений Поповых.

Ульяна Георгиевна занималась домашним хозяйством, поддерживала порядок и уют в доме, воспитывала детей. Она соблюдала все религиозные праздники, обряды и посты, регулярно посещала церковные службы, исповедовалась, но ее попытки приобщить своих детей, а затем и внуков к религии, кончились неудачей. Всё молодое поколение Поповых стало атеистами.

Отец, Василий Филиппович, несмотря на занятость на службе и участие в статистических экспедициях, большое внимание уделял обучению и воспитанию детей. От отца дети переняли большую любовь к родному краю, к ее суровой и прекрасной природе, а также чувство юмора и оптимизм. Когда старшие сыновья окончили городское

⁷⁶ НА РК, Ф. 3. Оп. 2. Д. 623.

приходское училище, отец определил их в Велико-Устюжскую гимназию, сначала Ивана, а через год и Филиппа.

В Великом Устюге родители вначале решали вопрос с проживанием и организацией питания своих сыновей, вносили положенную плату. Затем все вместе совершали прогулку по городу. Город по сравнению с Усть-Сысольском казался огромным. Широкие улицы, везде многолюдно. Дома каменные и деревянные. Последние были окрашены в различные цвета, с красивыми резными наличниками на окнах. Филипп, более живой чем флегматичный старший брат, все время смотрел во все стороны. Сфотографировались: отец с сыновьями и Ульяна Георгиевна с Иваном и дочерью Татьяной в фотоателье Г. К. Лохтина. Эти старые фотографии сохранились в семье.

В. Ф. Попов с сыновьями-гимназистами Иваном (в центре) и Филиппом. В. Устюг. Фото Г. К. Лохтина

Мать Ульяна Георгиевна с детьми Иваном и Татьяной. Фото Cabinet Portrait. В. Устюг

Братья учились хорошо. Уже в 4-м классе Иван стал заниматься репетиторством по математике с отстающими гимназистами. И хотя плата за эти занятия была небольшая, она стала подспорьем в самостоятельной жизни, поскольку родители не могли оставлять им большие суммы. Я уже писала, что у Филиппа парализовало ноги. Осознав глубину своего несчастья, в 17 лет покончил с собой.

В 1913 г. Россия праздновала 300-летие дома Романовых, Иван с отличием закончил гимназию и поступил на естественное отделение математического факультета Санкт-Петербургского университета. Он добился глубоких и обширных знаний по химии. Столица дала ему возможность приобщиться к лучшим достижениям русской культуры, бывать в театрах, музеях, библиотеках. Все это способствовало развитию духовных потребностей и расширению культурного кругозора молодого химика.

Дочь Татьяна училась в Александринской женской гимназии. Обучаясь в старших классах, Татьяна довольно часто ездила с пожилой сестрой отца Еленой Филипповной, по мужу Жеребцовой в Троицко-Печорск, где проживала с семьей младшая сестра Елены, Анна. После окончания прогимназии, Анна Филипповна была направлена учительствовать в Троицко-Печорское уездное училище. Там она встретила молодого человека Ивана Попова из рода Пищиков, ушла с учительской работы и вышла замуж. Появились дети. Елена Филипповна много лет с завидной регулярностью приезжала к сестре на крестины родившихся племянников: Ксении (1885 г.), Натальи (1888 г.), Владимира (1892 г.), Марии (1893 г.), Веры (1895 г.) и Елизаветы (1897 г.).

Попов В. Ф. (слева) с мужем сестры Анны из рода Троицко-Печорских «Пищиков». Снимок 1913-1914 гг.

Только одна из дочерей Анны Филипповны – Вера добилась от отца согласие на продолжение учебы и поступила в Усть-Сысольскую женскую гимназию. Здесь она встретила со своей кузиной Татьяной, дочерью Василия Филипповича. Девочки подружились. Вера с разрешения классной дамы по воскресеньям ходила к Татьяне. Они

гуляли по городу. Однажды Татьяна ездила на каникулы с Верой в Троицко-Печорск, а затем они приезжали вместе с Еленой Филипповной. В канун Октябрьской революции Татьяна закончила гимназию.

*г. Усть-Сысольск. Высшее начальное училище.
Рядом – класс ручного труда (бывший дом купцов Сухановых,
где с 1840 года размещалось уездное училище)*

*Педагогический персонал училища (1909 г.).
Слева стоит Поросятников А. Н. – учитель графического искусства*

Леонид, окончив приходское училище, продолжил учебу в Высшем начальном городском училище. Когда сыну исполнилось 14 лет, отец подарил ему охотничье ружье, часто брал с собой на охоту и рыбалку. Вскоре рыбалка и охота стали для Леонида любимым занятием. Но и в учебе у него были хорошие успехи. Из тех предметов, которые изучали в училище, он особенно полюбил литературу, историю, математику, пение и рисование. Отличался он и великолепной памятью, и наблюдательностью.

В училище он попал в один класс со своими одноклассниками: с Андреем Цембером-младшим и Н. П. Поповым – будущим писателем и драматургом (псевдоним Жугыль), с которым в дальнейшем сотрудничал в Коми издательстве. С Андреем Цембером Леонид подружился уже давно, до школы. Мальчики жили близко друг от друга, и однажды они встретились на берегу реки Сысолы около дома Сухановых.

Друзья отца Цемберы и Сухановы

*Поздравление Л. В. Попова
своему другу В. Н. Суханову*

*Друзья отца: Цембер А. А. (слева)
и В. Н. Суханов после удачной охоты.
с. Усть-Кулом (1926 г.).
Снимок отца – Л. В. Попова*

*Суханов И. Н. – заслуженный врач
Коми АССР и РСФСР, организатор
неврологической службы республики*

*Цембер Г. А. (младший брат
Цембера А. А. – директор
Сыктывкарской школы № 14 перед войной*

Большой двухэтажный дом Сухановых стоял на крутом берегу реки, почти напротив Покровского собора. Вдоль реки, под горой находились лодки горожан и небольшие сарайчики, где они хранили рыболовные снасти и другое снаряжение, необходимое для охоты и рыбной ловли. Здесь же, совсем близко от дома Сухановых,

были лодки и сарайчики родителей этих мальчиков. Здесь на берегу Леонид познакомился с Андреем Цембером-сыном и они вскоре подружились на долгие годы. Об этом мне рассказала мама уже после смерти отца.

Расскажу немного и об отце Андрея, известном в городе Усть-Сысольске. Андрей Андреевич Цембер-старший – краевед и языковед, является организатором республиканского краеведческого музея и архива в нашей республике. Окончив Тотемскую учительскую семинарию, работал в начальной школе в с. Керчомья, затем в Усть-Сысольском приходском училище. Семья его быстро увеличивалась, росли и потребности, поэтому отец брался за любую работу. 16 лет он заведовал городской публичной библиотекой, книжным складом по заказу и продаже книг училищам и простым обывателям. В 1909 г., внося большой залог, Цембер-старший стал сборщиком акцизных денег с казенных винных лавок и одновременно собирал деньги с членов городского клуба. Когда началась Первая мировая война, винные лавки закрыли, и отец, лишившийся доходной работы, уехал. Сначала он был кассиром Вологодского кредитного банка, затем переехал в п. Юзовку на Украине и был кассиром в рабочем кооперативе.⁷⁷ В Усть-Сысольск он вернулся в 1918 г., и в дневнике появилась запись, что его семья все эти годы бедствовала. Мне импонирует разнообразная исследовательская деятельность А. А. Цембера-старшего, однако, возмущает его отношение к сыну Андрею и необычная тяга к должностям, связанным со сбором денег.

Вскоре к моему отцу и Андрею присоединился Владимир Суханов, который был на несколько лет старше их и учился в мужской гимназии. Летом, на каникулах друзья много времени проводили на реке и в лесу. Рыбачили, ходили в лес за грибами, а в осеннюю пору направлялись в лес с другой целью – на охоту. Приносили домой свои первые трофеи – лесную дичь, и чем старше становились мальчики, тем существеннее становилась их помощь семье. Выслеживая дичь, Леонид внимательно наблюдал повадки и движения лесных животных и птиц, старался запомнить их. Вернувшись домой, всё интересное и запомнившееся зарисовывал в свой альбом.

В училище Леониду очень повезло и в другом отношении. Учителем графического искусства в эти годы был молодой талантливый художник и педагог А. Н. Поросятников (1885-1960), приехавший в уездный городок после окончания в Москве Строгановского художественно-промышленного училища. Учащиеся сразу полюбили молодого учителя; а учителя и родители прониклись к нему уважением. П. П. Ползунов, написавший книгу «История Усть-Сысольского городского училища» (1912 г.) дал высокую оценку

⁷⁷ Цембер А. А. Дневник. С. 45.

молодому учителю: «Поступив преподавателем прямо со школьной скамьи, он сразу постарался поставить дело на правильный путь, развивая у учащихся навыки рисования и черчения. Кроме того, он старается развить в них эстетическое чувство: с этой целью знакомит их с репродукциями лучших картин, с русским художественным творчеством..., историей искусства, с особенностями различных стилей и т.д.». Надо отметить, что земская управа и городская дума высоко ценили молодого талантливый педагога и не раз объявляли ему благодарность.

Александр Николаевич сразу заметил и оценил художественные способности Леонида Попова. Он начал заниматься с ним индивидуально после уроков, стремился развить его способности и художественный вкус. Объяснял на примерах значение композиции при создании рисунков и картин, учил наблюдать природу, людей и их отношения, рисовать с натуры. Однажды увидев, как четко и ясно пишет мальчик, едва прикасаясь кончиком пера к бумаге, а буквы и строчки ровным бисером покрывают листы в его тетради, он стал учить его рисовать чертежным пером. Так что уже в училище Леонид мог рисовать акварелью и тушью, и писать маслом небольшие картины.

А вот по дисциплине Леонид был озорным мальчиком, но ему многое прощалось за талант по рисованию и пению. За художественное творчество он не раз был награжден набором красок. В старших классах, вечерами Леонид ходил еще в народный дом, где пел сначала в городском хоре, а потом стал исполнять и сольные номера.

Мне пришлось говорить во второй главе, что Василий Филиппович в 1918 г. опасаясь ареста прятался в лесу и в соседних деревнях у крестьян, а Леонид приносил ему еду и теплые вещи. Несмотря на преследования, Василий Филиппович стал руководителем статистической службы в Усть-Сысольском уезде, а затем и в Коми автономной области. Иван Васильевич начал преподавать химию в педагогическом техникуме, из которого в 1932 году перешел в только что открывшийся педагогический институт, где проработал до выхода на пенсию.

В 1918 г. началась гражданская война. Трое друзей пошли в Красную Армию. Владимир Суханов, окончив Усть-Сысольскую мужскую гимназию, поступил на Пермское отделение Петроградского университета. С началом гражданской войны ушел с 1-го курса и записался в Кай-Чердынский полк. Затем сражался с белыми на Северодвинском фронте.

Андрей Цембер, которому только что исполнилось 17 лет, в сентябре 1918 г. записался добровольцем в чекистский отряд Мандельбаума и уехал с ним на Печорский фронт. Объединенные отряды красных на Печоре (Ижмо-Печорский полк) сражались на Северодвинском фронте, а потом воевали против панской Польши.

Леонид попал в пехотный полк легендарной 12-й Красной Армии, которая с боями прошла весь Северный Кавказ и часть Закавказья. На Кавказе в то время возникла сложная политическая и межнациональная обстановка. В некоторых национальных районах установилась Советская власть, в Грузии к власти пришли меньшевики, в Азербайджане – мусаватисты. У некоторых малочисленных горских народов по-прежнему большим влиянием пользовалась бывшая феодальная знать. Поэтому наряду с боевыми действиями Красная армия проводила среди населения большую агитационную, разъяснительную работу. Член Реввоенсовета 12-й Армии Серго Орджоникидзе, хорошо разбиравшийся в сложных межнациональных отношениях на Кавказе, создавал Советы рабочих и крестьянских депутатов, организовывал выборы, проводил съезды Советов, собрания старейшин, которых уважало население, где сам выступал перед депутатами и населением, разъяснял национальную политику Советского государства и первые декреты Советской власти. Реввоенсовет печатал и распространял свои газеты. Красноармейцы, умевшие писать и рисовать, оформляли плакаты и боевые листки. В свободное от боев время Леонид Попов ходил в штаб и тоже принимал участие в их оформлении, делал красочные рисунки и карикатуры, писал плакаты. Свои фронтовые наблюдения и зарисовки он позднее использовал для иллюстрирования рассказов комсомольских писателей о гражданской войне. Когда отец со своим полком находился в Екатеринодаре (ныне Краснодар), он с друзьями в свободное от службы время сходил в местное фотоателье, сфотографировался на память. Эти две небольшие, темные фотографии я храню.

Попов Леонид, боец Красной Армии на Северном Кавказе (1919-1920 гг.)

Попов Леонид. Подпись на обороте: «На память из далёкого Кавказа. 25.10.1920»

Закончилась гражданская война, и отец смог вернуться в родной Усть-Сысольск. По дороге он остановился в Москве, чтобы посетить Третьяковскую галерею. Об этом он

постоянно вспоминал, когда рассказывал нам о русских художниках и их картинах, и всегда говорил, что из музеев ему больше всех понравилась Третьяковка.

Друзья отца довольно быстро устроились на работу. Владимир Суханов, демобилизованный только через два года после окончания войны, работал в Облпотребсоюзе, откуда через 17 лет перешел в Коми госбанк, в котором работал всю жизнь до выхода на пенсию.⁷⁸ Старший брат Владимира Иван Николаевич после окончания городского училища и Московской Голицынской фельдшерско-акушерской школы работал фельдшером в деревнях Грива и Пажга. В годы Первой мировой войны был в армии. Попал в плен, откуда удачно бежал. С октября 1918 года он в Красной Армии заведовал передовым перевязочным пунктом 21 бригады. Вместе со своим медперсоналом двигался за фронтом и находился на передовой, спас жизни сотням красноармейцев. После гражданской войны окончил Высший Ленинградский государственный институт медицинских знаний (Первый медицинский). Затем был врачом в Визинге и Сыктывкаре, в дальнейшем он стал организатором психоневрологической службы в республике. Ивану Николаевичу за самоотверженную работу присвоили почетное звание заслуженного врача Коми АССР и РСФСР. В 1920-1930-е годы он был нашим семейным врачом. Лечил нас, ребяташек, и маму.

Андрея Цембера направили в Военкомат, а Леонид Попов поступил бухгалтером в ГорПО. Однако Андрея вскоре перевели в военный комиссариат Усть-Куломского района. Друзья не забывали Андрея, навещали его и, нередко вместе охотились.

В середине 1920-х годов Андрея демобилизовали, и он вернулся в Усть-Сысольск. Надо отметить, что его отношения с отцом были сложными и напряженными. Когда Цембер-старший, лишившись работы, уехал, Андрей, которому в ту пору было около 14 лет, остался за старшего и привык к самостоятельности. Своими охотничьими трофеями и рыбалкой он помогал матери кормить большую семью.

Когда кончилась гражданская война, и Андрей стал работать, отец потребовал, чтобы сын платил ему за квартиру, потому что с него берут очень большой налог за сдачу квартир. Отец писал в дневнике, что сын «слабовольный пьяница, бросовый человек». Еще одной причиной конфликта отца с сыном стала женитьба Андрея на кузине Настей Ляпуновой в 1929 г.⁷⁹ Андрей часто бывал у нас в доме, часами разговаривал с отцом, вместе они ходили на охоту, и никто никогда не видели его пьяным. А затем Леонид

⁷⁸ За предоставление биографических данных В. Н. Суханова выражаю благодарность начальнику отдела кадров Коми республиканской конторы Госбанка В. М. Муравьевой.

⁷⁹ Цембер А. А. Дневник. С. 79, 82, 83.

зачастил на вечера и танцы молодежи, которые в те годы проводились или в народном доме, или в здании бывшей Александринской женской гимназии.

*Анна Сидорова с подругой.
Фото Кулакова (1914 г.)*

*Анна Петровна
в шубе и с муфтой*

Здесь и встретились наш отец и мама, Анна Петровна – дочь мещанина Петра Ивановича Сидорова из местечка Кодзвиль. Вначале мама ходила на вечера с братьями, Мишей и Сашей, затем в большой компании со своими подружками. Мама в те годы была простой сельской девушкой, она наравне с родителями и братьями работала в хозяйстве, косила сено, стоговала, работала в поле и на огороде, и даже на строительстве нового дома. Румяные щеки, толстые косы и яркие васильковые глаза, а также веселый нрав и какой-то особый задор привлекали к ней и подруг, и кавалеров, которые охотно сопровождали девушек на вечера и танцы. Одевалась Анята с большим вкусом, поскольку зимой, когда было больше свободного времени, она ходила учиться шить к городской портнихе. За один вечер она могла сшить себе новое красивое платье, не отказывалась помочь и подружкам.

Познакомившись с мамой, потанцевав несколько раз, проводив ее до дому, отец окончательно влюбился в нее. В ноябре 1921 г. они поженились, венчание состоялось в Троицком соборе. Однако, мать Аняты Евдокия Алексеевна не примирилась с зятем. В дальнейшем, когда она навещала дочь или внуков, она демонстративно садилась на стул у порога и никогда не проходила в комнаты. Так много лет она демонстрировала свою неприязнь к нашему отцу.

Поселились молодожены в доме отца Леонида, выделившего им весь первый этаж своего большого дома. Когда я подросла и мне разрешили самостоятельно ходить во дворе, навещать соседских девочек, я стала подниматься по крутой лестнице на второй этаж к дедушке. Он рассказывал мне интересные сказки и легенды коми народа. 27 июня

1927 года Василий Филиппович скончался, – я даже помню несколько эпизодов из похоронной процессии.

Мама до рождения детей ходила в школу ликбеза, прошла ускоренную программу за два класса, одновременно продолжала учиться швейному делу. Когда в семье появились дети, мама шила для нас красивые, нарядные платья и костюмчики, которыми восхищались и соседи, и все знакомые. Воротники и манжеты, карманы на рубашках у брата были отделаны белым кантом, а легкие платья девочек украшены кружевами и блестками.

Дети И. В. и Л. В. Поповых

*Попов И. В. – старший брат
Леонида, преподаватель КГПИ,
заведующий кафедрой, доцент*

*Раиса – старшая дочь
Л. В. Попова*

Дети Поповых (слева направо): Филипп, Борис, Филицата, Раиса, Олег

*Сыновья И. В. Попова.
Студенты Олег (справа) и Павел*

*Молодое поколение (слева направо):
Филипп, Олег, Павел*

Отец, поработав несколько лет в потребительской кооперации в 1930 г. перешел главным бухгалтером в Коми книжное издательство. Бухгалтерия находилась в те годы в здании типографии, которая размещалась в начале улицы Коммунистической в кирпичном здании купцов Дербеневых. Бухгалтерия была на втором этаже в деревянном помещении, пристроенном к кирпичному мезонину. Поднимались туда по наружной довольно крутой лестнице, выходившей во двор.

Обучаясь в начальных классах, я частенько после уроков забегала к отцу попросить 5 копеек на покупку мороженого. Все сотрудники бухгалтерии приветливо встречали и провожали меня. Кто интересовался моей учебой, кто хвалил красивое платье, кто спрашивал, чем занята теперь мама и т. д. А я отвечала на все вопросы и смущалась, что привлекла к себе такое внимание.

Отец рассказывал, что в типографию и в бухгалтерию часто навещался по делам Виктор Алексеевич Савин. Узнав, что молодой бухгалтер отлично поет, он пригласил отца и его друга, Степана Семеновича Попова, тоже работника издательства, в свой театр. Но жена Степана Семеновича, мамина кузина Александра Павловна где-то разузнала, что у артистов нередко после спектаклей организуются коллективные выпивки. Она запретила мужу переходить в театр. Да к тому же Леонид Васильевич и Степан Семенович вскоре сами поняли, что заботы о семье и их увлечение охотой и рыбной ловлей не оставляют им свободного времени на театр. Ведь им из-за участия в репетициях и постановках пришлось бы отказаться от поездок на охоту в воскресные дни. Поэтому сходили наши «певцы» на три-четыре репетиции, обсудили проблему между собой – и остались в издательстве.

Теперь они распевали в два голоса на реке, в лесу у веселого огонька, в своей охотничьей избушке, построенной в Трехозерке, удивляя и восхищая рыбаков и

охотников, а также пассажиров пароходов, которые в те годы постоянно курсировали по Вычегде. Эта избушка стала для них главной базой в промысловой деятельности.

А еще наш отец, когда у него было хорошее настроение, пел дома для мамы и для нас арии из известных опер и русские народные песни. «Пел он мягким баритоном с большим, глубоким чувством, без всякой аффектации» – вспоминала через много лет при встрече моя сестра Фелицата, которую в семье звали Фина. А я помню, как мощно, на весь дом звучали слова из арии Демона: «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя!» – даже мурашки по телу пробегали! Но, к сожалению, мама не стала «царицей мира»! Но все же малограмотная женщина руководила и создавала атмосферу доверия, уюта и любви в семье, и временами, кажется, руководила папой. Нам всем очень нравились эти небольшие семейные музыкальные вечера.

Теперь немного расскажу о втором не состоявшемся певце в театре Виктора Савина. Степан Семенович Попов родился в 1893 г. в семье священника из деревни Чухлом. Закончил Усть-Сысольское духовное училище. В период учебы он жил в доме нашего прадеда, где его дочь Елена Филипповна в начале XX века организовала общежитие с пансионом для учащихся духовного училища. Родители охотно доверяли ей своих сыновей, зная, что она строгая воспитательница и заботливая хозяйка. Содержали мальчиков чисто, любили, кормили сытно – все были довольны. А правила, установленные для учащихся, надо было соблюдать. Вечером все собирались вместе, читали по порядку молитвы и «Псалтырь». Когда очередь выпадала на Степана, хулиганистый и изобретательный подросток просил прислужницу Марью позвать хозяйку под каким-либо предлогом выйти из комнаты или что-либо с грохотом уронить на кухне. Стоило Елене Филипповне выйти, как Степан перелистывал несколько страниц. Но Елену Филипповну трудно было обмануть, вернувшись в комнату и изобличив обманщика, она отправляла его «в ссылку» на полати и оставляла без ужина. Сердобольная Марья, конечно, подкармливала наказанных остатками ужина. Часто Степан и его «духовная команда» дрались с мальчиками Худяевых, которые жили напротив.

Большая команда Худяевых нередко одерживала победу. Обычно бои заканчивались у ручья, в котором победители затапывали рубашки, сорванные с побежденных. Елена Филипповна, увидев драку, выбегала из дома на защиту своих подопечных, ходила к соседу, бывшему «богомазу», фотографу Алексею Павловичу Худяеву с увещеваниями и претензиями. А потом они с Марьей стирали грязные рубашки неугомонных мальчишек, да и их приходилось отмывать от грязи и лечить от побоев.

После революции Елена Филипповна несколько лет жила на Покровской улице в доме К. Жеребцовой, а когда дом снесли, старушки вместе доживали свой век в небольшой комнате в доме родственников Жеребцовой.

Степан, окончив духовное училище, поехал в Вологду и поступил в духовную семинарию. Но незадолго до её окончания, он как бы «прозрел» и решил, что духовная карьера, не для него, он совсем не желает быть священником как его отец. Не закончив семинарию, Степан поступил на службу в какую-то вологодскую контору. С началом Первой мировой войны его мобилизовали – он был офицером и за храбрость награжден георгиевским крестом. Вскоре в одном из боев Степана контузило, санитары отвезли его в полевой госпиталь, а затем отправили дальше в тыл. После революции он вступил добровольно в Красную Армию. После гражданской войны вернулся в родную деревню Чухлом. Там его определили в военкомат, а затем перевели в военкомат в городе Усть-Сысольске.

Вскоре Степана направили в Коми книжное издательство в редакцию журнала «Коми му», и до выхода на пенсию он работал в издательстве корректором газет «Вөрледзысь», «За новый Север» и «Красное знамя». В 1921 г. он женился на Александре Павловне, маминной кузине. Так что Степана Семеновича связывали с нашим отцом не только служебные дела по издательству, но и родственные связи.

Поэт Виктор Алексеевич Савин, посещая типографию, заметил, как Леонид Васильевич во время беседы с посетителями брал карандаш и начинал рисовать портрет собеседника. А бывало, что хорошо знакомому человеку он вручал дружеский шарж, который вызывал улыбку или смех «виновника». Савин рассказал об этом главному редактору литературно-художественного журнала «Ордым» (Лесная тропа) Н. П. Попову (Жугыль), о котором я упомянула ранее. Попов сообщил Савину, что по его приглашению отец уже с 1927 г. приступил к художественному оформлению журнала.

В 1929 г. в жизни нашей семьи произошли два важных события. Во-первых, мы переехали из дедовского дома в Кодвиль в дом, который строили для себя мамыны братья Михаил и Александр. Оба брата работали в типографии: один из них наборщиком, второй – печатником. Они заболели туберкулезом и скончались друг за другом во второй половине 1920-х годов. После их смерти мамыны родители решили передать маме этот недостроенный дом. Отец вместе с дедом, Петром Ивановичем Сидоровым, отделали одну половину дома, заказали и вставили рамы, утеплили полы и потолок – и мы переехали в этот новый дом.

Семья нашей мамы – Сидоровы

*Сидорова Евдокия
Алексеевна - бабушка*

*Сидоров Николай Петрович –
младший брат мамы, гвардии майор
(стоит) с Модяновым Колей (1945 г.)*

*Сотрудники областной типографии (1920-е гг.).
Первый ряд слева направо сидят: Петров П. В. – начальник печатного цеха;
брат мамы Михаил (работал наборщиком); Чирков Ф. В. – начальник наборного цеха*

Второе событие потрясло наших родителей. Друг отца, Андрей Андреевич Цембер-младший, работавший в отделе земельного управления облисполкома в должности статистика-экономиста, выехал в командировку с профессором Маляревским. И вскоре ... Андрей пропал! Никто не знал, где он находится, что с ним случилось. Наши родители часто вспоминали и говорили об Андрее, они не понимали, как можно бесследно исчезнуть в таком небольшом городе, где каждый житель был на виду? Примерно через 55 лет, работая в Национальном архиве Республики Коми, я случайно наткнулась на «Дело красного партизана А. А. Цембера», из которого всё узнала о трагическом событии. Около села Ношуль Андрея укусила бешеная собака, болезнь быстро прогрессировала, а усть-сысольские врачи не могли его вылечить. Чтобы не травмировать жену и родных

страшным концом, Андрей принял свое решение. 10 ноября он взял свою лодку и, пользуясь оттепелью, выехал подальше на реку Вычегду и застрелился. Тело Андрея так и не нашли. Но он оставил жене письмо, полное нежной любви и заботы о ее будущем. Он объяснил свой поступок и пожелал ей мужественно принять его решение.⁸⁰

После исчезновения Андрея наш отец сохранил теплые отношения с его младшим братом Георгием, который часто бывал в нашем доме и рассказывал детям сказки. Георгий Цембер родился 6 июня 1909 г. В качестве восприемника на крестины Цембер-старший пригласил профессора К. Жакова, который в это время с женой находился в Усть-Сысольске. Жаков предложил назвать новорожденного в честь первого ученого зырянина Георгия Степановича Лыткина Юрием – Георгием и добавил: «Пусть он будет лингвистом».⁸¹ Георгий закончил филологический факультет Коми пединститута, работал учителем в школе № 14 и уже будучи директором школы ушел на фронт.

У отца в бухгалтерии всегда было много работы: оформление заказов, оплата бумаги и нового оборудования для типографии, зарплата сотрудникам, оплата гонораров авторам и художникам, составление годовых отчетов и т.д. Причем, годовые отчеты он составлял быстро и обстоятельно, сидел над ними не только на работе, но брал домой и писал вечерами до поздней ночи. Его отчеты всегда были точными, без ошибок и принимались руководством без замечаний. Поэтому отец не раз получал благодарности и премию. В его трудовой книжке я нашла запись от 8 марта 1940 г., о том, что отцу при заработной плате 500 руб. выдали премию в размере 400 руб.

Когда началось строительство нового здания типографии по улице К. Маркса, работы прибавилось. Отец не просто оплачивал закупку строительных материалов и производил оплату выполненных работ, но сам часто бывал на объекте и проверял ход строительства. Под его неусыпным контролем здание, законченное в 1934 г., много лет стояло и функционировало без капитального ремонта. Об этом мне рассказал сотрудник издательства В. А. Блинов в 1993 г.

О том, как в те годы выглядел отец, каким уважением он пользовался в коллективе, мне рассказала главный бухгалтер ухтинского горно А. С. Модянова. Я впервые встретилась с Агнией Степановной в январе 1953 года, когда, будучи инспектором школ Министерства просвещения Коми АССР приехала в Ухту на учительскую конференцию и по каким-то делам зашла в бухгалтерию горно А. С. Модянова была женщина средних лет, приветливая и разговорчивая. Она поделилась своими воспоминаниями, т. к. работала в Коми издательстве. Она называла отца «мой добрый учитель, наставник и одновременно

⁸⁰ НА РК. Ф. 871. Д. 219. Л. 1.

⁸¹ Цембер А.А. Дневник. С. 38.

– требовательный начальник. Внешность у него была примечательная: это был молодой, высокого роста, стройный и красивый мужчина. Веселые серо-голубые глаза и внимательный взгляд еще больше красили его. Посмотрит бывало на тебя пристально, так и кажется, что он знает, о чем ты думаешь, что тебя беспокоит и волнует. Всегда был готов помочь нашим сотрудникам. Леонид Васильевич был подтянутым, аккуратным в работе и во всем остальном. Красивый костюм, хромовые сапоги, начищенные до зеркального блеска». Когда я переехала в Ухту, я несколько раз навестила Модянову, попросила написать воспоминания об отце, что она и сделала с большим желанием.

Привожу некоторые отрывки из ее воспоминаний, написанных 9 июля 1988 г.:

«В 1929 г. молодой девушкой я поступила на работу в областную типографию. Работала сначала наборщицей, затем калькулятором готовой продукции. Здесь я встретила с печатником Модяновым С. В., и вскоре вышла за него замуж. В 1933 г. меня перевели в бухгалтерию на должность счетовода-кассира. Тогда часто так делали: в виду острой необходимости в кадрах счетных работников на эти должности выдвигали грамотных рабочих. Так я начала работать в новой должности. Бухгалтерский учет я не знала, поэтому пришлось много учиться, чтобы его освоить. Мне очень повезло с новой работой. Коллектив бухгалтерии был небольшой, но дружный. Все сотрудники любили и уважали нашего главного бухгалтера, талантливого финансиста, Леонида Васильевича. Он сразу оценил мою добросовестность, объяснял мне и показывал много по работе. Однажды он дал мне для обработки кассовые документы и кассовый журнал. Но в этот раз почему-то ничего не объяснил. Хотел, вероятно, проверить меня. Сначала у меня ничего не получалось, не сходились цифры. Наступил обеденный перерыв. Леонид Васильевич со своим заместителем Ивашевым М. А. молча переглянулись, и ушли на обед. Я осталась: не до обеда было... думаю: «Не сдамся, сделаю все, как положено». Вынула кассовые документы за прошлый месяц, стала внимательно изучать, как обработаны эти документы, куда и что внесено, в какой раздел, в какие графы и по аналогии выполнила данное мне поручение. Пришли после обеда мои «начальники», я сдала готовый отчет Леониду Васильевичу. Он быстро посмотрел и похвалил меня, а Ивашеву сказал: «Эта девушка сообразительная, из нее определенно выйдет толк!».

Эти слова мне запомнились на всю жизнь! Леонид Васильевич работал быстро и красиво: писал четким каллиграфическим почерком, правильно обрабатывал финансовые документы. Очень любил рисовать. В редкие минуты отдыха, в обеденный перерыв брался за карандаш и моментально набрасывал карикатуры, дружеские шаржи и портреты наших сотрудников. Бывало рисовал и разных посетителей типографии.

Вспоминается мне один дружеский шарж на завхоза типографии Климушева (имя уже не помню). Климушев был добродушный толстяк, никогда не выпускал из рта трубки. Леонид Васильевич изобразил его маленьким толстым человечком в огромных валенках с неизменной трубкой, из которой поднимаются вверх большие кольца дыма. Увидев эту карикатуру, мы от души смеялись над ней, а громче всех смеялись сами виновники: Климушев и Леонид Васильевич.

Заметно выделялся Леонид Васильевич внутренней культурой и тактом. Особенно вежлив был с нами, женщинами. Неважно, кто с ним разговаривал: интеллигентная женщина с высшим образованием, или простая малограмотная уборщица, каких немало было в типографии. Обращаясь к нам, своим подчиненным, никогда не повышал голоса, не приказывал. Помню, как он обращался ко мне с просьбой: «Агнюша, это надо обязательно закончить к сегодняшнему вечеру». И мы делали, делали добросовестно, забывая обо всем постороннем.

В конце 1934 г. или в начале 1935 г. Попов Л. В. перешел в Управление связи на должность бухгалтера-ревизора. К этому времени я стала самостоятельным бухгалтером. Составляла годовой отчет вместе с Любушиным А. Ф., который под руководством Леонида Васильевича из старшего счетовода типографии, так же как и я, за короткий срок вырос до главного бухгалтера.

В 1940 г. моего мужа Модянова С. В., работавшего начальником смены печатного цеха, направили в Ухту организовать районную типографию. Все оборудование выделила республиканская типография. Модянов С. В. стал первым заведующим типографией, а в марте 1941 г. вышел первый номер газеты «Ухта». Сама я в это время работала бухгалтером Ухтинского горно.

Последний раз я встретила Леонида Васильевича в Ухте, зимой 1940 или в начале 1941 года, когда он приезжал с ревизией в районное отделение связи. Встретились совершенно случайно на улице. Обрадовались, разговорились. Вспомнили своих сослуживцев, товарищей по работе, городские субботники, мои первые успехи.

Леонид Васильевич был уже не молод, но, как и прежде, полон сил, энергии и оптимизма. Шутил и смеялся, просил передать сердечный привет моему мужу, Степану Васильевичу. На всю жизнь я сохранила чувство признательности и уважения к Леониду Васильевичу, которого постоянно вспоминаю как своего доброго учителя и наставника».

Работа в журнале «Ордым»

Иллюстрации Л. В. Попова к сказке Пушкина «О попе и его работнике Балде».
Перевод на коми язык В. И. Лыткина (Илля-Вась)

Журнал «Ордым». – 1930. – № 364. – С. 22

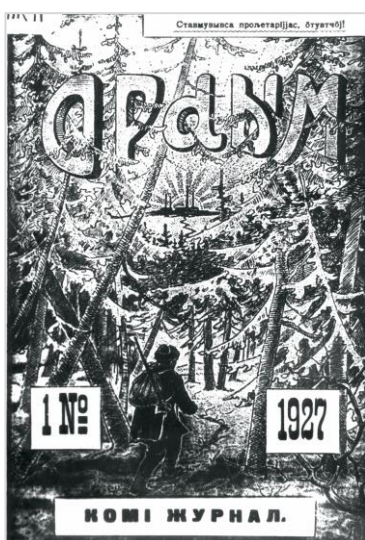
Журнал «Ордым». – 1930. – № 364. – С. 25

Еще в 1927 г. по приглашению ответственного редактора журнала «Ордым» Николая Павловича Попова отец приступил к оформлению этого журнала.

Коми литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ордым» стал предшественником современного журнала «Войвыв кодзув». «Ордым» издавался всего пять лет (1926-1930 гг.), но сыграл заметную роль в воспитании творческих работников Коми издательства: коми прозаиков и поэтов, редакторов и корреспондентов, художников. Здесь работали и сотрудничали: Попов Н. П. (Жугыль), Лыткин В. И. (Илля Вась), Шеболкин П. А. (Выль Паш), Попов М., Попов Л. В., Образцов В. А., Ген Арнольд, Поляков В. В. и многие другие.

Главный редактор журнала Николай Павлович Попов (1901-1971), одноклассник нашего отца, родился в бедной многодетной семье. Отец умер рано, матери пришлось

много работать, чтобы прокормить пятерых детей. Николай, окончив приходскую школу и высшее начальное училище, поступил в учительскую семинарию. Но началась гражданская война, Николая призвали в Красную Армию. Он воевал с Колчаком на Восточном фронте, затем на Южном – против Врангеля. Вернувшись после войны в Усть-Сысольск, в 20-х годах начал писать первые пьесы на коми языке, стал журналистом, драматургом и писателем. В 1930-е годы возглавил Союз коми писателей, а вскоре стал членом Союза писателей СССР. В первой половине 30-х годов перешел на руководящую партийную работу. В 1937 г. был арестован и осужден. В лагерях, а затем в ссылке он провел около 17 лет. Реабилитирован в 1955 г. Когда вернулся в Сыктывкар, несмотря на возраст и физическое истощение, активно включился в культурную и общественную жизнь. Написал новые повести и пьесы: «Настя», революционную драму «Бурные волны» и одноактные комедии.⁸²

Обложка журнала «Ордым» по рисунку Л. В. Попова, 1927-1929 гг.

Обложка журнала, оформленная Л. В. Поповым, украшала все номера журнала в 1927 г., 1928 г. и большинство номеров в 1929 г. Давайте посмотрим содержание рисунка и идею, которую вложил в нее художник. На обложке изображен коми охотник, который

⁸² Канева А. Освобожден, но не свободен // Ухта. 1996. 18 октября.

идет по тропинке через густой еловый лес к городу, виднеющемуся вдаль и освещенному яркими лучами зимнего солнца. В городе видны трубы заводов, которых в то время в Усть-Сысольске еще не существовало. Можно понять, что коми охотник идет из отсталой лесной Коми области в светлое будущее края, с передовой экономикой, современными заводами, высокой культурой и жизнью народа. Очень оригинально написано название журнала «Ордым» в верхней части обложки. Сквозь буквы названия пробиваются пушистые ветки елей и сосен дремучего леса, через который по лесной тропе решительно шагает в будущее коми охотник. В 1930 г. обложку журнала заменили на обычную фотографию, которая, на мой взгляд, совершенно не привлекала внимание читателей.

Леониду Васильевичу как художнику было присуще редкое чувство соразмерности и композиции. Рисовал он быстро, почти никогда не делал набросков и эскизов, не переделывал свои рисунки и картины. Он иллюстрировал многие очерки и рассказы в этом журнале.

Правдиво сумел показать художник различные стороны трудовой деятельности коми народа: лесозаготовки в лесу, охоту, крестьянский быт, ростки новой жизни на селе, и т.д. Тяжелый труд лесозаготовителей во времена, когда еще не было разнообразной техники в лесу, и лесорубы все делали вручную, показан в рисунках: «Вёрын» (В лесу), «Вёр петкөдöны» (Вывозка леса) и др.

В журнале № 11 за 1927 г. имеется небольшой рисунок охотника, направляющегося домой после удачной охоты. Крупные, четкие штрихи передают высокую, крепко сбитую фигуру охотника, его решительный скользящий шаг на охотничьих лыжах с камусом. Через плечо перекинута двустволка и добытый заяц. И хотя нам видна его спина и немного правая сторона фигуры и лица, мы ощущаем его силу и радость от успешной охоты.

Оттиски рисунков «На охоте» и «Вывозка леса» демонстрировались на юбилейной художественной выставке «Земля родная Коми» в 1967 г. На первом рисунке – невысокий плотный охотник, широко расставив ноги для опоры, стреляет в могучего лося. Чуть опередившая его лосиха присела от страха. За ближними деревьями виден молодой лесок, который изображен легкими параллельными штрихами. Только простые линии, а за ними ощущаешь молодой лес. Опущенные мягким снегом стоят на переднем плане небольшие зеленые елочки.⁸³

⁸³ Земля родная Коми. Юбилейная художественная выставка к 50-летию Советской власти. Каталог. Сыктывкар, 1967. С. 3-4, 18.

Военные и революционные темы нашли отражение в рисунках к рассказам Е. Кочанова «Батрак Ваньё» (Батрак Ваня), А. Громова «Өтувья удж вöсна» (За объединенный труд), где показаны сражения, конная атака и артиллерийский обстрел.

Имеются в журнале и юмористические рисунки и карикатуры Леонида Васильевича. Он иллюстрировал сказку А. С. Пушкина «О попе и работнике его Балде», переведенную на коми язык В. И. Лыткиным (Илля Вась). Художник прекрасно воплотил в рисунках литературные образы, созданные в сказке поэтом: алчного, прижимистого попа и с виду простоватого, смешного, но с природной хитринкой и практической смекалкой небольшого курносого мужичка, который сумел обвести вокруг пальца и попа, и чёртово племя.

Очень остроумны карикатуры к тексту П. А. Шеболкина на злободневную тему «Интöd воштöм» (Потерянная директива). Художник и автор высмеивают председателя сельского совета, который потерял директиву о проведении посевной кампании. У его стола висит плакат с обязательством «Ликвидируем кулачество на 199,5 %!» Потеряв директиву, председатель «проспал» до 5 июня. Он нашел ее вместе с секретарем парткома тогда, когда крестьяне без всякой директивы полностью закончили посевную кампанию.

Л. В. Попов был талантливым художником-анималистом. Его многочисленные рисунки и картины, изображающие животных и птиц Севера и других регионов, никого не оставят равнодушными. Вот рисунок «Байдögјас» (Куропатки). Две белоснежные куропатки на фоне небольших кустиков настороженно подняли свои головки, чернеют их острые клювики и бусинки черных глаз. Так и кажется – вот сейчас вспорхнут в небо испуганные птицы.

Большие картины из жизни пушных и промысловых животных и птиц нашего края, написанные маслом, были выполнены в середине 1930-х годов по заказу правления «Северпушнина» и размещались в здании этой организации. Горожане старшего поколения, вероятно, помнят эти картины.

Так природа нашего края, лес и его обитатели, охота, жизнь коми народа стали для художника неиссякаемым источником вдохновения и темой его картин и рисунков. Многие рисунки Л. В. Попова не утратили своей злободневности и сегодня. Вместе с художником В. А. Образцовым, который также был учеником А. Н. Поросятникова, Леонид Васильевич сотрудничал в русских охотничьих журналах «Уральский охотник», «Северный охотник», оформлял обложки книг коми писателей и поэтов.⁸⁴

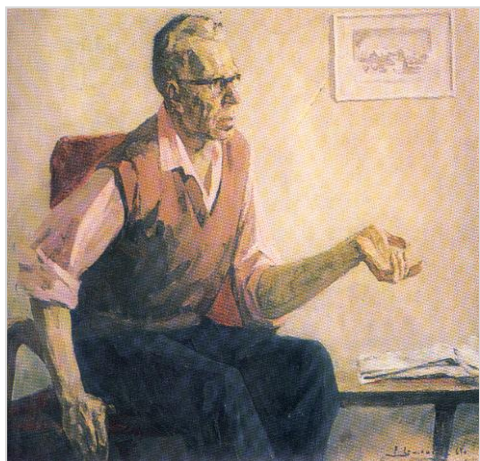
⁸⁴ Там же. С. 3-4.

Когда отец рисовал для журналов или издательства, мы, дети садились рядом за большой стол, выкладывали свои альбомы, карандаши, краски, смотрели и рисовали свои незамысловатые рисунки. Собирался ли он на охоту или рыбалку – и тут мы были рядом: готовили бумажные или картонные пыжи, отмеряли меркой дробь или порох, набивали мелкими камешками мешочки для грузил и т.д. Отец научил старших детей стрелять из ружья, но никто из нас не стал охотником.

Накануне революционных праздников в доме появлялись красные полотнища – отец писал плакаты и лозунги, чтобы заработать лишние 25-30 рублей для семьи. В те годы труд художников и дизайнеров оплачивался очень низко. И в эти дни опять работала вся семья. Через две комнаты на полу натягивался длинный плакат или лозунг. Его легонько забивали маленькими гвоздиками, разводили мел. Дочери мелованной бечевкой отмечали строчки, отец с сыном, сидя на стульях, передвигались вдоль полотнища и писали текст.

Отец покупал нам много детских книжек, любил рассказывать о них, о животных, рисовал для нас, как он представляет главных героев этих книг и рассказов. Он воспитал в нас интерес к чтению, но не только художественной литературе, но и научно-популярной. Рассказывал о художниках и их картинах, что способствовало воспитанию художественного вкуса и интереса к изобразительному искусству. Именно после этих разговоров я начала собирать репродукции картин и открытки русских, итальянских, французских и немецких художников и оформлять в отдельные альбомы.

Сестра Фина записалась во дворце пионеров в детскую художественную студию, где занятия с учащимися проводил художник Валентин Викторович Поляков. Она несколько лет посещала студию и всегда добрым словом вспоминала своего учителя. Вместе с ней в студии занимался её одноклассник Энгельс Козлов, который, как и Фина, окончил Академию художеств и стал известным коми художником.

ПОЛЯКОВ Валентин Викторович – главный художник Коми издательства, председатель Союза художников Республики Коми. Автор портрета Ермолин Рем Николаевич – заслуженный художник Российской Федерации

А вот летом в нашей семье были другие занятия. В воскресенье, когда отцу не надо было идти на работу, он предлагал нам совершить всей семьей поездку на лодке в живописные места на Сысоле или Вычегде и половить в озерах карасей. По узкой протоке коллективно перетаскивали лодку с реки на озеро, где отец сразу закидывал сети. А мы разбивали лагерь, собирали хворост, разжигали костер. Затем мы обходили поляны в поисках спелой земляники и шиповника, с которого собирали розовые душистые лепестки. Отец на озере ботал карасей, мама варила уху и вкусный чай, пахнувший шиповником и немного дымом костра.

После сытного обеда папа распевал «свои арии» и народные песни. Много рассказывал нам о природе, о животных и птицах, которые проживают в наших северных лесах. Затем папа с азартом рассказывал маме о своих охотничьих приключениях, и они обсуждали семейные и общественные дела и проблемы. А в это время мы бегали по лугам, собирая букеты цветов из синих колокольчиков, веселых ромашек и гвоздики. Вечером, к 19 или 20 часам возвращались домой, отдохнувшими и довольными отлично проведенным днем.

В течение недели, когда отец был занят на работе, нашими вылазками на лоно природы руководила и командовала мама. Приглашали с собой кого-либо из близких друзей-одноклассников. Мама правила лодкой, а сесть за весла и грести желающих было хоть отбавляй! С мамой мы выезжали уже не в дальние места, а поближе, в Заречье.

Таким образом, наши родители в летнее время организовывали для нас увлекательные поездки в окрестности Сыктывкара, вдоль берегов Вычегды и Сысолы, где мы знакомились с богатой природой Коми края. Потом мы шли к реке и долго бегали, играли и плескались в воде. Но, к сожалению, плавать я тогда так и не научилась.

Все эти поездки, рассказы отца о птицах и животных, обитающих в наших лесах, прогулки по лесу, поиски ягод на солнечных полянах и цветов на благоухающих лугах, – все это воспитывало глубокий интерес и любовь к нашей природе.

Утром родители вставали вместе. Мама начинала топить русскую печь на кухне, готовить завтрак и одновременно обед. Отец помогал ей: заносил воду из колодца и сухие дрова, что-то делал по ее просьбе, ставил большой самовар. В последнюю очередь растапливал голландскую печь в большой комнате, которая нагревала помещение к нашему подъему. Все это время, когда родители были вместе у кухонной печи, они оживленно беседовали, обсуждали семейные дела, новости и проблемы отца на работе. В это же время они вспоминали папиных сотрудников и исчезновение друга детства – Цембера Андрея Андреевича. Когда будили нас – детей, все уже было готово к завтраку, а самовар весело шумел на столе.

Мама всегда была щедрой и гостеприимной. Она довольно часто стряпала шаньги, сладкие плюшки, пирожки с ягодами, рулеты с черемухой, большой пирог с рыбой и разные торты. На семенные праздники приходили старший брат отца, дядя Ваня, Фелицита Павловна и их дети Олег и Павел, мамина кузина Христина Александровна (моя крестная мама) с мужем и сыновьями, Лёней и Володей, мои подружки Тамара и Герта, кузина Рая Сидорова, друзья брата Филиппа и сестры Фины. Мама ходила сияющая довольная большим количеством гостей и похвалами в ее адрес.

В 1989 г. я посетила двух сотрудников Коми издательства, знавших нашего отца. Сначала я побывала у И. И. Оплеснина, товарища отца по рыбалке. Иван Иванович, в годы революции не окончив училище, пошел в армию, а с 1921 г. начал работать в типографии наборщиком, потом стал начальником печатного цеха, а после Великой Отечественной войны его назначили заведующим производством Коми издательства (1947-1961 гг.). Иван Иванович помнил меня еще маленькой девочкой. Услышав, что я собираю сведения об отце, он с удовольствием начал рассказывать:

– Ваш папа был очень веселый и остроумный человек. Любил рассказывать свои охотничьи приключения. Писал красиво и четко, тонким кончиком пера. Все удивлялись этому. Меня с ним познакомил Степан Семенович Попов, и мы втроем начали ездить на рыбалку. А затем мы построили в Трехозерке лесную избушку, куда ездили на выходные порыбачить. К сожалению, через несколько лет там произошла трагедия, были убиты: сын Степана Семеновича Леня и его товарищ Юра Шатровский.

*Степан Семёнович Попов, выпускающий журнала «Коми му»,
газеты «За новый Север», «Красное знамя», «Ворледзись»*

В эти годы типография была уже национализирована, но хозяина – Следникова оставили в типографии до 1923 г., поскольку он был очень хорошим специалистом. Следников пригласил в типографию из Великого Устюга Петрова Павла Варламовича, даже сам

привез его в Усть-Сысольск, а вслед за ним привез мастера Рыжкова К.М. из Москвы. И с этого времени начали делать клише для рисунков в Усть-Сысольске, а раньше заказывали в Вятке или Москве. Рыжков быстро обучил наших мастеров изготавливать клише, а сам намеревался вернуться в Москву, но вдруг передумал и остался с семьей в Сыктывкаре навсегда.

– Иван Иванович, где жил сам Следников, когда у него национализировали вместе с типографией весь дом?

– Он жил напротив, через улицу в доме у вдовы Нашестниковой. Типография в начале 20-х годов находилась на улице Покровской (Орджоникидзе) в двухэтажном доме (дом вдовы Казариновой, купленный З. Следниковым – Р. П.). Часто к нам заходил Ваш дедушка Василий Филиппович посмотреть и проверить корректуру своих статей. Очень вежливый и культурный – все уважали его. В этой типографии работали братья Вашей мамы: Михаил и Александр, потом они заболели. Миша был красивый brunet с румянцем на щеках. Мы звали его по прозвищу – «Якунь» Миша. Он дружил с братьями Харатовыми из Кируля, Васей и Николаем. Вася был бригадиром у Миши.

– Иван Иванович, – спросила я, – Вы знаете, кто стал директором типографии после хозяина Зосимы Следникова?

– Конечно. Директором стал Тентюков Алексей Андреевич, бывший чекист. Ходил в кожаной куртке и с пистолетом. Все боялись его. Но его вскоре заменили. Когда Ваш папа работал в типографии, директором был Вежов. Это при нём незаконно увольняли Леонида Васильевича. Мы все возмущались, но что могли сделать против директора?

– В 1935 году для сотрудников издательства построили на паях двухэтажный деревянный дом на ул. Интернациональной рядом с нынешним ЦУМом. Здесь получили квартиры Поляков, Безносков (художники), Вежов (директор), Рыжков (мастер), Любушкин (бухгалтер), Изъюров (писатель) и др. В это же время Леонид Васильевич с плановиком издательства Петром Ивановичем Поповым подыскивали в Лемью место для организации базы отдыха для сотрудников издательства.

Иван Иванович рассказал и о других сотрудниках издательства. Я от души поблагодарила его за интересный рассказ. После этого я побывала у него еще два раза, и он каждый раз вспоминал что-нибудь новое об издательстве и нашем отце.

Затем я побывала у Нины Михайловны Безносковой (урожденная Антоновская), жены художника Михаила Павловича Безносова. Она работала экономистом в издательстве. С большой теплотой вспоминала нашего отца, как человека «веселого, эрудированного и любителя с юмором рассказать о своих охотничьих приключениях».

Много интересного поведала мне о главном художнике издательства В.В. Полякове и своем муже Михаиле Павловиче.

– Ваш папа многие годы дружил с сотрудниками издательства: с Иваном Ивановичем Оплесниным, Степаном Семеновичем Поповым и Валентином Викторовичем Поляковым – главным художником Коми издательства .

Мне хочется немного подробнее рассказать о В. В. Полякове, который был коллегой отца по издательству и учителем моей сестры Фины.

В. В. Поляков (1905-1974 гг.) родился в с. Серёгово, закончил Серёговскую школу II ступени и Усть-Вымский педагогический техникум. Переехав в Усть-Сысольск, поступил в институт Народного образования и подрабатывал оформлением плакатов к революционным праздникам. В 1924 году поступил в Ленинградский художественно-промышленный техникум, по окончании которого в 1928 году вернулся в Усть-Сысольск, где и прошла вся его творческая и организационная деятельность. В 1930 году он стал главным художником Коми книжного издательства, оформил обложки сотен книг. Будучи талантливым организатором Поляков, создал детскую художественную студию, Коми отделение Союза советских художников и возглавлял его около двадцати лет. По его инициативе и поддержке коми художники начали движение за создание в Сыктывкаре художественного музея – ныне это Национальная галерея Республики Коми. При Полякове регулярно проводятся художественные выставки с привлечением мастеров из всех уголков нашей республики.

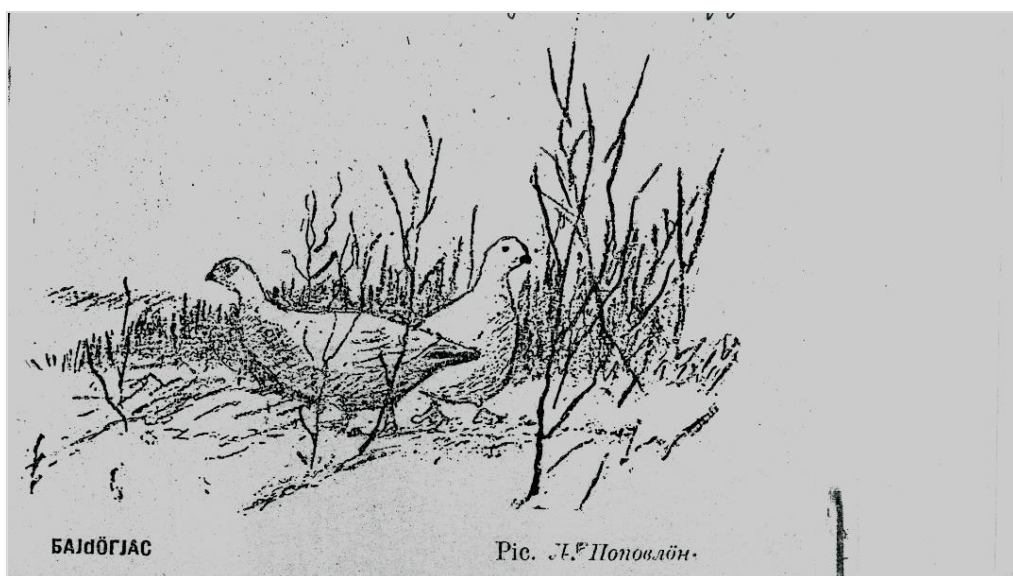
Поляков поддерживал молодых художников, направлял на учебу, помогал советами. Валентин Викторович постоянно выступал с лекциями об изобразительном искусстве по радио, в республиканской печати и на разных курсах и семинарах. Лично я его слушала на курсах учителей истории при институте усовершенствования учителей и долго хранила свои конспекты его лекций. Хранила я также несколько писем Валентина Викторовича моей сестре Фине.

В 1930-е годы на работе у отца начались неприятности, о чем родители нам никогда не рассказывали, а только тихонько обсуждали между собой. Об этих событиях я узнала уже в пожилом возрасте из трудовой книжки отца и нескольких справок, которые сохранила Фина. В 1930-ые годы – годы сталинских репрессий. В 1931 г. ему объявили выговор «за необсуждение в коллективе сотрудников выводов бригады местной комиссии по чистке издательства и за не дачу заключения об опыте электростанции в Москве, перешедшего на хозрасчет». Областная комиссия отменила этот приказ. Комиссия по чистке советского аппарата дважды в 1933 г. и 1934 г. под разными предлогами увольняла отца с работы. В приказе 1934 г. записали, что Попов Л. В. «уволен за грубое отношение к

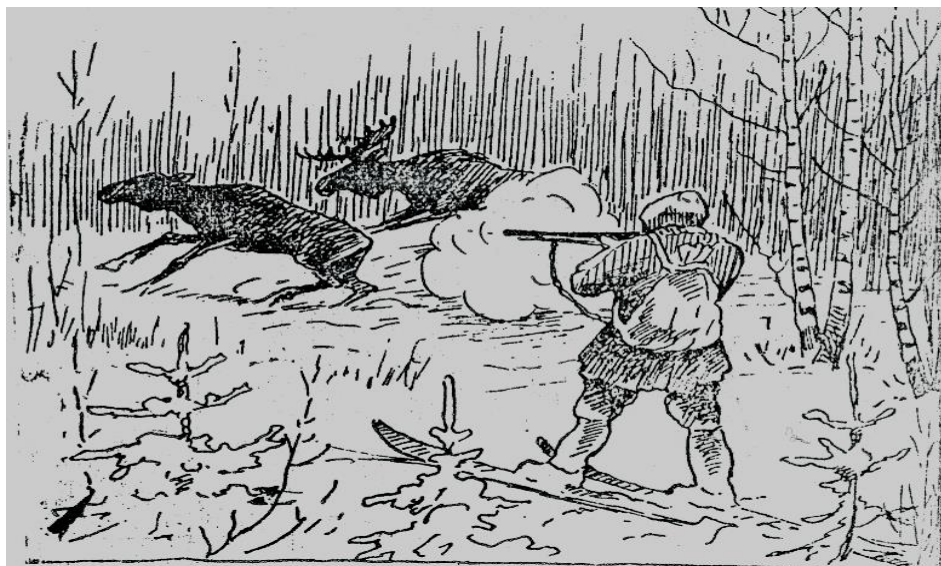
рабочим», а я ранее уже написала, как относились к отцу сотрудники, и уважали его за тактичное, чуткое отношение к людям, особенно к сотрудникам и женщинам. Народный суд оба раза восстановил отца на работу и предложил оплатить ему за вынужденный прогул.

Однако, отец отказался вернуться на работу в издательство и сразу перешел в Управление связи Коми АССР на должность бухгалтера-ревизора. Теперь его работа была связана с командировками для проверки отделений связи в районах Коми АССР, поэтому он реже бывал дома. Уйдя из Коми издательства, отец сохранил теплые дружеские отношения со многими сотрудниками, с которыми работал столько лет, прежде всего с С. С. Поповым и И. И. Оплесниным. Они продолжали встречаться, вместе ездить на охоту и рыбную ловлю, нередко ночевали в охотничьей избушке в Трехозерке. Главный художник издательства В. В. Поляков довольно часто навещал отца в нашем доме. Он сохранил в своем архиве рисунки отца и оттиски с них и часть из них представил на юбилейную художественную выставку в 1957 г. «Земля родная Коми». До конца жизни В. В. Поляков переписывался с моей сестрой, художницей и искусствоведом Фелицатой Поповой-Брозиг. Продолжал отец встречаться со своим бывшим заместителем М. А. Ивашовым.

Рисунки отца в журнале «Ордым»

Куропатки

Охота на лосей

Лесозаготовки

Середина 1930-х годов были довольно трудными и даже голодными для жителей города Сыктывкара. У горожан, которые имели хозяйство, коров и луга для заготовки сена, покосы отобрали. А это привело к большому забою скота. Нашей семье также пришлось расстаться с Сераюркой, которая щедро кормила нас молоком с 1921 г., когда Петр Иванович, мамин отец, подарил ее ко дню свадьбы дочери. После этого мама начала продавать из своего приданного полотенца, которые она вышила собственными руками. Одних полотенец в сундуке с приданным было немало – более 50 штук!

И все же в эти тяжелые времена мы не испытывали недостатка в мясе и рыбе, поскольку отец по воскресеньям ходил зимой на охоту, а летом и весной – на рыбалку, а также собирал грибы. В семье всегда жили то одна, то другая собаки, которые становились отличными и надежными помощниками в охотничьем промысле. Конечно,

так было за исключением тех дней, когда он выезжал в командировку для ревизии районных почтовых отделений.

В середине 1930-х годов с моей подругой Гертой Бызовой мы увлеклись цветоводством. Сначала помогали учителям биологии ухаживать за цветами на пришкольном участке. Потом во время прогулок по городу старались разглядеть цветы в палисадниках и во дворах частных домов и на клумбах в парке культуры и отдыха имени Кирова. Смотрели и обсуждали, какие цветы нам понравились и какие из них мы хотели бы посадить в своем цветнике. В то же время я начала выравнивать участок около дома, приносить отовсюду землю и засыпать ямы, оставшиеся после строительства дома. Затем спланировала участок и начала копать клумбы, рабатки, грядки, красиво оформлять дорожки. И вскоре у нас появились первые цветы: астры, львиный зев, календула, петунья, а вслед за ними многолетники и первые кусты сирени и спиреи. Двор сразу повеселел и благоухал цветами! Но между дворами в те годы плотных заборов еще не существовало, поэтому в цветник попадали и куры, и козы и даже коровы, забирались также вороватые соседи. Цветы топтали и даже вырывали с корнями и разбрасывали рядом с клумбами. Тогда я обратилась к отцу с просьбой загородить мой цветник отдельным забором. Отец сказал, что денег на покупку штакетника у нас нет. Но в ближайшее воскресенье он отправился в лес, заготовил там столбики и материал, для плетня, и через несколько дней забор был готов! Набеги животных сразу прекратились, но соседи продолжали воровать цветы и вредничать. Но цветник все же с каждым годом расширялся.

Еще хочется рассказать про отца другие интересные примеры. Отец всегда умел успокоить расшумевшихся и призвать их к порядку, мог отвлечь расшалившихся и капризничавших детей. Александра Павловна при встрече рассказала мне один эпизод с ее дочерью Тamarой. Однажды наш отец пришел к ее мужу, Степану Семеновичу с предложением съездить в праздничные дни на рыбалку, но они никак не могли поговорить из-за капризов и плача их дочери Тamarы. Ушли в другую комнату, но «Леонид Васильевич вскоре вернулся обратно, посадил Тamarу себе на колени, взял бумагу и карандаш и начал что-то рисовать, попутно объясняя рисунки девочке. Тamarа постепенно перестала плакать, начала слушать, а потом потянулась за карандашом, и сама стала рисовать и что-то рассказывать».

В 1940 году я с отличием окончила среднюю школу и поступила без экзаменов в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). Но уже с ноября 1940 г. государством была введена плата за обучение в вузах и старших классах средних школ. Я долго обдумывала и решила, что родителям будет трудно оплачивать учебу двух детей:

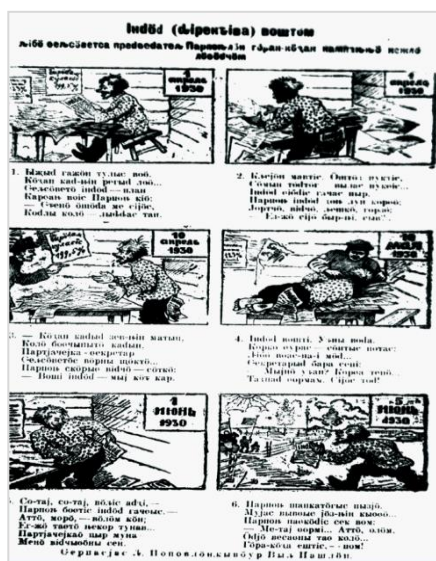
мою и брата Филиппа. Вместе с несколькими одноклассницами мы вернулись в Сыктывкар и устроились на работу.

Я поступила в Управление связи Коми АССР, в отдел распределения и экспедирования печати, где был ревизором наш отец. Уже не помню, чем конкретно я занималась. Но хорошо запомнила, что отец помогал мне: учил, подсказывал и проверял меня. Вспоминаю, как однажды он сделал мне замечание за то, что я после ночного чтения какой-то интересной книги, «клевала носом» на работе. Но в целом я работала неплохо, и отец дома рассказывал об этом маме. Заработную плату в первые месяцы я полностью отдавала маме на общие семейные расходы. А потом отец и мама предложили мне часть получаемой зарплаты откладывать для продолжения учебы в университете в будущем году.

Зимой я много общалась с одноклассниками, а также с Тamarой Флоренской и ее братом Гелей, с которыми мы вели беседы об искусстве, художниках и картинах. С 1937 г. с Тamarой мы часто ходили в городской краеведческий музей, смотрели картины, а затем начали приходить рисовать. Я храню свой рисунок красивой итальянки, портрет которой висел в большом зале на втором этаже музея.

От Тamarы я узнала, что в Ленинградском государственном университете имеется искусствоведческий факультет и теперь я начала задумываться, что выбрать – историю или искусство?, куда поступить – в МИФЛИ, МГУ или ЛГУ?

Посоветовавшись с родителями, в субботу, 21 июня днем я пошла на Центральную почту и отправила заявление и документы в приемную комиссию ЛГУ. Вечером доложила отцу. После ужина он быстро собрался и, как обычно, отправился со своими друзьями на рыбалку.

Карикатура Л. В. Попова к стихам Шеболкина (Виль Паиз)

*Переход каравана через пустыню.
Акварель, размер 14x16 см*

Охота – и увлечение, и средство пропитания

*Отец (Попов Л. В.) на охоте.
Снимок В. Н. Суханова*

Охотничий уголок отца

Картина Л. В. Попова «Динго на охоте». Акварель, размер 20x15 см

Великая Отечественная

На следующий день – было воскресенье 22 июня... Вышла с утра в свой садик с хорошим настроением. Яркое солнце, на небе ни облачка... Легкий ветерок разносит упоительный запах цветов и клейких листочков моего тополя. Набрала красивый букет и занесла домой. После завтрака мама пригласила меня сходить с ней за покупками в магазин. Сестра Фина сразу засуетилась и начала упрашивать маму идти с нами.

Но мама сразу строго сказала «нельзя»:

Сделав покупки в ближайшем магазине, мы пошли домой. Вдруг впереди, на улице Интернациональной мы увидели Фину и Филиппа, которые бежали навстречу, размахивая руками и громко выкрикивая: «Война! Война! Началась война с фашистами!». Мама их остановила строгим окриком. Ответил Филипп, что выступал по радио Молотов, он сказал, что фашистская Германия напала на нашу страну.

Вот так мы узнали о начале войны. Наконец, осознав эту страшную новость, мама с ребятами пошла домой. А я побежала к одноклассникам договариваться, когда мы пойдем в военкомат проситься на фронт. Мы не сомневались, что мы, девушки, как и мужчины должны отправиться на защиту своей Родины. Все мы были готовы пойти на войну.

В понедельник утром вернулся с рыбалки отец, и мама ему рассказала эти страшные новости. Мы уже слышали по радио, что немецкие войска перешли границу, что их самолеты бомбили наши города и аэродромы. Отец, быстро позавтракав, отправился на работу. Мама беспокоилась, что отца сразу же мобилизуют в армию и отправят на фронт. Но вечером отец успокоил маму, сказав, что в связи с тем, что в Управлении связи много молодежи забрали в армию, для него, как нужного специалиста, управление добилось брони (отсрочки призыва).

В августе мне из ЛГУ пришли два сообщения: первое – о моем зачислении в число студентов, а затем – просьба прибыть в Ленинград к указанному сроку. Но отец не отпустил меня. На семейном совете вечером он сказал: «Рая, о какой поездке в Ленинград ты говоришь? Немцы наступают на Москву и Ленинград. Фашистские самолеты бомбят город. Неужели ты не понимаешь, что в Ленинграде складывается очень тяжелая обстановка. Возможно, в университете прекратятся учебные занятия – по радио не раз сообщали, что студенты каждый день уходят на фронт. Давай подожди до будущего года. Мы не против учебы, кончится война и поступай снова в ЛГУ.». Мама поддержала отца и порекомендовала поступать в наш пединститут. Сходи, посоветуйся с дядей Ваней (старший брат отца), он ведь кончал Ленинградский университет в годы революции. Он знает, можно нет перевестись из института в университет.

И я, прислушавшись к советам родителей, подала заявление и копию аттестата в КГПИ на исторический факультет. 1 сентября у нас начались учебные занятия.

В течение первых месяцев войны отец внимательно слушал сообщения с фронта, на большой карте СССР ежедневно отмечал города, где шли крупные сражения или их захватили фашистские войска. Цветным карандашом проводил линию фронта. Мы все верили, что война скоро закончится, и частенько с одноклассниками вспоминали известную песню: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый Маршал в бой нас поведет». Но война продолжалась, немецкие войска наступали, а Красная Армия отступала вглубь страны.

В декабре мы с огромной радостью восприняли сообщение о контрнаступлении Красной Армии под Москвой. И вскоре после этого отец получил повестку о призыве в армию. Мама ходила расстроенная, со слезами на глазах. Отец ее успокаивал, и они вместе начали собирать его вещи в дорогу. Вдруг отец поднял голову от рюкзака, посмотрел на нас и неожиданно предложил сходить всем в фотоателье «Динамо» где работают лучшие фотографы города и сфотографируемся на память. Одну фотографию отец взял с собой, но через несколько месяцев вернул ее маме, написав, что на их участке фронта идут ожесточенные бои, и он боится за судьбу фотографии.

Отец попал во 2-й отдельный стрелковый батальон 29-й стрелковой бригады, сражавшейся на Ленинградском фронте. Через некоторое время его брат Иван Васильевич, преподаватель КГПИ, получил письмо от отца, где тот сообщал, что с первых дней пребывания на фронте их пехотный «полк участвовал во многих боях. К фронтовой обстановке быстро привык, и в дальнейшем никакая стрельба не причиняла ему ни боязни, ни страха». Отец постоянно писал письма маме и нам, детям, брату Ивану Васильевичу и младшему брату погибшего друга, Андрея Цембера – Георгию. Однажды, получив письмо от Георгия Андреевича, отец написал маме: «Хотелось бы его

поблагодарить за толковое и дельное содержание письма. Он на Северном фронте, а я на Западном, так что нас разделяют тысячи километров, и встретиться двум «скитальцам» вряд ли удастся ...». Строки этого письма оказались пророческими: Георгий Андреевич Цембер погиб на фронте, но память об обоих братьях навсегда сохранилась в нашей семье. Не только родители, но и мы, дети, всегда вспоминали Андрея и Георгия.

В одном из писем отец написал, как ценен на фронте его опыт и навыки походной жизни, приобретенные им в наших лесах во время охоты: «Умение приспосабливаться на местности имеет здесь на фронте, большое значение, что у меня как охотника жизненно внедрилось».

Как видно из многих писем, отец участвовал «во многих боях и наступлениях под ураганным пулеметно-минометным огнем и ни разу не был ранен Случались только одиночные царапины и три пули попали в винтовку». Но однажды, в относительно спокойный день – 22 февраля 1942 г., во время короткого отдыха в деревне Утошкино Старорусского района его тяжело ранило осколком «шального» артиллерийского снаряда: После операции в полевом госпитале его отвезли в тыл, в военный госпиталь в городе Костроме, где он пробыл много месяцев.

А маме в эти дни пришло из военной части «Извещение», где было написано: «Ваш муж красноармеец Попов Леонид Васильевич, уроженец города Сыктывкара Коми АССР в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит. Похоронен в д. Утошкино Старорусского района Ленинградской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии». Извещение подписано командиром 2-го батальона ст. лейтенантом и политруком (фамилии не ясны). Интересно, что извещение от 7 апреля 1942 г. написано на небольшом листочке, отрезанном от немецкой карты какой-то местности. Написано фиолетовыми чернилами, четким почерком и до сих пор не выцвело и легко читается.

Мы все тяжело переживали это сообщение. Не верилось, что отец погиб. Какой-то комок сжал горло. Мама рыдала, а мы не находили слов, чтобы ее утешить. Но вскоре потупила телеграмма от отца, и мы разобрались в этой путанице. Из телеграммы мы узнали, что отец жив, был ранен и теперь находится в городе Костроме в военном госпитале. Мама сразу повеселела.

Как только началась война мама устроилась на работу в Управление связи Коми АССР, в тот же отдел РЭП, где был ревизором отец и я работала в течение 1940-41 гг. Мама была киоскером по продаже периодической печати, сначала в киоске на улице, а затем ее перевели в операционный зал в здании Центральной почты. Около ее прилавка

всегда толпились люди, чтобы купить свежие газеты, узнать последние новости с фронтов Великой Отечественной войны.

В годы войны мама (А. П. Попова в центре) работала в управлении связи Коми АССР, в отделе РЭП «Союзпечать», продавала газеты и журналы

Отец не раз отмечал в письмах, что врачи и медицинские сестры очень внимательно и ответственно относятся к лечению раненых бойцов и командиров. Во всем и всегда проявляют к ним чуткость и заботу. Его удивляло, что «в госпитале находилось много больных с обморожениями, не имевших никаких ранений». «Я не могу понять, – писал он дальше, – как можно обморозить руки или ноги ... Я, иногда не спавши по двое трое суток, засыпал стоя, на ходу. А поспать в 40-градусный мороз, окопавшись в снегу или около худенького огонька, бывало большим счастьем. И я никогда, ничто не обморозил ...».

Оптимизмом и верой в победу дышат его письма. Вот один яркий отрывок из его письма: «В мае буду опять на фронте, опять станем бить немцев. Хорошо бы покончить с ними скорее и вернуться домой с победой! Если бы у нас было больше самолетов, танков и минометов, то от немцев давно бы остались одни потроха. Немцы против нас – большие трусы».

Когда отцу стало легче, он начал рисовать портреты раненых солдат и медицинского персонала, и затем дарил всем свои рисунки и портреты. Немало оказалось желающих позировать ему, чтобы получить свой портрет, написанный художником. Ведь фотографии в те годы в госпиталь заглядывали редко, по заданию редакции газеты или журнала сфотографировать героя, солдата, совершившего подвиг или с высокопоставленными гостями, побывавшими в госпитале.

После продолжительного лечения в госпитале отец приезжал на несколько месяцев в Сыктывкар. Рана на ноге еще гноилась, он сильно прихрамывал и ходил сначала с одним

костылем, потом с палочкой. Почти ежедневно ходил на перевязку. Когда нога относительно поправилась, состоялась комиссия, и его снова отправили на фронт.

Осенью 1942 г. наступила очередь брата Филиппа. Он только что закончил 9 класс, летом вместе с одноклассниками работал на сплаве в Слободском рейде. Там трудились и мы студенты Коми государственного педагогического института, но работали мы в разных местах и в разных сменах, поэтому с братом встречались очень редко. Кончилось лето, кончились и трудовые «каникулы» у школьников. Они пошли на учебу, а студенты продолжали работать. В первые же дни сентября Филипп получил повестку о призыве в армию, и вскоре новобранцев отправили пароходом в город Архангельск. Через несколько недель от него пришло первое письмо, из которого мы узнали, что его зачислили в морскую пехоту, и он находится на полуострове Рыбачьем вблизи от Мурманска. Здесь шли кровопролитные бои. Войсковые части и моряки стойко держали оборону, поэтому немецкие войска в этом районе не продвинулись ни на шаг. Филипп сначала участвовал в этих боях, но морское начальство вскоре разузнало, что молодой боец-девятник прекрасно чертит и рисует, и его перевели в штаб. Здесь он чертил карты, проводил топографическую съемку местности, проползал не раз вдоль линии фронта вместе с разведчиками, чтобы определить и нанести на карту опорные пункты немецкой армии.

В это время отец вернулся на фронт. Теперь он попал в стрелковую дивизию Западного фронта. Армии Западного фронта под командованием маршала Константина Рокоссовского участвовали в широкомасштабном наступлении через Белоруссию, которое вошло в историю под названием «Операция Багратион». Непроходимые топи и болота не остановили войска III Белорусского фронта. Саперы соорудили прочные настилы из бревен, которые выдержали не только солдат, но и тяжелую артиллерию и танки. Для солдат-пехотинцев из лозы сплели подобие укороченных лыж или мокроступов, которые помогли и саперам, и части пехоты преодолеть топкие места.

Войска Рокоссовского, пройдя через эти гиблые места, вышли на оперативный простор, что явилось полной неожиданностью для немцев. Советская армия, разгромив немецкие части, двинулась дальше на запад, в Польшу и Германию. Каждую свободную минуту солдаты обсуждали последние победы, писали письма родным, вдохновляя их приближением окончания войны. Отец, как бывалый солдат, помогал советами молодым, необстрелянным бойцам, которые постоянно прибывали для пополнения армии. Его советы помогали им быстрее привыкнуть к фронтовой обстановке, он показывал, как следует правильно окапываться, использовать штык, не бояться врага, так как «трусы погибают первыми».

Не могу вспомнить из рассказов отца, где их дивизия встретила конец войны и отметила День Победы.

О том, как узнали о победе в Мурманске, позднее написал сыктывкарский журналист Ю. А. Кочев, оказавшийся в эти дни в Мурманске. Жители на день раньше узнали о Победе. В порту находились военные и торговые корабли союзников. Английские и американские моряки 8 мая получили сообщение об окончании войны. «Оказывается, союзники нарушили соглашение, заключенное с советским командованием, сделать сообщение об окончании войны и объявлении Днем Победы 9 мая». Неожиданно утром на торговых кораблях захлопали скорострельные пушки. Английские и американские моряки, узнав такую радостную весть, высыпали на берег. Обнявшись и смеясь, они веселыми группами ходили у причалов, выкрикивая: *Виктория! Виктория! (Победа! Победа!)*. «Совали нашим ничего непонимающим портовым рабочим, пачки сигарет, обнимали их с радостными выкриками «Виктория!». Все жители Мурманска вышли на улицы города⁸⁵.

А мы, сыктывкарцы, слышали о Дне Победы из уст диктора радио Левитана. Как помню, 9 мая был ясный, солнечный день – как и день начала войны. Я как всегда вышла в свой садик, полюбовалась весенними цветами и набрала букет серебристых ландышей, источавших упоительный запах. Вернулась в дом, но не успела поставить их в воду, как мама громко позвала нас. Мы побежали в большую комнату и, став у тарелки репродуктора, затаив дыхание, слушали победоносный голос Левитана. «Победа! Победа! Кончилась война! Победа! Наши папа и Филипп скоро вернутся!» – со слезами на глазах говорила мама. Затем мы быстро собрались и пошли в центр города: мама отправилась к своей кузине Александре Павловне, а мы с Финой разбежались в поисках своих одноклассников.

*Мама (Попова Анна Петровна в центре) со своими кузинами-подругам
Титовой Х. А. (слева) и Поповой (Клыкковой) А. И.*

⁸⁵ Кочев Ю. А. Мурманск узнал о победе от союзников // Панорама. 2007. 10 мая.

По улицам, тротуарам и даже по проезжей части непрерывным потоком шли толпы людей! Казалось, весь город вышел на улицы. Шли с песнями, радостно выкрикивая: «Победа! Победа!» Обнимались, целовались. Где-то играли гармошки, люди танцевали, вместе с молодыми танцевали и старики! Так до глубокой ночи мы отмечали День Победы.

С этого дня День Победы стал для нас самым дорогим – Всенародным праздником, не меркнувшим с годами. В этот день мы с благодарностью и гордостью вспоминаем всех наших бойцов и командиров, братьев, отцов и дедов, которые так стойко и упорно сражались с жестоким врагом – немецким фашизмом. В тяжелых кровопролитных боях они отстояли независимость нашей Родины. А затем, они – победители и наше поколение – детей войны, восстанавливали разрушенное войной хозяйство: железные дороги и мосты, промышленные предприятия, колхозы и совхозы, города и села.

Вскоре началась демобилизация солдат из армии. В июле месяце отец вернулся в Сыктывкар. И эту встречу я запомнила навсегда. После Дня Победы молодежь, школьники и женщины, жены и матери, каждый день ходили на пристань встречать пароходы, на которых возвращались солдаты-победители. Каждый раз мы надеялись: «а вдруг сегодня вернутся наши родные? Надо обязательно пойти встречать»... И так каждый день. Потом из письма мы узнали, что отец приедет в июле месяце.

И вот наступил долгожданный день. На пароходе, который появился на Сыsole, пели песни, мужчины что-то выкрикивали, махали руками. Когда отец спустился по трапу с парохода, мы сразу заметили, как сильно он изменился за годы войны. Отец заметно постарел, на лице появились морщины, но, как и раньше, он был стройным, бодрым и веселым.

*Попов Л. В. с трофеями осенней охоты.
Таким отец вернулся с фронта*

После радостной встречи и объятий мы неторопливо пошли домой. Дома сели за большой стол, на который мама выставила наше скудное угощение. Тут отец встал, вышел на кухню и принес свою солдатскую котомку, которую оставил на стуле у входной двери. Порылся в ней, и к нашей большой радости вынул из нее буханку черного хлеба. Мы смотрели на нее с нескрываемым восторгом! Отец отрезал нам: маме, мне и Фине по огромному куску хлеба! Так мы впервые съели без всякой нормы по куску солдатского хлеба, зачерствевшего в пути, но показавшегося нам вкуснее любого пирожного! И тогда мы досыта наелись хлебом, о чем постоянно мечтали в голодные военные годы. Мама ходила радостная, с сияющими глазами.

Теперь стали ждать возвращения Филиппа. Однако Филиппа демобилизовали только в 1947 г. Не помогло даже ходатайство Министерства культуры, которое собиралось отправить его на учебу в Академию художеств на внеконкурсное место. Очевидно, чертежник-топограф был нужен в штабе, а замены не было.

*Брат Филипп после возвращения из армии (1947 г.).
Снимок Модянова Коли*

После войны

Отец устроился на работу в контору Местпромснаббита при Министерстве местной промышленности Коми АССР заместителем главного бухгалтера. По выходным он, как и раньше, ездил с друзьями на охоту и рыбалку. У нас снова появились дичь и рыба, мы стали лучше питаться.

В 1946 г. после окончания педагогического института я уехала работать учителем истории в среднюю школу в селе Усть-Цильма. Отца я теперь видела только летом, когда, получив трудовой отпуск, приезжала в г. Сыктывкар. И даже в это время встречались мы не часто: у него – работа, охота, рыбалка, а у меня – встречи с друзьями, большой цветник, требующий ухода и много времени.

*Перед моим отъездом на работу в
Усть-Цилёмскую среднюю школу (Август 1946 г.).
Первая справа стоит Попова Р. Л.*

Здоровье отца ухудшалось. Тяжелое ранение, болезнь ног, развившаяся после войны, душевные травмы от несправедливых и многократных увольнений и т.д. сократили жизнь отца. Он скончался 7 мая 1948 года. Так мы потеряли отца, а ему только через два с половиной месяца исполнилось бы 47 лет.

Но продолжают жить, радовать взор, будит мысль и воображение многочисленные рисунки и карикатуры отца, опубликованные в коми и русских журналах, газетах и книгах 1920-1930-х годов. Председатель Союза художников Коми АССР В. В. Поляков высоко ценил творчество отца. Я уже упомянула, что Поляков бережно сохранил рисунки отца и оттиски с них, представил их в 1957 году на художественную выставку. В. В. Поляков пригласил нашу маму на вернисаж, а каталог он отправил Фине, с которой он много лет переписывался после кончины отца. Фина, закончив в Ленинграде Академию художеств, стала первым дипломированным искусствоведом среди коми женщин. В 1950-1960-х гг. была экскурсоводом в Дрезденской картинной галерее. В дальнейшем стала художницей ГДР и ФРГ. Ее картины находятся в Дрездене, Франции (г. Беау), в Москве и несколько рисунков в Сыктывкаре.

Альфред, ее муж, собирается передать часть картин Фины в художественную галерею в г. Сыктывкаре, в настоящее время составляет каталог ее работ и ведет переговоры с министерством культуры ФРГ о возможности отправки части картин в Коми республику.

Брат Филипп, вернувшись домой в 1947 г., работал учителем черчения и рисования в родной школе № 1 и одновременно продолжил учебу в 10-м классе школы рабочей молодежи. Получив аттестат, Филипп поступил на исторический факультет КГПИ и закончил его с отличием. В тот же год он продолжил учебу в аспирантуре при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Но выбрал он не

историю, а политэкономю, и диссертацию писал о лесной промышленности в Коми АССР. Я помогала брату – печатала на машинке диссертацию. Получив направление в Сыктывкар, Филипп преподавал политэкономю в Лесотехнической академии, школе милиции, а последние годы в КГПИ. Он тоже отлично рисовал, так что художественный талант отца в полной мере передался Фине и Филиппу.

После кончины отца мама прожила еще 29 лет. Это была удивительная женщина: любящая жена и мать, добрая, заботливая и щедрая, посвятившая всю свою жизнь нам, своим детям. Сама малограмотная, она сделала все, чтобы дать нам высшее образование, а Филипп и Фина закончили еще и аспирантуру. Жили трудно и голодно, поскольку заработная плата у мамы, простого киоскера отдела РЭП Управления связи, была мизерная. Конечно, когда я начала работать стало легче.

Еще хочется сказать, что мама была очень мужественным человеком – без жалоб и нытья переносила все болезни, несчастья и трудности. До конца своих дней она сохранила теплые, дружеские отношения со своими кузинами и с подругами далекой юности. В нашей школе мама пользовалась большим уважением. Ее неоднократно выбирали в родительский комитет, и, несмотря на большую занятость дома, она активно участвовала в работе с трудными учащимися и их родителями, даже посещала неуспевающих учащихся на дому.

Мама отличалась еще поразительной памятью и наблюдательностью. Представьте только, что она могла вспомнить и сказать, что такой-то человек приходил к нам или ко мне 15 лет назад. После моего переезда в Ухту (1964 г.) мама на всю зиму приезжала ко мне, а лето проводила в Сыктывкаре в своем доме. Заботилась о моих цветах, о внучке Сабине, которую мы воспитывали несколько лет из-за болезни и длительного лечения Фины. Три зимы мама провела у Фины в городе Дрезден. Она свободно гуляла с маленькой Сабинкой по городу, нисколько не смущаясь незнанием немецкого языка. В любой ситуации могла найти достойный выход. Часто помогала нашим заблудившимся советским туристам найти нужную улицу или гостиницу, где они проживают, а также хороший магазин, где можно купить сувениры или что-нибудь более существенное.

Осенью 1975 г. мама отказалась приехать на зиму в Ухту. Тогда я стала два раза в месяц по воскресеньям летать в Сыктывкар, чтобы помочь ей в разных хозяйственных и других делах. Заносила дрова, топила печи, ходила за водой, водила маму в поликлинику, вызывала врачей, ходила в аптеку за лекарствами, покупала продукты, готовила еду. Благо, что билеты на самолет были тогда дешевыми.

Мама часто вспоминала отца и рассказывала эпизоды из их счастливой, несмотря на все трудности, жизни, особенно из далекой юности, которую мы – дети, не видели. До

последних дней они как в юности нежно называли друг друга: Анчик или Анюта и Лёнчик.

В январе 1977 г. я приехала на каникулах, ухаживала за мамой и одновременно посещала семинар учителей истории в ИУУ. Я с мамой побывала в поликлинике, поговорила с врачами. В мартовские каникулы я застала в доме участкового врача, которая посоветовала мне оформить отпуск, чтобы остаться в Сыктывкаре для ухода за мамой. Я так и сделала. Однажды во время разговора мама сказала мне, что умрет в мае. Я была поражена: 5 мая скончался отец. Но время шло, и действительно мама (Анна Петровна Попова) умерла 14 мая 1977 года.

...Несмотря на все невзгоды и трудности, длительные командировки отца, ранение его на фронте, болезни мамы и наши отец и мама прожили достойную жизнь и оставили о себе добрую память в сердцах своих детей, родственников, друзей, подруг и сотрудников.

Приложения

Приложение 1

Попов В. Ф. К характеристике почв Усть-Сысольского уезда.

Очерк

Площадь Усть-Сысольского уезда, пространством около 134 918 квадратных верст, вся одинаково ровная, перерезана в разных направлениях многочисленными долинами рек и речек, переходящими в верховьях последних в овраги, иногда с довольно крутым наклоном боков, по дну которых текут большею частью пересыхающие летом ручейки. Северо-восточная граница уезда (с Тобольской губернией) тянется по части Уральского хребта, западные отроги которого расположены в припечорских волостях по правую сторону р. Печоры, не доходя до заселенных мест, приютившихся исключительно по течению этой реки. Затем по южной границе, то вдаваясь в уезд, то выходя за пределы его, ломаной линией тянутся незначительные волнообразные отроги Урало-Балтийской гряды, составляющей в этой части водораздел между камским и северо-двинским бассейнами. Остальные части уезда, представляя продолжение большой великороссийской низменности, переходящей, как известно на крайнем севере России в совершенно ровную площадь тундр, нигде не теряют основного равнинного характера, присущего упомянутой низменности.

Таким образом, площадь равнины уезда, состоит из ряда плоских возвышенностей, в несколько десятков и менее верст в окружности, со всех сторон понижающихся пологими уклонами и уступами к долинам рек и речек. Вся масса этих как бы плоскогорий представляет сплошное лесонасаждение. При этом более высокие сухие места заняты песчаными сосновыми борами; в этих местах, где к песку примешивается небольшой слой гумуса, преобладают смешанные породы (сосна, ель, пихта, осина, береза); в некоторых понижающихся частях плоскогорий расположены густые, мшистые, сырые и прохладные «пармы» с насаждениями крупной ели, пихты, осины и редкой березы; эти низины имея подобие плоскобоких котловин, представляют из себя естественно водоемы, питающие изобильное количество текучих вод уезда. Самые низкие, сырые места речных долин и отлогостей, с кислой почвой торфяников занимают болота с насаждением тощей ели и болотного березняка с гнилой сердцевиной. Кроме того в уезде встречаются небольшими участками сплошные насаждения не крупной березы с крайне редкой примесью пихты и осины. Такой характер лесонасаждения имеют места, некогда отводившиеся под полевое подсежное хозяйство.

Из общей площади уезда казне принадлежит около 67-70 %, каковое пространство почти сплошь занято лесами. Остальная часть уезда занята крестьянскими примежеванными дачами (около 580 тыс.десятин), находящимися с 1899 года на выкупе из крестьянских обществ, и землями города Усть-Сысольска и частных владельцев.

Заселенные места уезда исключительно расположены около рек и речек, представлявших когда-то единственные пути сообщения. Сообразно с этим, площадь разнообразных земельных угодий тянется по тому же течению рек и речек; при этом ровная поверхность дна широких речных долин, с разбросанными по ним многочисленными озерами, курьями, сырыми кочковатыми логам и низинами, занята исключительно лугами, или, по местному, «пожнями»; отлогие скаты и уступы долин отведены под запашку и полевую культуру; селениями заняты большей частью верхние края этих скатов, за которыми на самом плато местности, протянулись леса крестьянских примежеванных дач и казны.

Описанное сейчас положение лесов над речными долинами обуславливает двоякое значение и для полевой и луговой культур уезда, нашедших себе место по скатам и дну этих долин. Во-первых, леса, оттеняя снег и тем препятствуя раннему таянию их весной, обуславливают дружную и непрерывную оттайку с наступлением теплых дней с более повышенной и постоянной температурой, что влечет за собою широкие разливы рек, покрывающие собой большие площади дна речных долин – лугов, т.е. при достаточном количестве лесов большая часть лугов является заливными, что, как известно, обуславливает в свою очередь и большую степень урожайности их и несравненно лучшее качество сена.

Во-вторых, леса представляют из себя естественный регулятор атмосферной влаги, а отсюда вытекает значение их, как умерителя температурных колебаний, в резких своих проявлениях особенно присущих северу России. Значит, умеренность и постоянство климата в уезде во многом зависит от той или другой степени богатства его лесами. Доказательством этого положения служит неоднократно замеченное в неурожайные годы явление, когда участки засеянного поля, расположенные вблизи или внутри лесных площадей оставались неповрежденными морозам и давали обычный урожай.

Соответственно с указанным выше положением полевых земель по скату и уступам речных долин, наблюдаются и основные черты характера почвы их; поля, занимающие верхний край скатов, смежно с расположенными на высоких местах борами и лесами, имеют преимущественно песчаную и супесчаную почвы, здесь же кое-где небольшими участками проявляются мелкий подзол (беляк). В почве следующих затем полос, расположенных по средним частям скатов, преобладает легкий суглинок. При этом, чем

скат круче, тем суглинок обыкновенно тяжелее, но так как крутые (овражистые) скаты в местах заселения крайне редки, то и тяжелые суглинки нигде не встречаются настолько значительными площадями, чтобы они могли занять заметное место в классификации почв уезда. Эта часть пахотных земель более других культивирована и удобрена, содержит большой процент гумуса (перегноя), а поэтому является в виде хорошо-разработанного темно-серого суглинка, мелкокомковатого или мучнистого строения – почвой самой пригодной для культуры злаков в северном крае. Наконец, к суглинку пахотных земель, расположенных по нижнему краю скатов, в изобилии примешиваются торфяные части (болотный чернозем) дна речных долин, сообщая почве этих земель кислые свойства торфяников. Участки земель с такой почвой, без продолжительной культуры, устраняющей через постепенную осушку кислые свойства их, малопригодны для полевого хозяйства и легче приспособляются под луга в виде суходолов и болотных низин, с характерной для последних кормовой травой низшего сорта – осокой.

В общем, в районе культивируемых полевых земель преобладающим видом почвы являются легкосуглинковые образования, занимающие средние части скатов речных долин. Подпочву легких суглинков составляют более тяжелые суглинистые образования, а в верхних частях скатов подпочвой нередко служат супеси.

Для большей наглядности топографии почв и расположения культурных земельных угодий прилагается чертеж. Кроме песков, расположенных на высоких местах, покрытых боровыми насаждениями, в уезде заметную роль играют, так называемые «наносные» речные пески, составляющие самую распространенную почву лугов. Эта почва, так сказать, подвижная. Дело вот в чем. Все главные реки уезда (Вычегда, Сысола, Луза, Локчим, Вишера) имеют берега попеременно, то крутые, то понижающиеся в плоские песчаные мысы и отмели. Весеннее половодье, когда сильный напор воды создает чрезвычайно быстрое течение, в том или другом месте постоянно рвет высокий берег, засыпая песком противоположный. Этот нанос год от года постепенно утолщается, удаляется от реки и, покрывая растительностью, приобретает слой перегноя; таким образом, получается, так называемое «присыпное место». Иногда вследствие упора наносов, река меняет свое течение, разбрасывается на рукава и образует песчаные острова (как показано на чертеже); изредка пески отлагаются настолько большими сплошными пространствами, что река прорывает себе совершенно новое русло; а прежнее направление ее образует, так называемую «старицу», которая в конце концов принимает или вид длинного речного залива или озера, смотря потому один или оба конца ее засыпаются песком.

На присыпных местах первой растительностью является крайне неприхотливый к почве лопух; затем укореняется ива (тальник), которая своими длинными бичевидными корнями укрепляет и связывает вновь образованную массу наноса; потом уже появляется луговая растительность, годная к культуре (костер безостый, пырей, лисохвост и пр.).

Таким образом, вся масса образованных наносных присыпных мест состоит исключительно из песка, который сверху прикрывается слоем растительного перегноя, мощность которого бывает больше 3-х вершков. На вышеупомянутых реках есть покрытые уже крупным лесом, издавна образовавшиеся, острова, сплошь состоящие тоже из одного только наносного приречного песка, кроме верхнего слоя перегноя.

В заключение необходимо сказать, что большие массы песка, а, следовательно, и «присыпные места» находятся только по течению вышеназванных больших рек уезда, долина которых расширяется иногда верст на пять, на шесть и более. По рекам менее значительным и имеющим крутые и обрывистые берега, приречного песка встречается мало, и на образование наносов он никакого значения не имеет. Здесь река, выходя весной из своих крутобережных рамок заливают уже исключительно торфяные лога и низины.

По многочисленным же речкам и ручьям, текущим большею частью среди лесных трущоб, по дну долины в сотню-другую сажень шириной, песка и связанных с ним явлений, характерных для больших рек, уже совсем не наблюдается. Торфяники же в той или другой степени зрелости встречаются и здесь.

Такой в общих чертах рельеф поверхности Усть-Сысольского уезда и характер почвообразования.

Все заселенные места уезда пролежавшие, как было упомянуто выше, исключительно по течению рек и речек, обязательно имеют описанные выше основные черты почвенных наслоений, начиная от песков и супесей верхних частей речных долин, продолжаясь легко суглинковыми образованиями средних скатов и кончая болотным черноземом и торфяниками низин.

В. Ф. Попов. К характеристике почв Усть-Сысольского уезда. Очерк.

В. Устюг, тип. П. Н. Лагирева, 1897. 16.

Очерк удостоен золотой медали на Всероссийской сельскохозяйственной выставке

в 1895 г.

В-й П. Ф. (Попов В. Ф.). Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда

«Двое – всегда двое», говорит зырянин, желая выразить ту же идею, которая влагается во всякую кооперацию, руководит всякой сознательной организацией, как для общей работы и совместной борьбы за сосуществование, так и для удовлетворения широких эксплуататорских appetитов и вожделений. По сие время прочно и сильно сидит в зырянине эта идея взаимопомощи, потребность общих коллективных усилий в борьбе с окружающей обстановкой за право жизнеспособности. А борьба эта нелегка. Зыряне Усть-Сысольского уезда расселились в самой неблагоприятной в климатическом отношении северо-восточной окраине Вологодской губернии в числе около 190 тысяч душ обоего пола. Природа здесь крайне суровая. Зимняя температура обыкновенно понижается до -30-35°. Зима начинается с половины октября, а вскрытие рек происходит во второй половине апреля, захватывая иногда и первые числа «ароматного мая». Заморозки, жестокие утренники и снег – явления обычные в первой половине этого месяца. В августовские ночи нередко замерзает грязь до такой степени, что свободно поднимает лошадь и гулко отдается под колесами зырянской двухколески. Зимние снега достигают двухаршинной глубины, а в заносах и сугробах и того более. Все это соединяется с малопродуктивной и уже отчасти истощенной почвой территории, где супеси, подзол и торфяные болота являются преобладающими, только лишь перемежаясь легко-суглинковыми образованиями, занимающими средние скаты и уступы речных долин.

Описанные сейчас естественные условия, представляя среду крайне неблагоприятную для сельскохозяйственной культуры, долго держали зырян в состоянии полудикого племени, для которого охота, рыбная ловля и лесные промыслы служили главными источниками жизни. С другой стороны, развитию последних первобытных факторов жизнеспособности отлично отвечали те же природные свойства занятой зырянами территории, представляющей сплошное лесонасаждение с нетронутыми девственными тучищами, куда редко ступала нога человека. Леса эти изобиловали ценным пушным зверем и птицей, из которых белка и рябчик имели постоянно обеспеченный сбыт. Многочисленные реки и озера кишели рыбкой, которая доставляла в изобилии питательной пищевой продукт. Зато в годы, плохие для охотничьих и рыбных промыслов, зырянину приходилось бедствовать не в шутку. Вероятно, в такую пору

зырянин и научился употреблять пихтовую кору в смеси с ячменной мукой, и эти же неудачи заставили его взяться за соху, чтобы иметь лишний ресурс жизни. Но и с прибавкой этого ресурса нелегко приходилось зырянину: суровый климат, утренники и заморозки годами не дают дозреть даже все выносящему северному ячменю, осложняя и без того трудную для зырянина борьбу за существование.

Надо полагать, что в перипетиях этой борьбы, под давлением неумолимых жизненных запросов и сложился тот бескорыстно-услужливый, с глубоко коренящейся идеей взаимопомощи тип зырянина, который наблюдается и поныне. Жизнь подсказывала ему, что без дружных, коллективных усилий борьба с окружающими условиями будет не по силам, а неуловимо-сложные психические процессы, происходящие в глубине души народных масс, помогли выработать установившиеся формы взаимопомощи, постепенно применяющиеся формы взаимопомощи к наличным жизненным условиям, по мере видоизменения и эволюции последних.

Влияние этого уклада жизни, выработавшегося с незапамятных времен, чрезвычайно широко и прочно. Оно распространяется на все более важные формы и проявления быта, несмотря на то, что зырянин уже сильно тронут «культурой», уже почти утратил типичные черты охотника-лесовика и быстро идет по пути слияния с русскими, теряя свой язык, поверья, свою национальную одежду и т.п. Поглощению зырян русскими, кроме известного исторического общего закона ассимиляции народностей, бесспорно сильно способствовали и способствуют и некоторые стороны правительственной регламентации их социальной жизни. В этом отношении зыряне, кажется, никогда не были выделяемы правительством от соседнего русского населения, а реформы Александра II коснулись их почти в совершенно равной мере с окружающим русским населением. У зырян были введены и мировые посредники, позже – судебно-мировой институт, и земство, и городское, и крестьянское самоуправление на общих по всей империи основаниях. В последнее время (с 1899 г.) в Усть-Сысольском уезде начали действовать крестьянские учреждения по закону 12 июля 1889 г., а с 1900 г. введены судебные учреждения по уставам Александра II, исключая суд присяжных, вопрос о введении которого, судя по последним сведениям, уже поставлен на очередь в правительственных сферах. Все это привело к тому, что в настоящее время зырян можно встретить почти на всех поприщах общественной и служебной деятельности, особенно в их родном краю: нам известны зыряне судьи, священники, врачи, фельдшера, учителя, полицейские чиновники и т.д., не говоря уже о массе зырян, занимающих выборные должности в земстве, в городском и крестьянском самоуправлении, о купцах, торговцах, мелких заводчиках, ремесленниках, писарях.

Весь этот «культурный» класс зырян ничем почти не отличается – или старается не отличаться – по наружности такого же класса русских; иногда стыдится своего жаргона, своих национальных черт, хотя в то же время без крайней необходимости не разрывают ни с земельно-хозяйственной, ни с промысловой жизнью своих сородичей; часто оставаясь, подобно им, и землепашцем-общественником и даже промышленником-звероловом.

И вот, несмотря на такие «завоевания культуры», земельному и промысловому укладу жизни зырянина по сие время в сильнейшей мере присущи идея бескорыстной взаимопомощи, идея общности, способы коллективной борьбы с окружающей обстановкой и жизненными условиями. В предлагаемом очерке мы оставляем совершенно в стороне философскую – если можно так выразиться – сторону вопроса, а потому не будем строить никаких теорий об условиях возникновения, существования и исчезновения этого уклада жизни. Мы дадим факты, отметим их распространенность, их устойчивость при данных условиях жизни зырянина; обрисует в нужной мере эти условия – и только. Пророчество же о жизненности этих условий, а, следовательно, о жизненности и самих фактов, предоставляем пока тем, кому дан дар предвидения... Мы ограничимся рассмотрением вопросов форм взаимопомощи исключительно в области земледельческого хозяйства, не касаясь взаимопомощи в области промысловой жизни зырянина в сфере так сказать, общехозяйственной.

* * *

Земельная культура заняла в последних двух-трех десятилетиях первенствующее место в ряду других экономических факторов жизни зырянина, в то время, как коренной, излюбленный охотничий промысел его проявляет ясно выраженную тенденцию упадка и сокращения, что обуславливается уменьшением дичи и зверя в беспощадно истребляемых лесах. Земельно-хозяйственный быт зырянина представляет чрезвычайно интересную и своеобразную картину, вполне заслуживающую особого подробного изучения, тем более, что по всем признакам земледельческой культуре здесь должно принадлежать будущее, несмотря на северное положение оседлости зырянина. Для ясности дальнейшего изложения нам придется, хотя в самых кратких чертах, коснуться более характерных и оригинальных сторон этой культуры.

Зыряне никогда не знали крепостного права и числились государственными крестьянами. Поземельного устройства у них по сие время не было, и они продолжают владеть теми участками земли, которые им были нарезаны при генеральном межевании. С уничтожением подушной подати – с 1887 года – они платят за эти наделы

приблизительные выкупные платежи, причем пользование лесом из нарезанных дач допускается за особо насчитываемый «лесной налог».

Когда началась и как сложилась у зырян общественная земельно-хозяйственная жизнь – неизвестно. Можно только с полной уверенностью сказать, что нынешним порядком землепользования предшествовал долгий период посемейного владения теми участками земли, на расчистку и разработку которых каждая данная семья прилагала свой непосредственный труд.⁸⁶ К такому заключению приводит и то обстоятельство, что по сие время, наряду с общинным укладом землепользования, с его трехпольем, у зырян практикуется несколько видов земельного хозяйства, например, подсечное и переложное, залежное, в которых посемейная форма владения выступает почти целиком в своем первобытном, нетронутым виде, весьма мало подчиняясь регламентирующим притязаниям общины. При этом совершенно свободным остался и первоначальный захватный способ приобретения земельных участков, право владения которыми обуславливается единственно тем или другим количеством труда, вложенного на разработку их. И сейчас всякая зырянская семья может облюбовать какой угодно кусок свободной земли и разработать его под новину (подсеку), пустить в залеж и, наконец, ввести в оборот своего трехполя. При этом семья никому не платит за эту землю ни копейки, и пользование ею, как уже мы сказали, свободно от всяких регламентаций со стороны «деревни» или общины.

Такие порядки, конечно, представляют остаток от той эпохи, когда зырянин, окруженный своими девственными лесными труппами, кишачими дорогим пушным зверем и птицей, свободным хозяином разгуливал в этих лесах и оттуда добывал свой главный ресурс жизни; разработкой же земли, втуне лежавшей огромными целинными площадями, занимался из охоты, выбирая для распашки самые тучные участки, с толстым слоем палого листа-перегноя, со скатом на юго-запад, с которых получал баснословные урожаи, доходившие, если верить старожилам, до сам-100 и более. Вероятно, охотой, рыбной ловлей и небольшим семейным хозяйством исчерпывались тогда все стороны жизни этого, в то время еще полудикого племени, проводившего большую половину своей жизни в лесу и на воде, в непосредственном общении с природой.

Девятая и десятая ревизии (1848 г. и 1858 г.) застают уже у зырян, кроме семейных участков, общественную, «мирскую» землю, которая при последней ревизии и была разверстана по «ревизским» (т.е. тогда наличным) душам мужского пола. С этого времени

⁸⁶ Это тот период владения землей, который известным исследователем русской земельной общины г. В. В[оронцовым] назван индивидуальным, предшествовавшим общинному землепользованию на севере и в некоторых центральных местностях России (В. В. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики // Крестьянская община. Гл. I. С. I).

зырянские земельные общины жили и развивались очень неравномерно. Некоторые из сельских обществ – очень малое число – в земельно-хозяйственном отношении не подвинулись почти ни на шаг: нетронутыми остаются результаты распределения земли, произведенного при ревизии, исключая выделов подростшим сыновьям, попавшим в ревизские сказки; сельское общество, поселения и деревни которого искусственно соединены в одну административную единицу и не имеют никаких точек соприкосновения на земельно-хозяйственной почве, продолжают выражать собой и земельную единицу – общину.⁸⁷ Но и здесь начинает проявляться и крепнуть стремление приравнять наделы к нынешнему наличному составу семей, хотя это стремление, которому изо всех сил противодействуют семьи, сидящие на больших наделах, не получает еще определенного удовлетворения, осуществляясь лишь редкими примерами отвода земель у малосемейных.

Другие общества давно уже уступили давлению изменившегося наличного состава семей, и в них подрастающее поколение по возможности, наделяется участками из мирской старинной земли. Для этой цели здесь ревизская душа раздроблена на части – 1/2, 1/4, 1/6 и 1/16, – которым соответствует более или менее точно установленное количество земли.

Однако определенной системы разверсток, строго-установленного объекта земельной единицы (который продолжает выражаться в «ревизской душе») этими общинами еще не создано, и переходы земель происходят в них вразброд, частными, единичными примерами. По мере слишком ярко и рельефно выразившихся неравномерностей в землераспределении. Из этих общин некоторые приводили в известность свои земли уже после X ревизии и довольно точно установили соотношение между землею и частями ревизской души; другие, не мерявшие земель, определяют это соотношение приблизительно, наугад, по соображениям более «ходовых» членов общины. Но в этих общинах, конечно, далеко не слажена и не уравновешена вся, накопившаяся за долгий период времени, неравномерность в землепользовании между отдельными семьями, а потому здесь идет постоянная упорная борьба на почве споров о землераспределении. Есть уже масса членов, вкусивших сладкие плоды более равномерной разверстки земли и видящих в распределении ее по едокам конечный пункт своих вождлений. И надо признать, что победа их несомненна в самом ближайшем будущем.

⁸⁷ Необходимо отметить, что масса зырянских земельных общин образовалась путем простого отделения от того сельского общества, с которым они по плану генерального межевания составляют одно целое. Это довольно сложная история, имеющая свои особые причины, касаться которых мы здесь не будем.

Наконец, большая часть зырянских общин успела уже пережить эти фазисы колебаний и неопределенного состояния земельно-хозяйственной жизни и переделала свои земли по наличным душам – «едокам». Пахотные и сенокосные угодья этих общин, подлежащие разверстке, точно обмеряны, разделены по сортам и включены в землеописные книги, данные которых и служат неоспоримыми документами при частных уравнениях земельных угодий. Все такие общины с землераспределением по ревизским душам прямо перешли к разверстке по наличным членам обою пола. Это явление наблюдается у зырян повсеместно и, видимо, есть отголосок независимости и равноправности женщины-зырянки в области земледельческого и, вообще, физического труда мало чем уступающей своей бородатой половине.

В описываемых общинах установлены точные сроки для дальнейших переделов земли, определено понятие «едок», которым иные общины признают всякого наличного члена, иные – начиная только с годового возраста, иные – трехгодового и т.д. до пяти лет. Пятилетний возраст составляет maximum, наблюдающийся, впрочем, весьма редко. При более длинных сроках, установленных для коренных переделов, практикуется ежегодное уравнение земель (скидка и накидка) соответственно изменившемуся за год наличному составу семей. Такова в самых общих чертах картина зырянских земельно-хозяйственных распорядков. Весь этот уклад применим исключительно только к общественной, мирской земле, издавна культивированной, семейное право на которую утратилось в эпоху седой старины.

На пахотной мирской земле повсеместно у зырян практикуется трехполье с озимью (рожь) на пар и яровым на обязательное удобрение. На подсеках и залежах, о которых мы упоминали выше, определенного общего севооборота хозяйства не соблюдается, а каждая семья пользуется такие участки самостоятельно, как собственные, не заботясь об одновременности с другими периодом засева, пара и т.п., то есть не подчиняясь никаким общинно-хозяйственным расчетам и порядкам полеводства.

Подсечная и залежная форма хозяйства очень недавно занимали в земельном быту зырянина весьма видное место, ибо наделы общественной мирской пахоты у них чрезвычайно малы (например, средняя цифра их для зырян Устьсысольского уезда около 1300 квадр. саж. на ревизскую душу, или на 2-3 наличных едоков), и подсеки с перелогам представляли из себя крупное дополнение к мирским участкам. Естественный прирост населения прямо обуславливал крайне усиленную заемку и разработку подходящих целинных земель под залежь и подсеку, так что уже несколько десятков лет тому назад стал чувствоваться недостаток подобных земель, дошедший в последнее время по некоторым местам до полного исчезновения их. Таким образом, дальнейшему

расширению подсечно-переложного хозяйства явился неизбывный предел. Это привело к необходимости более рациональной разработке уже использованных в разное время земель, с закладкой на них удобрений и с вводом их, при удобном для этого местоположении, в правильный трехпольный севооборот хозяйства семьи. Такое расширение полеводства, в свою очередь, необходимо требовало усиления удобрительских сил хозяйства, ибо использованные раньше земли, без достаточной периодической закладки удобрения, не стоило бы разрабатывать. Единственный путь к этому представляло расширение луговых земель или увеличение кормовых средств хозяйства, чтобы можно было увеличить количество скота, навоз от которого является у зырян единственным удобрительным продуктом. И вот с семидесятых годов среди зырян проявляется сильнейшее стремление к расширению лугового хозяйства, путем разработки под луга подходящих мест в крестьянских прибрежных дачах. Стремление это, при условии широкого применения взаимопомощи в форме помочей, осуществлялось настолько интенсивно, что явилась даже необходимость в крайне непопулярной в быту земледельца-зырянина письменной регламентации этого дела. Регламентация эта, главным образом, выражалась в установке точно определенных сроков безраздельного пользования семьи вновь разработанными лугами, в выдаче разрешительных общинных приговоров на производство расчистки известного участка и в записи в особо заведенную книгу границ и местоположения новых заимок. Обычным и самым распространенным сроком льготного пользования является 40-летний. Затем, нам известны шесть случаев установления вечного срока и один 60-летнего.

Разработка лугов производится по логом и болотным низинам широких речных долин, заливаемых в весеннее половодье, по ложбинам мелких рек и речек и т.п. Такие места представляют обыкновенно густые, непроходимые заросли с насаждением разных малоценных пород леса. Здесь осина, береза, и болотная ель переплетаются с рябиной, ольхой и липой; внизу сплошным ковром расстилаются ягодные кустарники – смородинники, малинники, калина, жимолость, шиповник. Для приведения таких мест, особенно с более крупным лесонасаждением, в сколько-нибудь пригодный для пользования в качестве луга вид, требуется громадный труд, усчитываемый десятками годов, если бы вести дело единичными силами семьи. Срубка и уборка леса в костры, корчевание пней, выламыванье корней и уборка старого «лежняка» составляют капитальнейшую часть работы, которая выполняется семьей в продолжении 5-10 лет, благодаря лишь помочам, практикующимся в этом деле повсеместно и чрезвычайно широко.

На помочи для рубки и уборки леса, сзываемые обыкновенно в начале осени, после окончания жатвы, собирается самый разнообразный по работоспособности народ. Не говоря уже о женщинах, здесь в большом числе участвуют и мальчики-подростки, начиная с 12-15 лет. Они вырубают, рвут с корнями и прямо охапками стаскивают к кострам кустарниковые заросли и разный мелкий молодняк. Взрослые помочане заняты рубкой и уборкой более крупного леса, выделением и распилкой из него слег для дров и т.п. Работа идет дружно, шумно, при общих шутках и прибаутках. Когда собранный в костры лес высохнет, т.е. в следующую осень, костры палят, выбирая для этого безветренную и облачную пору. Эта работа выполнима силами одной семьи, при чем наблюдается только, чтобы огонь не распространился куда не следует. После этой процедуры «луг» представляет из себя сырое, кочковатое, кое-где спаленное, кое-где щетинящееся выбивающимся вновь молодняком леса и кустарника, сплошь усеянное массой пней и пестрящее пучками жесткой травы, выступающей на верхушках кочек. До образа, мало-мальски напоминающего «луговое угодье», ему еще далеко. Лет через 6-8, когда корни оставшихся пней подгниют, их корчуют; самые корни выкапывают и выбирают также старый лежняк, т.е. свалывшийся веками и ушедший глубоко в болотную почву лес. Все это опять собирают в костры, которые по мере высыхания жгут. Корчевание и уборка пней и лежняка – чрезвычайно трудная и грязная работа, выполняемая обязательно помочами, на которые созывается лишь взрослое рабочее население. Полуобгорелые, обуглившиеся пни и корни, скользкий, покрытый слоем болотного ила, лежняк беспощадно грязнят и марают все тело рабочего люда, который в своих, что ни на есть худших одежонках, покрытый потом, копотью, сажей и грязью, представляет на этой работе таких существ, что сами зыряне говорят: «Не дай Бог увидеть такого в лесу».

Вся «помочь» после этой работы, по приходе домой, обчищается и обмывается в банях и только уже после того идет на ужин к пригласившей их семье. Во время ужина распивается четверть или две водки и по мере души «самокур»⁸⁸, заблаговременно припасенный семьей на этот случай. При этом сначала, должно быть для «возбуждения аппетита», обносится чайными стаканами или чашками русская водка, а затем уже распивается самокур, который любители зачастую пьют ковшами. К концу ужина вся помочь, не исключая и женщин, хмелеет и с песнями разбредается по домам. Это, насколько нам известно, единственные в быту зырянина помочи, которые обязательно сопровождаются угощением от семьи.

⁸⁸ Самокур – самодельная зырянская хлебная водка крепостью в 15-20°, выкуриваемая тайно, без дозволения правительства

Взаимопомощь при разработке лугов, ведущая к сильнейшей экономизации работоспособности семьи, помогает зырянам справляться с тем земельно-хозяйственным кризисом, который ясно выразился и осязательно стал чувствоваться ими с исчезновением свободных целинных мест для подсечного и переложного хозяйств с одновременным этому заметным упадком местного промыслового фактора жизнеспособности – охоты, упадком, постепенного прогрессирующим и обуславливающимся уменьшением дичи и зверя, вследствие сокращения лесных пространств через усиленную рубку для заграничного отпуска и учащающиеся лесные пожары.

Увеличение площади лугов дает возможность семье прибавить количество содержимого ею скота, получить большее количество навоза и, таким образом, увеличить удобряемую площадь посева. В виду этого, вопрос о расширении лугов занял в земельном быту зырянина кардинальную роль, благодаря чему и явилась вышеупомянутая нами регламентация в производстве луговых росчистей, регламентация имеющая исключительно смысл охраны и гарантии для каждого в использовании результатов его труда. При этом точное определение сроков для безраздельного пользования семьи лугами-росчистями, удлинение их, как было указано выше, до 60 лет и установление вечного срока являются кроме того мерами чисто поощрительными, практикуемыми общиной вполне сознательно, с ясным пониманием того положения дела, которым обуславливается переживаемый зырянами земельно-хозяйственный кризис. Такие меры, как уже было сказано, дают каждой семье верную гарантию за приложенный усиленный труд по разработке лугов, почему семья, помимо помочей, пользуется каждым подходящим свободным днем в тех же целях расширения и улучшения своих луговых угодий. Разработка лугов в последние десятилетия велась зырянами настолько усиленно, что теперь невозможно найти ни одной семьи (исключая, конечно, бобылей и захудалых вдов), у которой не было того или другого количества росчистей-лугов, причем у огромного большинства семей росчисти дают большую часть сена, сравнительно с надельными мирскими лугами.⁸⁹

В видах того же расширения луговых земель, зыряне выработали еще одну обычную форму коллективного труда, это – осушка больших болотно-лесистых пространств, предполагаемых к расчистке под луг, соединенными силами или нескольких

⁸⁹ Здесь стоит отметить еще такой факт. По обследованию, произведенному в 1894-95 гг. усть-сысольским земством, оказалось, что у зырян Усть-Сысольского уезда в районе некоторых крестьянских дач начинает ощущаться уже сильный недостаток подходящих мест для разработки лугов. Это обстоятельство побудило земство в 1896 году выйти к правительству с мотивированным ходатайством о разрешении зырянам производства льготных росчистей в казенных дачах, по течению многочисленных рек и речек, где лесонасаждение не имеет для казны никакой ценности. Это ходатайство министерством земледелия было принято очень сочувственно, но окончательного разрешения не получили.

семейств, или целой деревни, или даже нескольких деревень. Общая работа в этом случае состоит в прорытии канав, которые не только вели бы к прямой своей цели – осушению болота, но обуславливали бы направление упора воды в весеннее половодье по предназначенному к расчистке пространству. Вешняя вода, прорвавшаяся по такой низине, сильно реагирует на кислые свойства торфяной почвы болот и в год-два настолько улучшает последнюю, что характерная для них низкокачественная травяная растительность (осока и багульник) заметно начинает уступать свое место злакам более высоких видов.

При общении сил для подобной работы берется в расчет величина пространства осушаемого района с тем, чтобы все участники этого коллективного труда могли иметь в нем пай для дальнейшей разработки луга, т.е. пропорционально данному пространству осушаемого места происходит соединение отдельных семей. Чем больше намеченный район, тем большее количество семей сговариваются на общую работу. Нам известен случай подобной осушительной работы, для которой соединились две большие соседние деревни (в обеих около 160 семей) и вырыли в различных направлениях канавы шириной и глубиной от 1 ½ до 2-х аршин и длиной в общей сложности до 20 сажень.

Всякие мелкие счета и расчеты таким кооперациям труда вполне чужды. Каждая семья отряжает сюда работника, сообразуясь со своей наличной работоспособностью: тут по мере сил и умения трудятся от семьи и женщины, и дети-подростки. Никто количество труда отдельной семьи не усчитывает, равным образом, никакая семья, имея известное количество наличных рабочих сил, не решится скрыть их и употребить на другое дело. Каждый работает здесь для всех и все для каждого, не нуждаясь ни в контроле, ни в понукании.

Вслед за сим, уместно будет сказать, что помочи, вполне аналогичные с вышеописанными, созываемые для производства луговых рощистей, часто формируются и при разработке полевых угодий из под лесистых пространств. Всякий разрабатываемый полевой участок сначала пускается под подсеку, причем все пни и корни остаются на месте, ибо подсека никогда не распахивается, а только после засева разделяется особо устроенными боронами, успешно действующими на этом оригинальном поле. При желании же дальнейшей разработки такого участка под залежь или постоянную пашню, является необходимость выкорчевывания пней и уборки корней. При этой работе и практикуются помочи, если сама семья не имеет почему-либо возможности своевременно справиться с ней.

Помочи для жатвы и косьбы, весьма распространенные в быту русского крестьянства и неоднократно описывавшиеся в литературе, у коренного зырянского

населения практикуются очень мало. По нашему мнению, распространение их, во-первых, имеет достаточного *raison d'être*, ибо, при своем небольшом земельном хозяйстве, трудолюбивая зырянская семья свободно управляет с косью и жатвой; во-вторых же, зырянин, зная высокую для него «трудовую ценность» каждого зерна и каждой травинки, недолгобливает таких помочей, ибо помочане, во всяком случае, не будучи настолько щепетильны и аккуратны в работе, как сам хозяин, могут причинить излишний убыток своей сравнительной небрежностью при уборке хлеба или сена.

Однако этот разряд помочей весьма обычен у городских и пригородных зырян, у которых в то же время вышеописанные, так сказать, более ценные формы взаимопомощи почти отсутствуют, заменяясь в нужных случаях наемным трудом. В этом деле, конечно, главную роль играет несколько иная обстановка быта городского и пригородного населения, в значительной мере потерявшего жизненные связи с землей, направившего свои вожеления на иные экономические факторы жизнеспособности.

Внешняя сторона помочей для жатвы и косьбы, насколько нам известно, ничем не отличается от русских. Сзываются они также, в большинстве случаев, в праздничный день; участниками является преимущественно молодежь обоего пола и т. д. Здесь, у городских и пригородных зырян, ближайшим стимулом общения сил является уже прямой расчет того или другого рода (возможность выпить на чужой счет, желание молодежи повеселиться и побыть вместе и т.п.), а далеко не одно бескорыстное побуждение и стремление каждого помочь сообщественнику, делящему с ним жизненный путь в той же обстановке и в тех же тяжелых бытовых условиях.

Из прочих видов взаимопомощи, относящихся к земельно-хозяйственному быту зырян, необходимо еще остановиться на организации работы по вывозке на поля удобрения – навоза, накапливаемого в хлевах при зимнем содержании скота.

Употребление удобрения вошло у зырян в обычай, очевидно, вместе с зарождением трехпольной системы хозяйства, то есть очень давно. Кстати сказать, зырянское трехполье имеет ту оригинальную черту, что здесь удобряется участок, идущий под яровой хлеб, озимь же (рожь) сеется на ежегодный неудобренный пар, распахиваемый три или четыре раза.⁹⁰ Удобрением служит, как уже отмечалось выше, почти исключительно навоз.

У зырян повсеместно установилась осенняя вывозка навоза, по первому снегу и большею частью уже по замерзании земли. Навоз складывается на полях небольшими, пудов по 5 кучками, которые весной много теряют из своих удобрительных сил, потому

⁹⁰ В нашу задачу не входит вопрос о том, какие местные условия обуславливают такой порядок в системе полеводства. Скажем только, что основная причина его заключается в большом преобладании в районе зырянского заселения супесчаных и подзолистых почв, малая производительность которых без закладки удобрения способна дать весьма низкие урожаи хлебов с однолетним вегетационным периодом.

что более наружные слои навозной кучи, оттаяв раньше земли, размываются снеговой водой и выветриваются. Однако, несмотря на такие потери в навозе, - потери, количество и характер которых зыряне отлично сознают, они все же держатся осенней вывозки.

Обусловливается этот убыточный для полеводства обычай всем складом земельной и хозяйственной жизни зырянина и устраним лишь с коренным изменением и улучшением его бытовых форм. Достаточно сказать, что осенние вывозки по снегу дешевле, удобнее и успешнее весенней; весной, когда рабочий скот, вследствие повсеместного истощения кормов, значительно обессиливается, и когда предстоит масса других спешных работ по хозяйству, зырянин с трудом управляется лишь с яровым посевом. Потом, существенным препятствием для весенней вывозки навоза служит чрезполостность полевых угодий и, наконец, к осенней вывозке приноровлены помочи, экономизирующие массу времени и рабочих сил и при данных бытовых условиях невозможные в весеннюю пору.

Помочи для вывозки навоза местами составляют у зырян можно сказать, правило, редким исключением из которого будет служить одиночный труд семьи в этом деле. Помочи эти организуются в пределах или одной деревни, или нескольких, но близко расположенных друг от друга. На эту работу половина участников-домохозяев идет, во-первых, лично, в качестве укладчиков навоза, и, во-вторых, в то же время дает лошадь и подростка-ямщика; а другая половина участвует уже только этими последними элементами рабочей силы, т.е. лошадью и ямщиком. Такой порядок практикуется в виду того необходимого уравновешения рабочих сил, по которому на каждого кладчика полагается две лошади для возки. Количество созываемого каждой семьей народа обязательно сообразуется с тем, чтобы вывозка в день могла быть окончена. Работа начинается очень рано – часа в 2-3 утра, при огне и при огне же, благодаря короткому осеннему дню, кончается. Помочанам полагается от семьи обед (часов в 9-10 утра) и ужин по окончании работы, изготовленный сравнительно более сытно. Водочные угощения при этом если и бывают, то в очень ограниченном размере, не больше как по стакану на человека. Кормежка лошадей относится уже на счет самих участников – помочан.

Здесь необходимо отметить, что помочи эти требуют от семьи обязательной отработки и, по возможности, в мере участия каждого помочанина. Однако, при невозможности по какому-либо неизбежному случаю отработки личным трудом или за кладчика, или за лошадь, или за ямщика, или даже за всех вместе, денежная оплата никогда не требуется и не практикуется. Обычно, в таких случаях вопрос об отработке совсем устраняется, если только семья сама вполне добровольно не отработает труд помочанина на ином каком-нибудь подручном деле.

В виде заключения скажу еще несколько слов об артелях, организуемых для разработки дальних (полевых) подсек, которые закладываются обыкновенно в казенных лесах и большею частью тайно, т.е. без выправки билетов. Артели в этом случае образуются из нескольких семей, находящихся или в родстве, или в особо дружеских отношениях, что обуславливается единственно необходимостью скрыть это дело от лишних посторонних глаз. На выбранных местах, замечаемых обыкновенно при охотничьих скитаниях, в первую весну вырубается и собирается в костры лес. На следующий год, под осень, костры палят и прямо «на пал» сеют рожь, заделывая посев особыми, тут же устраиваемыми боронами.⁹¹ Выжатый хлеб складывается в скирды и хранится на подсеке до начала зимы, когда, по первопутку, вывозится к дому и здесь обмолачивается. Все эти работы выполняются чисто артельным, общим трудом соединенных семей. В дележ поступают или снопы или обмолоченное уже зерно. Весь урожай делится равномерно по числу семей участников артели.

Дальнее подсечное хозяйство в районе казенных земель (иногда верст за 50-80 от селений) еще лет 10-15 тому назад играло огромную роль в деле обеспечения зырян УстьСысольского уезда своим хлебом. Но настойчивые преследования лесной администрацией разработки таких самовольных подсек, в связи с некоторыми изменениями в экономическом укладе жизни, сильно сократили эту сторону хозяйства зырянина.

Правда, разработка подсек при известных условиях и за определенную плату с каждого урожая дозволялась на основании специальных правил до самого последнего времени, – пока уезд не был поставлен в число подлежащих заселению пришлым элементом. Но правила эти, будучи чисто кабинетным измышлением, совсем не подходили к земельно-хозяйственным и бытовым условиям зырянина-земледелца, а потому практическое применение их сказывалось весьма ничтожными результатами и в конце концов свелось на нет.

Естественным последствием всего этого было сокращение наличности своего хлеба у зырянина, что, в свою очередь, повело к возрождению и расширению иных – промысловых – факторов жизнеспособности, создающих значительные перестановки в экономике этой народности.

Народное хозяйство. 1903. № 9-10. С. 114-128.

⁹¹ Бывает изредка, что на подсеке засевают яровую рожь (ярицу). В этом случае сжигание костров происходит весной, перед посевом.

Ценский В. (Попов В. Ф.). Усть-Сысольские письма

Письмо первое

Я право не знаю, последует ли за этим «первым» письмом второе. Город, из которого я пишу, настолько мал, настолько глух и мертв, что может быть только приезд нового Ивана Александровича Хлестакова и мог бы его встряхнуть. Я даже подозреваю, не Усть-Сысольск ли имел в виду Гоголь при создании своей бессмертной комедии. Ведь, и в самом деле отсюда именно «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Вот только Бобчинский и Добчинский несколько смущают меня: они, по Гоголю, были помещики (хотя и захудалые), а здесь их, т.е. помещиков не бывало и нет. Но, с другой стороны, можно ведь их отнести и на счет авторской фантазии...

Какие же, спрашивается, при этих условиях могут быть темы для усть-сысольского бытописателя.

Нравы и типы, современные Гоголю, сохраняются здесь почти во всей своей девственной красе. Их не берут никакие «тлетворные влияния». Они, очевидно, не подвержены тлению, и мимо них идет всеокрушающее действие времени.

Итак, что же я могу и дерзну написать после Гоголевского пера? Новый Иван Александрович не едет, а блаженной памяти Антоны Антоновичи, Луки Лукичи и прочие почтенные персонажи настолько хорошо и свежо выглядят в том правительственном спирту, который называется бюрократическим строем, что так и ждешь соответственных реплик. Даже оторопь берет...

Соображения эти смущают меня крайне сильно, и вот почему я выше сказал, что не могу ручаться, что это первое письмо не будет и последним. Может случиться, что все интересное, заслуживающее печатного станка и относящееся так или иначе к прямой теме моих писем и уложится в это, первое из них.

Однако, скажем несколько слов о здешнем житье-бытье. Вниманию знающих только «краткие учебники географии» надо будет сообщить, что г. Усть-Сысольск есть административный и «культурный» (последнее хоть и в кавычках) центр зырянского края. Коренное население в нем сплошь зыряне, племя, как единогласно утверждают всякие признанные и непризнанные этнографы, весьма способное и восприимчивое ко всем благам цивилизации. (Здесь опять придется оговориться: я, со своей стороны, из своего, правда недолгого знакомства с этой народностью вынес – и, должно быть, вопреки г.г. этнографам – такое впечатление, что зырянам, как говорится, пороку не выдумать: они

только копировщики, может быть, даже и хорошие, но отнюдь не творцы и изобретатели). Это коренное население в Усть-Сысольске представляет из себя то, что на русском языке носит характерное название обывателя. А как известно, обыватель у нас в России есть лишь объект, жертва всевозможных (вплоть до плетей и пуль!) цивилизаторских экспериментов, чинимых над ним и большим, и средним, и маленьким начальством, – причем оный обыватель в признательность за эти начальнические труды и попечения обязывается: в нужное время благоговеть и благодарить, всегда повиноваться и... молчать» (Последнее выражение чисто русское, национальное, и благ, соединенных с ним, другие европейские народы не знают. Бедные!..)

Начальство же, эта соль земли усть-сысольской, эти попечители, ревнители и старатели о душе и телесах обывательских, почти сплошь пришлое. Но оно, в то время, настолько вошло во вкус «местных» нужд и потребностей, в круг «вверенного» дела, настолько прониклось служебной субординацией и интересами формулярного списка, что дальше Усть-Сысольска ни знать, ни ведать ничего не хочет. Ну, при этом само собой разумеется, обывателю ведать и знать и сам Бог не велел: выше лба уши не растут, и вне начальства нет спасения. И вот получается чисто российская идиллия с благорастворением воздуха, с изобилием плодов земных и с сугубо мирными временами...

В состоянии этой идиллии мы проспали все, что пережила и переживает Россия, в муках, в крови и в слезах возрождающаяся для новой жизни. Мимо нас прошла «чаша сия»: наши суконные сердца не дрогнули, и наши медные лбы даже не покраснели от волнения.

«Все обстоит благополучно». Эту российскую формулу с полным правом, в полном объеме и безо всякой иронии может провозгласить тот, кому сие в Усть-Сысольске приличествует.

Однако... однако..., несмотря на все «благополучие» и «мирные времена» и Усть-Сысольск оказался к новому 1906 году с подарком. Не знаю, чем мы согрешили перед Богом и правительством, но с 1 января у нас введена целая армия полицейских стражников, что-то около 40 или 50 человек. Мы с подобающим смирением приняли этот дар и, конечно, преисполнены благодарности правительству за его заботы и за то, что из 24 миллионов рублей, ассигнованных в сем году на усиление в империи полицейской стражи, малая толика хотя и в виде стражнических нагаек пришлась и на наш забытый (как мы ошибочно думали) попечительным правительством край. Правда, была сделана несмелая попытка отнекаться от этого новогоднего подарка: на заседании местной городской думы, 11 прошлого декабря, гласный В.Ф. Попов предлагал высказаться от

лица думы о совершенной ненадобности здесь почтенной армии стражников и о целесообразности употребить долженствующие идти на них средства на иные «вопиющие нужды края». Но председатель Думы (городской голова Тебельков) не разрешил даже входить в обсуждение этого предложения, и голос г. Попова остался «гласом вопиющего в пустыне», даже отзывчивое эхо на него не откликнулось...

И вот, обыватель с недоумением и с какой-то смешной растерянностью взирает теперь на снующую везде – и вправо, и влево, и спереди, и сзади – стражу. Обыватель может и должен продолжать спокойно спать, ничего не знать, трепетать и... молчать!

Ну, а стража эта, очевидно, очертевшая от скуки и безделья, уже начинает проявлять свои таланты дикой орды, чувствующей за собой преимущества нагайки, тесака и пули. А вот и «фактики». В субботу на масляной они совершили лихой наезд на катавшихся по городу двух мещан, братьев Ф. с женами и избili их так жестоко, что двое (жена и муж) вылежались только в больнице. В тот же день в полицейской камере был избит мещанин Ц., который по сие время лежит в больнице без движения, без языка и, очевидно, отправится к праотцам...

Страшно, читатель! Страх берет при виде таких правительственных подарков... Пуще страх берет и потому, что знаешь, что эти избиватели ускользнут от должного возмездия суда и закона. «Ворон ворону глаз не выклюет»...

Да... Но будем верить, крепко верить, что солнце правды и свободы близко.

Северная земля. Вологда. 1906. 5 марта

Письмо второе

Недавно Усть-Сысольск пережил период выборов уполномоченных на губернское избирательное собрание. Но прежде чем сказать что-либо по существу этих выборов, не лишне отметить следующее крайне интересное обстоятельство. Едва ли где по России так ярко сказалась и так наглядно выдала себя наша хитроумная избирательная система – уродливое дитя из лет вышедшей матери, русской бюрократии, как это имело место в Усть-Сысольском уезде. Вот полюбуйтесь в самом деле: 100-тысячное крестьянское население уезда выбирает одного уполномоченного на губернское избирательное собрание: 1000 с небольшим городских избирателей выбирают тоже одного уполномоченного, а шесть землевладельцев выбирают трех...

Таковы плоды цензовой системы, дающей в руки толстокарманников тяжелую и почетную миссию спасти обнищавшую, изголодавшуюся, изъеденную всеми язвами некультурности и нищую духом Россию... О, они спасут! Они не прочь быть «отцами отечества». Это ведь, так не трудно: много-много, если для этого потребуются иногда

некоторая доза дешевого краснбайства, приправленного крокодиловыми слезами. Но, авось, и того не будет нужно: пуля, штык, нагайка, застенок, и ежовые рукавицы ведь тоже спасательные средства...

Обратимся, однако, к выборам.

Выборы уполномоченных от крестьян (60 человек от 30 волостей) происходили в Усть-Сысольском уезде уже в январе. Выборы эти прошли тихо, скромно и... (как бы это приличнее выразиться?) при полном отсутствии сознания важности их. Мы знаем, что ни один крестьянский сход не мог дать себе более и менее ясного отчета хотя бы о полномочиях и роли Государственной Думы, не говоря уже о всей той подавляющей массе вопросов государственной жизни, которые соприкасаются с созданием Думы. Никто и никогда не объяснял крестьянину таких вещей, а раскинуть все это собственным умом ему, конечно, не под силу: мысль его спит, крепко-накрепко скованная всяческими путями духовной мерзости и запустения. Не мудрено, что список крестьянских уполномоченных не блистал именами. Хотя при ином порядке вещей он мог быть много лучше. В нем не было (если не считать одного земского кустарного агента) интеллигенции в приличном смысле этого слова. Преобладающий элемент в нем – «служебный» (писаря, старшины); за ним следуют сельские торговцы – кулаки разных калибров и, потом различные грамотеи обычного деревенского пошиба. Весь этот люд, привыкший или «трепетать», или «плутовать», или в лучшем случае – не доросший выше и не видящий дальше нужд своей околицы, – конечно, мало подходящие кандидаты в Государственную думу.

Выборы уполномоченного на губернские выборы, происходившие 13 марта, показали весьма наглядно неудовлетворительный состав крестьянских представителей. На предвыборном совещании, бывшем 12 марта, наметилось желающих баллотироваться в губернские уполномоченные сразу 9 человек, а на самых выборах баллотировалось 14 (да простит им Бог, если все они мнили себя достойными депутатами Думы), и в уполномоченные – 40 голосами против 18 – попал г. К., бывший волосной старшина, кое-как подписывающий свою фамилию, и как говорят, в свое старшинство усиленно пропагандирующий розги в качестве радикально исправляющего крестьянские нравы средства. И, вот, неизбежное свершилось; г. К. получил 176 руб. назначенного земством путевого воспособления и уехал в Вологду...

В качестве местного бытописателя мы были бы неправы, если бы не упомянули еще об одном решении крестьянских представителей: на предвыборном собрании они выработали и послали на имя государя через [С.Ю.] Витте телеграмму, в которой просили разрешения выбрать здесь от крестьян прямо члена Государственной Думы, во внимание

бытовым особенностям уезда, населенного инородцами – зырянами. Но ответа, конечно, никакого не получили. Наивные надежды наивных людей, – скажем мы от себя. Только полное незнание «видов» и «политики» нынешнего правительства могло продиктовать подобную просьбу. Пройдет ли она «бес последствий» для просивших? Если и пройдет, то лишь потому, что в своей просьбе они упирались отнюдь не на какие-либо общечеловеческие и гражданские права (каковых прав российскому обывателю по существующим штатам и табелям иметь не полагается), а на местные нужды и особенности края...

28 февраля был назначен съезд мелких землевладельцев для избрания одного уполномоченного в собрание полноценовых. Но на съезд явилось только несколько священников, которым пришлось лишь с грустью констатировать, что «съезд их не состоялся»: до полного ценза не хватило у явившихся что-то очень много.

Зато съезд крупных землевладельцев, 8 марта, прошел блистательно. Здесь четверо явившихся (из которых двое даже отец с сыном) легко «излюбили» и выбрали положенных по расписанию трех, – купца, земского начальника и управляющего заводом (последнего, выслужившегося, говорят, из мальчиков на «побегушках») – и послали их вершить судьбы России. Вышло что-то вроде, как у Юлия Цезаря: пришли, увидели и... выбрали самих себя!

Не завидны оказались и результаты городского избирательного собрания, происходившего 12 марта. Из 1000 с лишним избирателей здесь осуществили свое право всего 392 лица. Подавляющее большинство голосовавших были обыватели-мещане, и они 225 голосами провели в уполномоченные тоже своего «излюбленного», - мещанского старосту г. К., в простоте и темноте душевой мечтающего и, как говорят, обещавшего своим избирателям провести через Государственную Думу все их домашние нужды и нуждишки. (Это выдвижение местных, домашних нужд в качестве руководящего начала при выборах и проистекающие отсюда последствия – факт весьма характерный и сложный, присущий, конечно не только здешнему, но и вообще российскому «обывателю», и мы как-нибудь постараемся посвятить ему особое письмо).

Таковы невеселые результаты выборов в нашей глухой окраине!

На этих результатах разрисовали свои узоры все темные элементы нашей матероссийской действительности: и хитроумная избирательная система, признающая только права имущего и жаждущего иметь еще больше, и наша некультурность и темнота, смешивающая Государственную Думу с конторой по местным делам, и отсутствие всякой свободы слова и действий, гарантирующей правильную предвыборную агитацию, и наше

наивное и дикое самомнение, мечтающее непосредственно вслед за ведением входящего и исходящего реестров приняться за вершение государственных дел...

Да мало ли что еще не сказалося здесь!

Мы можем, впрочем, утешиться тем, что во всяком случае нашим «излюбленным», если бы они и в самом деле пробрались в российские депутаты, не нужно будет перед выездом на сессию Государственной Думы писать духовные завещания, что рекомендовал сделать проф. Шершеневич⁹² в своей костромской речи. «Нет, значит, худа без добра!».

Под могучим напором совершающихся событий начинает, очевидно, стряхивать с себя вечный, непробудный сон и наш глухой, забытый богом и людьми край. С удовольствием отмечаем один известный нам, отрадный факт. Крестьяне Визингской волости Усть-Сысольского уезда под благотворным руководством одного своего сочлена, сознательно относящегося к переживаемому Россией перевороту, выработали в форме петиции ряд требований общегосударственного и местного характера, заключающихся больше чем в 20 пунктах. Приведем некоторые более важные из них: всеобщее равное, прямое и тайное избирательное право, учредительное собрание, прогрессивный подоходный налог, сокращение штатов администрации и уменьшение окладов, изменение уставов сберегательных касс и операционных целей их, изменения в положениях о народном образовании и воинской повинности, изменение в порядке выборов в земские учреждения и т.п.

Хотя подробное обсуждение выставленных требований по воле начальства не состоялось, но мысль крестьянская пробудилась, и заставить ее опять заснуть уж едва ли удастся...

Мало утешительного я мог сообщить в своем письме, читатель. Но будем верить и знать, что солнце правды и свободы русской скоро выглянет из кровавой зари, разлившейся по всему горизонту...

1) Необходимо пояснить, что земельный ценз определен здесь в 700 десятин. У мелких землевладельцев насобируется еще один ценз, но они его не использовали, о чем скажем ниже. Затем еще один ценз не может быть осуществлен в силу старого закона 6 августа о представительстве в крупном землевладении. Таким образом, имеющих возможность активно воздействовать на выборы землевладельческих цензов оказывается здесь всего шесть, а число уполномоченных от землевладельцев по расписанию положено три.

Северная земля. Вологда. 1906. 7 апреля

⁹² Г. Ф. Шершеневич, юрист, профессор Казанского, затем Московского университетов, член I Государственной Думы, кадет. В Думе разрабатывал законопроект о собраниях – Р. П.

**Ценский В. (Попов В. Ф.). Усть-Сысольск.
О необходимости учительского съезда**

Кому не везет в нашем малокультурном глухом углу, так это безвестным труженикам на ниве народного просвещения, учителям земских школ. В последнее время, когда просыпается вся крещенная Русь, когда русский человек старается встряхнуть с себя веками насевшую на него гниль, плесень и пыль, казалось бы, вполне законным, естественным стремление и учителей народных школ выглянуть на свет божий из своей муры. Выглянуть, чтобы хоть одним глазком видеть головокружительный ход истории родины, хоть немного разобраться в собственном положении, уяснить себе – нет ли надежды или возможности в этом всеобщем культурно-историческом подъеме родины подчеркнуть для себя те силы и создать такие условия, при наличии которых можно было бы с большей пользой работать на народной ниве.

Да, такое стремление, такое желание до элементарности законно и естественно, – скажете вы, читатель.

Так же думало и Устьсысольское уездное земство.

Очередному земскому собранию 1904 г. управа предложила устроить съезд учителей, на что собрание и согласилось.

Своевременно было направлено куда следует «ходатайство», а затем дело перешло в руки местного вершителя судеб просвещения инспектора народных училищ г. К[ичи]на. Последний разослал учителям «примерные программы» вопросов и просил их со своей стороны высказаться – какие из этих вопросов желательно внести на обсуждение съезда, причем учителям вменялось в неперемennую обязанность не выходить за пределы не только излюбленных программ, но и дальше нужд своей школы. Тем не менее некоторые учителя «осмелились» (выражение принадлежит г. К[ичи]ну) включить в свои отзывы вопросы, как о свободном посещении учащими и учащимися церкви, о желательности представительства учителей в уездном училищном совете и земском собрании и т.д. Екнуло старое, испытанное сердце местного вождя народного просвещения!... Дерзнувшем заглянуть дальше примерных программ учителям посыпались с его стороны запросы и, говорят, в таком стиле, которого ныне придерживаются только уже в российских полковых канцеляриях и полицейских участках, – и «пошла писать губерния»!... Ответа от «подлежущего ведомства» о судьбе съезда, однако, все не было, и не было. И вот на заседании уездного училищного совета, в июле 1905 года, по инициативе члена от земства, упомянутого выше председателя управы В.И. Б[еляе]ва,

возбуждается вопрос о повторении ходатайства, хотя бы в тех видах, чтобы иметь «какой-нибудь ответ», а не остаться в положении нашаливших мальчишек, с которыми «старшие» нарочно, в наказание, говорить не хотят. Но сей мудрый ареопаг, приведя свои подлежащие «доводы», решил вопрос так, что г. Б[еляе]в остался сам друг за свое предложение... В «доводах» ареопага, говорят, было все кроме... бедной правды, режущей подслеповатые глаза наших мудрых кротов. Тут и неимение помещения, и усталость некоторых учителей (работавших в то лето в земской статистической партии), и отсутствие восполнения на прожитие в городе... Все это была, читатель, ложь, то жалкое рублище, которым прикрывается нищета мысли и та абсолютная пустота, вместо которой должно быть в наличности так называемое чувство гражданина.

На очередном земском собрании 1905 года, выяснилось уже, что вопрос о съезде дальше канцелярии директора народных училищ не доходил, где и нашел себе упокоение. Земство тогда же принесло жалобу на директора попечителю округа и вновь возбудило ходатайство о разрешении съезда в сентябре этого года, но вот уже начались учебные занятия, а ответа никакого нет.

И так в этом споре «победит» очевидно, не Галилеянин, а некто другой или нечто другое, далекое от заветов великого учителя жизни...

А нужда в учительском съезде (или хотя в каком бы то ни было обмене мыслей) здесь вопиющая, неотложная. О нем вопиют не только сами учителя, но – образно выражаясь – и камни, и леса, и воды уезда. Двадцатилетняя принижающая, обезличивающая «политика» г. К[ичи]на, применявшаяся целиком во всей области первоначального народного обучения повела, между прочим, к тому, – как выразился один из учителей, – что земско-учительский персонал в Устьсысольском уезде «обесчеловечился и внутренне и наружно» (Последнее, главным образом, в смысле педагогической правоспособности). Мы же от себя прибавим, что это обесчеловеченье учительского персонала, к прискорбию, сказалось еще темным, дискредитирующим пятном и на самом деле народного образования, на его уровне, задачах и целях, что дает лишний повод для нападений на земство хотя оно в этом, как мы видим, не виновато...

Вот какова здесь, читатель, обстановка одной из сторон земско-просветительной деятельности на ниве народного образования.

А уездный училищный совет при всем этом продолжает «действовать»: на своем последнем заседании, в конце прошлого июля, он из каких-то трудно понятных мотивов не нашел возможным согласиться с одним предположением земской управы о переходах и назначении учителей во вновь открываемые 12 новых школ и перетасовал все по-своему. При этом совет, говорят, до того увлекся своей самодержавной мощью, что учительница г.

Ж., принуждена возбудить уголовное преследование против одного из членов за клевету, а другая – г. С., окончившая 8 классов гимназии, должна была отказаться от предложенной ей советом чести – занять помощническую вакансию, вместо предложенной управою учительской должности.

При этих же условиях начала функционировать созданная при управе по решению прошлогоднего земского собрания школьная комиссия, имевшая за каникулярное время два заседания. Идя на встречу вопиющим нуждам в деле просвещения народа, она успела проектировать много «благих намерений» (о них в «Северной Земле» отчасти уже упоминалось) – каковы: объединение первоначального народного образования в руках земства, улучшение способов и средств внешкольного воздействия на народную мысль, повышение уровня школьных знаний, создание 2-классных земских училищ и т.п.

Но суждено ли этим намерениям осуществиться? Указанный в составе комиссии непременным членом, инспектор училищ г. К[ичи]н сознательно и явно игнорировал, и не хотел знать ее; в оба заседания он сказался больным и не удостоил таковые своим посещением. А два законоучителя-священника, попавшие в члены комиссии по предложению представителя духовенства на земском собрании, уже со второго заседания были «отвлечены неотложными делами по приходу», хотя говорят, это не помешало им быть в то же время в городе... «Чудны дела твои Господи!» человек в одно и то же время может быть и болен, и здоров, а сельский священник – занят неотложными приходскими делами и разгуливать по городу.

Северная земля. Вологда. 1906. 23 сентября.

Приложение 5

Ценский В. (Попов В. Ф.). На краю света. Усть-Сысольское земство

Усть-Сысольское земство в этом году начало свою деятельность при новом составе гласных, и уже с первых шагов его можно было видеть, что здесь начинается «новый курс», что земство собирается молиться иным, чем прежде, богам. Сначала резко выступили сохранительные тенденции, на страже которых и стали гласные от крестьян, составляющие здесь преобладающую партию из 11 человек. Стремление сокращать расходы, сокращать везде и всюду, ясно выразилось во всех постановлениях и решениях собрания, хотя бы такие решения и постановления шли прямо в разрезе с нуждами и потребностями того же народа, представителями которого являлись сами гласные от крестьян. И, к сожалению, между этими гласными мы не можем отметить ни одного, который бы вполне осознал и вник в эти нужды, ясно разобрался бы в этих потребностях.

Некультурность и непонимание их выступили на этот раз гораздо сильнее, чем бы это можно было ожидать... рубилось с плеча все, что подвертывалось под руку, рубилось без всякой системы, без плана, а под конец и без удержу, чему, со своей стороны, много способствовало и детски-неумелое ведение собрания председателем его, выхватывавшим доклады из лежащей перед ним кучки без всякого порядка и подразделения их хотя бы по основным отраслям земского дела.

На почве этой дорогой для крестьян сократительной тенденции вел свою игру «культурный» (культурный, впрочем, в кавычках) элемент собрания, сводивший свои личные счеты с прежде существовавшим в земстве режимом и с официальным вдохновителем его бывшем председателем управы В. И. Б[еляевым], элемент, старавшийся дискредитировать, оплевать все, чем прежде было живо земство, и что оно предпринимало и проектировало. Лидер этой партии лесной ревизор г. Л., безобразно (но вполне безнаказанно) сыпал и сыпал софизмами, уродовал и коверкал самые элементарные, общепризнанные истины и положения, обращая не только свои глаза, но и корпус весь в сторону трех гласных от крестьян – лесных объездчиков, от которых он, видимо, ждал поддержки и... повиновения. А подлидер партии, земский начальник и землевладелец г. П., очевидно, тоже чувствовал себя превосходно, зная, что в числе тех же гласных сидят с ним бок-о-бок четверо волостных старшин и писарей: он частенько решался выступать со своими мнениями и предложениями, хотя, говорят, на прежних собраниях отличался лишь красноречивым молчанием.

Таким образом, сократительные стремления крестьян оказались в полной гармонии с поползновениями «культурной» (опять же в кавычках) части собрания: крестьяне нуждались в барах, а बारे – в крестьянах, первые – в видах сокращения расходов, а вторые – в видах изгнания и оплевания ненавистного им духа и режима. А живое, плодотворное земское дело, вопиющие нужды и потребности народа остались при этом забытыми, не опознанными, и, в результате всего, решения собрания дали такую земскую дикость, какую нам ни на яву, ни во сне видать не удавалось. Обрисованный нами внешний ансамбль собрания был бы не полон, если бы мы не сказали еще два-три слова о гласном купце г. О[плеснине]. Этот господин, владеющий грамотой ровно настолько, чтобы начертать свою фамилию, точно помешанный на «отклонениях» и «упразднениях», вел себя на собрании непозволительно по домашнему, – как за своей лавочной стойкой при отмеривании залежавшегося ситца. Прибавим к изложенному, что оно считало как бы долгом не соглашаться по возможности ни с одним предположением управы, ни с одной цифрой намеченных ею расходов, само определяя таковые, как говорится, экспромтом, по

вдохновению, – то в главных чертах исчерпаем всю, так сказать, внешнюю картину происходившего на собрании.

Обратимся, однако, к самым постановлениям собрания и посмотрим, что оно натворило в земском хозяйстве уезда.

Первым подвигом собрания было решение устранить из своего состава четырех членов предыдущего трехлетия, хотя право участия их на собрании, впредь до выбора и утверждения нового состава управы, прямо и ясно вытекало из прочитанным на заседании законоположений и справок. Но старые члены, прошедшие так или иначе хорошую школу земского дела, могли вносить некоторый диссонанс в новый курс, и им было предложено оставить зал заседаний; по вопросу же о праве участия их решено войти с запросом к губернатору. Таким образом три первых заседания – 28, 29 и 30 сентября – состоялись без членов управы. Как и следовало ожидать, губернаторский ответ категорически подтвердил право членов управы на участие в собрании, и их пришлось допустить.

Затем, первым шагом восстановленных в своих правах членов был, конечно, протест против состоявшихся без участия их постановлений собрания. Хотя опять же, как божий день, было ясно, что постановления эти не могут иметь законной силы, собрание вторично решило обратиться к губернатору с вопросом по этому поводу, и, конечно, опять получило должный ответ и принуждено было пересмотреть постановления за 28-29 сентября.

При всей этой процедуре можно было только удивляться бестактности собрания, с одной стороны, и деликатности губернатора, – с другой: собрание просит разъяснить – белого ли цвета белая бумага? А губернатор любезно отвечает: да, белая бумага имеет белый цвет. Второй раз собрание спрашивает правда ли, что дважды два – четыре? И губернатор опять же любезно отвечает – что да, правда...

Потом, знаменательно было назначение ревизионной комиссии и определение полномочий ее. В эту комиссию набрали 8 человек, так что (не считая четырех членов управы, не имеющих права решающего голоса при рассмотрении вопросов, возбуждаемых ревизионной комиссией) в составе собрания надлежащего противовеса ревизионной комиссии не осталось, и последняя явилась таким образом вершителем дел. А в нее кроме вышеупомянутых нами г.г. лесного ревизора Л. И земского начальника П. скромно вошли, между прочим, два объездчика и два волостных писаря. Легко себе представить, какая идиллия и отеческий режим царят на заседаниях этой комиссии!... При всем этом, полномочия ревизионной комиссии продолжили на целый год и наметили их в таких границах, которые почти совершенно исключают предусмотренную законом компетенцию земской управы, как исполнительского органа...

Но все это были только вступительные шаги, только цветки, а ягодки зрели впереди.

И опять же больше всех досталось этих «ягод» бедной земской школе и забитому пионеру народного просвещения, учителю этой школы, – словно собрание в них-то и видело главного своего врага и расточителя земских грошей.⁹³

В первую голову был вычеркнут съезд учителей земских училищ, о котором предыдущие земские собрания хлопотали непрерывно уже с 1904 года и о необходимости которого, как мы писали в сейчас указанном номере «С[еверной]З[емли]», вопиют не только сами учителя, но и «камни и леса, и воды уезда». Кстати сказать: к сентябрю настоящего года съезд этот попечителем округа был даже разрешен, но в виду вакантности в то время должности местного инспектора народных училищ не мог состояться до начала учебных занятий. Теперь земству, в виду п.17 Высочайшего указа 6 марта 1906 г., предстояло получить согласие еще министерства внутренних дел, после чего съезд мог быть собран в любое время. Но наше «новое» земство захотело блеснуть сугубо своею дикостью – «Это не к чему... Это лишнее» – сказал златоустый г. О[плестин], после прочтения доклада управы по этому поводу, и вопрос был решен, в полном и буквальном смысле этого слова, ибо потом никаких мнений и рассуждений, кроме сочувствующего г. О[плеснину], гудения, не было. («Культурные» гласные красноречиво молчали... Неужели им не стыдно?).

Вторую жертвою оказались школьная комиссия, образованная при управе лишь с прошлого года и имевшая ко времени собрания три заседания, на которых и были проектированы некоторые мероприятия, имеющие в общем целью поднять образовательный уровень земской начальной школы и наметившие некоторые шаги к тому, чтобы вырвать школу и учителя из гнетущих ныне тисков.

Весьма обоснованный и полный доклад «По вопросам, затронутым Школьной Комиссией», – опиравшийся между прочим и на авторитет губернского земства, принявшего в прошлом году проект желательной организации дела первоначального народного образования, – заставил насторожиться «культурных» классовых. Против Школьной Комиссии был предпринят формальный поход, хоть и защищать ее было

⁹³ Мы со своей стороны, в этом гонении на школу и учителя видим три причины. Во-первых, ту земскую дикость и слепоту настоящего состава собрания, о которых мы упоминали выше, и которые мешали разобраться в этом деле как следует. Во-вторых, здесь играет роль – как общая причина, - жалкая, со всех сторон урезанная заботливым правительством программа начальной школы, закрывающая от народа всякие зачатки истинных и нужных ему знаний. В-третьих, наконец, начальная школа дискредитирована здесь еще и особо недавно ушедшим, незабвенным вершителем судеб ее, бывшим инспектором народных училищ г. К[ичиним], о котором мы уже имели честь писать в «Северной Земле» (см. № 186 за этот год).

совершенно некому... Председатель собрания (не потрудившийся пригласить к обсуждению этого доклада хотя бы недавно вступившего в должность инспектора народных училищ) «почел долгом познакомить Собрание с теми полномочиями и задачами, которые были даны Комиссии прошлым Собранием» (для чего целиком прочитал и доклад управы и решение этого собрания) и затем указал, что комиссия далеко вышла из пределов указанной ей компетенции и что, следовательно... После этого выступил «культурный» лидер г. Л., находивший, что комиссия «могла судить – тепла или холодна вода в училище». Что в прочих вопросах она «ничего не понимала» и что в духовенстве и в агентах министерской опеки над начальной народной школой земство должно видеть верных своих союзников...

Поход этот не был маньчжурским и дал вполне блестящую победу, реляция о которой буквально гласит следующее: «Собрание большинством голосов против 6-ти решило школьную комиссию закрыть и в обсуждение затронутых ею вопросов не входить».⁹⁴

Затем, в свое время, «новое» Собрание сочло нужным посягнуть и на тощий учительский карман. На заседании 6 октября решено было сбавить содержание вторым учителям и ученицам до 180 р. в год (вместо прежних 240 р.), а первым, т.е. заведующим учителям и ученицам, тогда же назначили квартирных по 36 р. в год (вместо прежних 60-ти). Жалованье их (основной оклад 300 р.) осталось, слава богу, не тронутым, но нам досконально известно, что в распоряжении председателя собрания имелся доклад, подписанный и гласными, об уничтожении периодических за выслугу лет прибавок к содержанию, каковой порядок применялся к учительскому и медицинскому персоналам и по которому оклад учителя через 20 лет непрерывной работы доходит до 480 руб.

Этот доклад в конце концов почему-то не был пущен. То ли и здесь устыдились победных лавров (что менее вероятно), то ли повлияло принятое будто бы врачами решение немедленно оставить службу, если будут уничтожены периодические прибавки

⁹⁴ Победа эта, очевидно, показалась слишком блестящей даже и самим полководцам, и они сочли долгом оборвать несколько листов из своих лавровых венков: при чтении проекта журнала на это заседание, закавыченные нами выше слова г. Л. о том, что члены комиссии в обсуждаемых вопросах ничего не понимали, оказались внесенными в проект во всей своей девственной неприкосновенности, но г. Л. запротестовал и настоял на такой поправке, что члены были только «не компетентны»... А председатель собрания г. К[олясников] почел нужным включить, что, не смотря на то-то и то-то, он «находит принятые комиссией положения и выводы весьма желательными в видах надлежащей постановки дела первоначального народного образования», – хотя в публике были убеждены, что он ничего подобного «не находил». (Вот чудачки, – скажем мы от себя, – устыдились полноты и блеска своей победы!)

Курьеза ради еще отметим, что сразу за докладом о школьной комиссии пущен был доклад «Об истреблении хищных зверей», которых, конечно, тоже решили «истреблять» без рассуждений о мотивах звериных поступках. Если в таком порядке докладывания дел не сказалось детски неумелое ведение собрания г. К[олясниковым], но, надо признаться, он большой шутник...

(что более вероятно), – хотя, надо признаться, врачи все-таки и в этом случае оказались бы сравнительно в лучшем положении, чем учителя и фельдшеры.

Не были, затем, обойдены и другие стороны народно-правительственного дела. Так, по докладу о народных библиотеках и читальнях Собрание на содержание их, не входя ни в какие рассуждения, экспромтом, назначило круглой цифрой 3 т.р. (вместо исчисленных управою 6150 р.), чем, между прочим, перевернуло вверх дном всю, годами слагавшуюся организацию и планомерный ход этого дела. Вот уже где прямо можно сказать, что дикость сама себе выковыривает глаза, – выковыривает, чтобы малейший свет знания не резал их...

Здесь же, попутно, свершили и еще один подвиг: заведывающие библиотеками получают за то дело по 3 р. в месяц; получали эти жалкие гроши, между прочим, и те земские учителя и ученицы, которые заведывали библиотеками, и вот Собрание решило – «выдачу этого вознаграждения лицам учительского персонала земских начальных училищ прекратить, сохранив таковое только для посторонних земству лиц».

Вообще, надо сказать, что все мало мальски здоровые ростки в области просвещения народа Собранием беспощадно обрывались... Собрание, на котором в числе гласных сидело 11 крестьян, очевидно, прямо боялось света и истинного знания, дабы они как-нибудь не проникли в народную среду. (Что вы, г.г. гласные от крестьян, делаете? – спросим мы от себя).

Но надо продолжать нашу печальную летопись.

По выработанному ранее порядку и плану школьной сети Собранию предстояло открыть 12 новых начальных земских училищ. Так как вопрос об этом заключался (между прочим) в общем докладе по Школьной Комиссии, в обсуждение которого, как было сказано выше, собрание «не нашло нужным входить», то управа решила по этому поводу внести особый доклад, представляющий из себя дословную выдержку из названного сейчас доклада по Школьной Комиссии. Как мы уже сказали, открытие новых училищ должно было идти согласно ранее выработанной школьной сети, строго предусматривающей, конечно, и самый порядок открытия школ, сообразно степени нужды в них известных местностей и районов, почему в докладе были указаны и пункты (селения), к настоящему времени наиболее нуждающиеся в школе.

– Но, ведь, такая планомерность, система есть результат работы прежнего ненавистного режима... Поэтому, если долой самый режим, то к черту и систему! – рассудило Собрание.

И вот оно, – после охов и ахов на тему – «12 школ сразу»... «ой, как много»... – само принялось отыскивать те селения – где бы открыть новые школы. Поиски эти были,

конечно, поисками слепого: всякий гласный тянул школу в свою местность; верх брало наиболее широкое горло, – и в результате получилась такая каша, которую, конечно, придется расхлебывать и перекладывать в будущем году. Например, одну школу наметили в селении, в котором всего 15 дворов, а ближайшие, еще меньшие селения в 6 и 15 верстах от первого; другую школу открыли в селении, отброшенном на 60 верст от всякого жилья, в котором при составлении школьной сети (в 1992 г.) было всего 19 дворов; третья школа должна быть в селении с 34 дворами и т.д. и т.д. По плану школьной сети в большинстве этих селений могли быть открыты только передвижные школы, и, кстати сказать, таких селений, в виду особого характера расселения Усть-Сысольского уезда, здесь очень много.

Впрочем, в такой, с первого взгляда, бессмысленной перетасовке было и некоторое соображение, сиречь своего рода политика... Дело в том, что планомерное проведение школьной сети в уездах в настоящее время находится как раз в таком фазисе, при котором земские училища должны открываться в больших селах рядом с церковно-приходскими школами, никак не могущими вместить всех детей школьного возраста в подлежащем районе (Так на этот год таких сел было намечено пять, а в прошлом году четыре). И вот, Собрание взяло на себя совсем непочтенную роль стража и блюстителя церковных школ. С этой целью оно решило не только не открывать своих школ рядом с ними в этом году, но перевело и открытые прошлым годом Собранием четыре школы из больших сел куда-то «к черту на кулички» (да простится нам это выражение).

Здесь уместно будет сказать, что церковной школе, – этой жалкой пародии на школу, созданной со специальной целью застилать свет и истинное знание от народа, – у нашего «нового «Собрания везло...

После прочтения доклада и отчета по этим школам (причем управа высказывалась за прекращение пособия им), «культурный» лидер г. Л. почел долгом пояснить Собранию, что «церковные школы уезда в общей постановке учебно-воспитательного дела стоят не ниже земских», что «теперь школы эти являются необходимыми в виду ограниченного количества последних», и что, наконец, «они обходятся дешевле земских»... Собрание всей этой, давно известной, явной и скверной лжи охотно поверило, и к 8400 р., отпускаясь на церковные школы прибавило еще 600 – «на предмет открытия ремесленных классов» при двухклассных церковных школах, как сказано в пояснение этой добавочной подачи.

Если мы прибавим к вышеизложенному еще о том, что Собрание зная постоянную нужду земства в правомочном учительском персонале, уничтожило все существовавшие учительские стипендии (4 в учительских семинариях и 2 на Вологодских педагогических

курсах), – то мы, пожалуй, исчерпаем наиболее блестящие подвиги Собрания в сфере народного просвещения.

Не правда ли, «веселенький пейзаж» мы нарисовали, любезный читатель? Что ж делать, – ни тема, ни полотно, ни краски нам не принадлежат. А чтобы навести лак на картину, скажем еще два слова о следующем: в Собрание поступил донос (он озаглавлен иначе, но мы берем наиболее подходящее название...) от одного волостного старшины о том, что в одном из земских училищ «вверенной ему волости» плохо учат... (Скажем в скобках, что отец сего мужа – сельский купец – то же вершил дела в числе гласных, что, очевидно, и сыну, писавшему на Собрание кое-что кроме доносов, «придало духу»). Казалось бы, дело ясное: донос следовало направить по начальству этого добровольца сыска, что бы оно (начальство) указало и т.д.... Нечто подобное и предлагал даже председатель Собрания. Но, нет, – упоминавшейся нами неоднократно, «культурный» лидер г. Л. нашел этот донос «достойным всяческого внимания», на каковую тему и сказал целую речь, не стесняясь по своему обыкновению ни логикой, ни правдой. И донос пошел для надлежащего расследования инспектору народных училищ...

– Но, позвольте, господа Собрание: ведь сегодня старшина возомнит себя призванным судить о наших школах, а завтра – староста, послезавтра – сотский, а там – десятский, урядник, стражник, поп, дьякон, псаломщик, писарь и т.д. без конца. При чем же вы сами то останетесь? При чем инспектор? Заведующие учителя? При чем, наконец, служебная часть и совесть наших служащих будет?.. Эхма, господа, господа!..

Посмотрим, однако, на другие еще стороны земского хозяйства, – в каком виде они вышли из творческих рук «нового» собрания.

Земская агрономия (надо признаться, – довольно «неудачливое дитя» Усть-Сысольского земства) оказалась наполовину общипанной, а как культурно-показательная организация она сведена совершенно на нет, но за всем тем имя ее в земской смете расходов сохранилось. При обсуждении вопроса о сельскохозяйственной ферме была доложена интересная записка четырех гласных от крестьян, сообщавших свои впечатления и выводы, вынесенные из посещения фермы. Гласные эти пришли к очень печальным заключениям. По их мнению, «на такой почве (какая возделывается фермой) не может родиться не какой хлеб, как бы ни удобряли ее»... Хозяйство на ферме бестолковое и ничтожное, а потому, – заключают гласные, – «надо скорее избавиться от фермы и дальнейших непроизводительных затрат на нее». Эти заключения гласных от крестьян, к сожалению, нельзя не признать правильными. Однако Усть-Сысольскому земству «избавиться» от фермы не так-то легко: она, говорят, основана в память какого-то

события в царской семье, и часть расходов на нее признана администрацией обязательною для земства. Поэтому расходы эти, скрепя сердце, пришлось вносить в смету.

Но вот что трудно понять: собрание, имея в виду вышеприведенное мнение гласных о фермерском хозяйстве и соглашаясь с ним, все же почему-то решило поселить на ферме своего единственного агронома (должность помощника агронома упразднена), хотя предыдущие собрания изо всех сил старались разобщить агрономов с фермой, ибо она давала им повод постоянно ссылаться на фермерское хозяйство при объяснении отсутствия результатов агрономических мероприятий в уезде.

Впрочем, здесь пахло чем-то «домашним»: агроном г. Ф. (кстати сказать, или прежде служивший по недоразумению казенным сборщиком, или ныне по недоразумению попавший в земские агрономы), получивший от собрания подарок в виде уменьшения жалованья на 300 рублей, лично на заседании торговался с гласными, «желая служить и на уменьшенном окладе, без помощника и без надлежащих ассигновок, обеспечивающих сколько-нибудь серьезную постановку и ход агрономического дела. И Собрание во внимание, должно быть, к такому рвению и такой готовности лечь костью на земской службе, решило «предоставить ему на ферме готовую квартиру, отопление, освещение, а также продукты фермерского хозяйства».

Практичные люди говорят, что агроном при этом «не проиграл», а много выиграл, хотя дело агрономической помощи населению, как мы сказали, несомненно проиграло очень много.

В общем смета на агрономию, против предположений управы оказалась урезанной на 1700 рублей и выразилась в 4040 рублях, при чем главные сокращения коснулись служебного персонала, а именно: содержания агроному назначено 1200 р. (вместо прежних 1500); кредит на помощника в 600 р. закрыть; на содержание низшего персонала служащих и на рабочих ассигновано вместо 790 р. всего 420 р., затем сокращены расходы на покупку овса и сена, на мелиоративные работы и непредвиденные расходы по ферме (с 550 до 250 р.); уничтожены кредиты на выписку книг и журналов и на канцелярские принадлежности. Наиболее видным кредитом по агрономии остались лишь назначения на мероприятия, так сказать, посреднического характера – на покупку для продажи и раздачу населению на льготных условиях хлебных, травяных и огородных семян и сельскохозяйственных орудий (главным образом, сох-косуль), – достигающие в общей сложности 1200 р. Но эти посреднические функции относятся уже к обязанностям сельскохозяйственного склада, которым заведует особое лицо.

Вопросов об общем положении дела агрономических мероприятий в уезде собрание не касалось и никаких постановлений по этому предмету не сделало. Да и

трудно было уловить что либо в этом отношении из разрозненных и бестолковых отчетов агронома, совершенно не сумевшего заинтересовать гласных какими либо вопросами. Таким образом, осталась без внимания и обсуждения самая важная сторона земского агрономического дела – показательно-демонстративная, требующая организации в уезде сети мелких показательных учреждений, в виде опытных полей, пробных участков и т.п.. Вместо всего этого земская агрономия свелась к содержанию лишь одного агронома, лишенного всякого подсобного служебного персонала. поселенного на никому ненужной ферме. с ничтожным, безалаберным хозяйством и с никуда негодной почвой. Мы имеем солидные данные предполагать, что большинство гласных осталось, в конце концов, в убеждении в «ненужности» при таких условиях и самого агронома...

Затем полному разгрому со стороны «нового» собрания подверглись статистическая и кустарная организация.

После доклада заведующим статистического отдела управы г. П[оповым] отчетов по текущей сельскохозяйственной статистике и о поместных статистических обследованиях, произведенных летом прошлого (1905) и настоящего года, наступило на заседании какое-то неловкое молчание. На предложение председателя «высказаться» никто не откликнулся. «Культурные» гласные многозначительно молчали. Наконец, решился заговорить тот же златоустый г. О[плеснин] – «Все это хорошо... Только очень дорого, да и бесполезно кажется»... – говорил он. К нему пристал еще один гласный от крестьян, находивший, что учителям во время летних статистических работ «очень много» платилось, что они получали свое жалованье и «должны были» работать без особой платы. А тут загудели уже и другие гласные. Настроение видимо, было прямо враждебное, хотя по существу дела не было сказано ни слова. Тогда просит слова заведующий г. П[опов] и довольно подробно говорит о значении статистики вообще и в частности о практическом значении обследования крестьянского хозяйства в Усть-Сысольском уезде в виду ожидающегося здесь поземельного устройства крестьянского населения, в целях отстаивания интересов которого и было задумано и проводилось земством поместное обследование. После речи г. П[опова] опять наступает неловкое молчание. Наконец, председатель собрания, по-видимому сочувствовавший делу, решается на героическое средство и просит «встать несогласных»... Встает все собрание (за исключением самого председателя), и вопрос оказался решенным. Председатель почему-то начинает формулировать, затем, вопрос о выражении благодарности г. П[опову]. Тот в довольно резких выражениях отказывается от «принятия какой бы то ни было благодарности»...

В журнале собрания весь этот инцидент весьма выразительно, хотя и не полно, изложен дословно так: «Собрание, согласившись по этому вопросу (т.е. по вопросу о статистике) с мнением гласного г. О[плеснина] о бесполезности статистических обследований, большинством 16 голосов против 6 решило производство таковых в дальнейшем прекратить и кредита на эту потребность по смете 1907 г. не назначать».

Вслед за статистикой, как мы уже сказали, подверглись разгрому организации мер воспособления в уезде развитию кустарных промыслов. Хотя начало этому делу было положено всего 3-4 года тому назад, но к настоящему времени оно успело было прочно стать на ноги и явно заинтересовало население теми практическими школами и мастерскими, которые, будучи удачно применены к нуждам уезда, функционировали весьма успешно, – так что все обещало этому делу хорошее будущее. По этому вопросу собранию был представлен на редкость обстоятельный доклад кустарного агента г. М., дававший, во-первых, подробный и ясный отчет о сделанном, а, во-вторых, намечавший дальнейшее развитие и расширение дела.

Но, увы... Как сам кустарный агент, так и все заведываемые им школы и мастерские, оказались, также были предназначены на закление...

Простая ли случайность, или же составитель журналов собрания хотел испробовать свои силы в поэзии, но решения собрания о разгроме кустарных мероприятий гласят в статьях так:

Ткацкую мастерскую в г. Усть-Сысольске закрыть.

Должность инструктора по плетению кружев упразднить.

Показательный смолокурный завод закрыть.

Должность инструктора по гончарному производству упразднить.

Школу кройки и шитья закрыть.

Должность инструктора по печному делу упразднить.

Мастерские корневых изделий закрыть.

Должность штейгера упразднить.⁹⁵

Склад кустарных изделий закрыть.

И должность кустарного агента упразднить.

Реформы, как видите, есть, только размер стихов не соблюден... Но подумали ли господа, выпускающие такие стихоподобные решения о том, что, ведь разрушать очень легко, а создавать весьма трудно, – хотя бы то, что перечислено в приведенном «стихотворении»?

⁹⁵ Должность горного техника учреждена для четырех волостей, владеющих брусяно-точильной горой у р. Печора – Р.Л.

Еще раньше кустарного дела собрание решило прихлопнуть земскую слесарно-кузнечную мастерскую, существующую уже около 15 лет. Предлогом для этого послужило то обстоятельство, что мастерская будто бы не достигает своей цели (мало дает мастеров для уезда) и что в ней вообще плохо учат. В подтверждение последнего обстоятельства председатель собрания не постеснялся заговорить о каких-то болтах, неудачно сделанных будто бы в мастерской, в свидетели чего привел тут же сидевшего гласного г. Н. (земского начальника). Потом, когда оказалось, что болты были сделаны не в мастерской и не за ответственностью мастера (мастерская в это время была закрыта на летние месяцы, и болты оказались сделанными кем-то из низших служащих), то председатель не решился дочитать собранию до конца объявление заведующего мастерской по этому вопросу, внесенное через управу, подтвердившую этот факт. Мало того, при этом попутно сделали даже внушение управе, чтобы «впредь она не позволяла себе входить с подобными объяснениями»... Таким путем мастерскую решили закрыть, и хотя кредит на нее продолжен, но с тем, чтобы обратить его на учреждение ремесленных классов при местном городском училище, об открытии каковых и возбуждено ходатайство. (Правда, – все это прошло только большинством 13-ти голосов против 9-ти).

Таким путем земство пустилось в неизведанную еще и мало чего доброго обещающую область чисто школьного обучения ремеслу под ферулой агентов министерства народного просвещения...

Заметки наши чересчур затянулись, а мы еще далеко не могли исчерпать всех подвигов нового собрания. Поэтому в дальнейшем мы ограничимся сухим перечнем тех из них, которые ни полезными, ни даже умными считать невозможно, – как их не выворачивай. Таковыми будут решения: а) о прекращении выдачи ссуд крестьянам на покупку скота (мера, введенная два года тому назад, с оборотным капиталом в 3 т.р.); б) закрытие кредита (в 1000 р.) на уплату за лечение крестьян в иногородних больницах (кредит этот вносился в смету около 3 лет); в) закрытие кредита (в 1000 р.) на выдачу пособий крестьянам для разделки новых луговых чащоб (кредит внесен был только в прошлом году); г) закрытие кредита (в 500 р.) на содержание случных жеребцов (кредит давнишний); д) отнятие пособий-пенсий у семи служивших земству лиц и уменьшение наполовину таких же пособий у некоторых благотворительных учреждений-обществ вспомоществования учащимся; ж) уменьшение кредита на канцелярию управы и упразднение в ней должностей помощников секретаря и бухгалтера; з) уничтожение двух земских почтовых учреждений в уезде и закрытие кредита на помощника заведующего при городском отделении; и) какое-то безудержное, без всяких соображений и толку

уменьшение всякой исчисленной управою суммы на хозяйственные потребности (за ремонты в школах и больницах, на дорожные сооружения и исправления и т.д.)...

Но, будет. «Никто не может объять необъятное» – сказал Кузьма Прутков и, очевидно, он был глубоко прав: мы тоже должны отказаться объять всю земскую дикость настоящего собрания.

Сколько дала экономии в земской смете обрисованная нами в этих заметках деятельность «нового» состава собрания – мы точно не знаем. Но, господа, смеем вас заверить, что если бы всесторонне вдуматься в земское хозяйство, узнать его как следует и ставить даже экономию во главу угла своей деятельности, то можно было бы сэкономить на бюджете Усть-Сысольского земства очень много, оставаясь при этом истинным радетелем нужд и потребностей народа, а не записываясь в ряды дикарей...

Мы были бы односторонни и неправы, если бы не упомянули о тех постановлениях собрания, которые шли навстречу этим нуждам и потребностям. Но, увы, здесь нам придется ограничиться указанием лишь на решение иметь в каждой волости фельдшера и акушерку, на уменьшение оценки (доходности) пахотных и сенокосных земель уезда для обложения их земским сбором и на сдержку, проявленную собранием в области дорожно-строительного дела. Затем, во всем длинном ряду постановлений мы не как не можем припомнить, что либо, более или менее значительное, на чем бы с отрадой мог остановиться взор человека, радеющего о народе и понимающего его вопиющие, коренные нужды.

Скажем еще два слова о выборе нового состава управы. О председателе мы уже говорили. В члены управы баллотировались только гласные от крестьян, и на очередной сессии из 9 баллотировавшихся прошел только один (объездчик). Для выбора трех остальных членов было испрошено по телеграфу разрешение на чрезвычайное собрание, на котором и были они выбраны (двое волостных старшин и еще один объездчик).

Содержание членам управы оставили старое – 600 р. в год, а председателю назначили 1200 р. (было 1600 р. – средний по губернии оклад, как назначенному от правительства).

Северная земля. Вологда 1906. 3 декабря

Сонин (Попов В. Ф.). Усть-Сысольск

I

В древней Греции Герострат сжег храм Дианы, желая прославиться. У нас нет такого великолепного храма, но зато есть люди, ищущие славы не менее чем Герострат.

Что все науки основаны на наблюдениях, на статистических исследованиях – в этом вряд ли уже кто-нибудь будет сомневаться. В то же время вряд ли кто будет спорить с тем, что наука полезна, и что она направлена к благу и счастью всего народа, а, следовательно, и к благу жителей Усть-Сысольского уезда. Но у нас, на земском собрании г.г. гласные думали совершенно иначе...

Некоторые, например, говорили так: статистика положительно не приносит никакой пользы, а только вред, поэтому ее надо уничтожить. Состав собрания не мог не согласиться с такими «вескими» доводами, как например «оно не полезно, а вредно», и... прикрыли этот отдел!.. Или, например, кустарный отдел. К чему нам, в самом деле, какой-то кустарный отдел?! – Если, например, кому надо научиться корзинки плести, так пусть учится дома. С этим опять г.г. гласные согласились и прикрыли и кустарный отдел...

Честь сожжения храма Дианы, то бишь уничтожение статистического и кустарного отделов принадлежит г. В. О.⁹⁶

Сейчас уже в подготовительных классах говорят детям: «Ученье – свет, неученье – тьма». И это твердо знают семилетние дети. Но г. В.О. с этим девизом глубоко не согласен. Когда, например, обсуждался вопрос о стипендиях в университетах, то он, г. В.О., говорил так: «К чему нам разные университеты? Они (студенты-стипендиаты) достаточно уже получили образование. Вон мы учились по букварям, да живем, слава тебе, Господи, не хуже других, и в Бога верим, и Царя чтим». Собрание опять же не могло не согласиться с этим и прикрыли стипендии...

Но г. В. О. не желал вести только разрушительную работу. Есть плоды и созидательных его трудов, как например, по его инициативе собрание ассигновало 50 рублей на постройку часовни...

Видя столь желательную и полезную деятельность г. В. О., собрание не осталось неблагодарным к нему и просило его быть председателем земской управы, что, конечно, он принял.

⁹⁶ В. П. Оплеснин – богатый Усть-Сысольский купец, председатель земской управы в 1907-1909 гг., инициатор сокращения статистического управления, кустарных мастерских, школ, библиотек и сокращения жалования учителей – Р.П.

Герострат прославился тем, что сжег храм, а земское собрание тем, что в председатели управы избрало искоренителя света и науки...

II

Близость выборов дает себя чувствовать. Наши устьсысольцы ожили. Сойдутся два-три человека и сейчас про Думу: «Какова-то она будет? Разгонят ее как прошлую, или нет? Надо выбирать из нашего брата, а не из чиновников»... и т. д. и т. д. К предстоящим выборам относятся очень серьезно и деятельно готовятся к ним. Усть-Сысольск разбился на два (главные) лагеря: один хочет подать голос за миссионера С. Н. Ключкова, а другой – за бывшего статистика земской управы, крестьянина В. Ф. Попова. За г. Ключкова ратуют, как выразился один мещанин, буржуи, а за г. Попова – более сознательная часть населения: «главное – он из нашего брата и не трус – постоит за нас, не испугается, и на него можно больше рассчитывать, что он попадет в Думу». Та и другая стороны отстаивают своего кандидата, но сторонники г. Попова все увеличиваются, так как время берет свое...

Что же касается выборщиков из крестьян, то наверное сказать ничего нельзя.

Конечно, если бы была хотя бы малейшая возможность вести более обширную предвыборную агитацию, то, безусловно, выборщики все без исключения шли бы с наказом от избирателей добывать себе «земли и воли».

Теперь же предвыборная агитация ведется очень осторожно: по ночам, в наглухо запертых избах, без огня (чтобы полиция не узнала). Среди населения замечается страшное желание «послушать, почитать».

Сильное впечатление произвели на усть-сысольцев расклеенные на столбах прокламации: «побольше бы таких листов – очень хорошо там сказано, как следует выбирать в Думу...».

III

Удивительные приемы принимает бюрократический мир при выборах в Государственную Думу во всей России вообще, и в частности у нас, в г. Усть-Сысольске.

Наше чиновничество очень боялось пропустить в Вологду г. П., как человека с честными взглядами и убеждениями и, поэтому, оппозиционного сгнившему самодержавно-бюрократическому строю.

Г. Л., например, разослал подвластных ему служащих (лесников, объездчиков) с приказом, чтобы они обещаниями и угрозами заставляли подавить голоса за своего «хозяина». Угрожали тем, что будут привлекать к суду за каждую хворостину, и обещали

смотреть сквозь пальцы на бесплатный вывоз бревен... Зная прекрасно, как наши законы карают за какой-нибудь воз хворостины, и, в то же время, испытывая страшную нужду в дереве, многие усть-сысольцы решили на своем бюллетене написать «Фл. Ал. Л-цев»⁹⁷, а не за того, кого желали... Таким образом, г. Л. получил целых 61 голос!

Конечно, «истинно русские люди» не могли рассчитывать на успех, несмотря даже на такой прием, как посулы и угрозы, но их цель была – чтобы провалить г. П[опова В.Ф.], и они добились своего: г. П. получил 27-ю голосами меньше, чем следует и не прошел. Все же в выборщики попал человек, хотя и беспартийный, но строго прогрессивных взглядов – г. Суханов. Будем надеяться, что г. Суханов оправдает надежды избравших его, не побоится и приложит все усилия, чтобы добиться народу «земли и воли».

IV

Совсем тихо в канцелярии уездной земской управы. Слышно только тиканье настенных часов, да скрип первых канцеляристов. Только изредка писцы перекинутся словом, и, как ученики, уткнут головы в бумаги...

– Шшш!.. Идет! – робким шепотом извещают друг друга канцеляристы, услышав какую-то тяжелую поступь, слишком знакомую писцам...

В дверях показывается какое-то живое существо, невысокого роста, толстое, седое...

Увидев это существо, писцы шепчут молитву «И избави нас от лукавого». Но на существо слова «избави от лукавого» не подействовали, и он подходит к одному, уже поседевшему на земском стуле канцеляристу, и говорит ему:

– Ты отсюда уходи: сидел уже долго!

Тот, зная, что толстое существо «рубит с плеча» и не допускает возражений послушно уходит, мысленно прощаясь с земством...

На другой день повторяется то же самое, то же «живое, толстое существо» подходит уже к другому и так же увольняет его. На третий день – то же самое и т.д.

Что же это значит?

Это новый председатель управы купец В. Оплеснин «реформирует земство». Ведь недаром он когда-то сказал: «Только бы мне добраться до председательского места, а там бы я показал себя»...

Действительно, он начинает себя «показывать» и в Управе действует как у себя за прилавком.

⁹⁷ Сябурцев, лесничий Усть-Сысольского уезда – Р.П.

Вот еще нет и двух месяцев, как председательствует Оплеснин, а крестьяне уже поговаривают о том, как бы избавиться от него, т.о. вполне возможно, что через другие два месяца весь уезд восстанет против него... Дай Бог! Дай Бог. Мы же, как будем молиться – с особым вниманием будем выговаривать слова: «И избави нас от лукавого!».

Северная окраина. Вологда. 1907. 12, 26 января, 2, 10 февраля

Приложение 7

Сысольский В. (Попов В. Ф.). Единственный долг.

Письма из Вологодской губернии

I

Вопрос о народном образовании, о народном просвещении – основной кардинальный вопрос жизни государства, вопрос преуспевания и развития его как в целом, во всей совокупности, так и в отдельных частях, независимо от того – каковы бы ни были национальные, бытовые или политические особенности и связанные с этими последними интересы таких отдельных частей государственного организма.

Положение это давным-давно успело сделаться социальной аксиомой. Признается оно таковой – по крайней мере лучшей частью общества, исключая обскурантов и князей тьмы – и у нас в России. Так что проведение его в действительную жизнь государства путем возможно широкого и свободного развития образования и просвещения масс, казалось бы, не должно было встречать каких-либо сомнений и препятствий.

Знания! Знания! И еще раз Знания! – такой вопль десятки, сотни лет раздается изо всех углов нашего отечества, из каждого факта, из каждого события общественной жизни его. О жажде знания вопиют и люди, и камни... И, казалось бы, этот вопль, этот крик самой жизни – жизни, исстрадавшейся в темноте и невежестве, бьющейся в тисках бесправия и безначалия, давно должен был властным и громким аккордом прикрыть, заглушить все другие «вопли» и «крики».

Но все это – только «казалось бы»...

Наша своеобразная российская действительность не хочет следовать по этой явно-кратчайшей и единственно-прямой дороге прогресса. Она, эта жизнь, или всячески упирается, или упрямо сторонится, или даже дико пятится на этом чистом, ясном и прямом пути материального и духовного преуспевания. Ее, эту жизнь, заставляют или стоять на месте, или дать оборот в сторону, или делать шаг назад...

И вот, когда говорят о «народном просвещении», о «русской народной школе», то перед нами всегда встает такая картина.

Вся сумма современных человеческих знаний, с ее обширной и стройной областью теоретических дисциплин, со всеми удивительными завоеваниями прикладных наук и чудесами техники, со всеми бессмертными произведениями поэтического творчества, художественной кисти, скульпторского резца, – вся эта обширная область высшей психической жизни человека представляется нам огромным, с необъятным куполом, ярко освещенным миллионами свечей Залом, в котором всякий желающий по своему, сообразно своим наклонностям и вкусу, может наслаждаться знанием и пониманием всего того, что добыто и завоевано пытливым человеческой мыслью и что воспроизведено его вечно-живой фантазией...

А в одном из отдаленных углов этого огромного и светлого Зала видится нам наглухо сколоченный, без окон и дверей, прикрытый плотной темной материей балаганщик, в стене которого просверлена маленькая, с полвершка в диаметре дырочка, заделанная толстым матовым стеклом, сквозь которое и проникает из Зала в балаганчик узенькая полоска тусклого видоизмененного света. На балаганчике этом прибита дощечка с надписью – Отделение народного просвещения, – а у дырочки стоят на страже русское Министерство Народного Просвещения вкупе со всеми подсобными Ведомствами и Комитетами и неустанно блюдут, чтобы, во-первых, через тусклое стекло как-нибудь не пробился яркий, невидоизмененный свет Зала, во-вторых, чтобы как-нибудь светопропускающее отверстие не расширилось и не осветило – больше чем полагается – внутренность балаганчика...

А в самом балаганчике видится нам «просвещаемый народ», с недоумением и тупостью полузрячего слепца поднимающий взоры к полоске тусклого видоизмененного света, проникающего из светлого Зала. И не может он, «народ», понять – зачем пущен этот «свет» в темный балаган и свет ли он в самом деле?..

В такой картине, рядом с общим колоссальным развитием просвещения и распространением знаний, встают перед нами народно-образовательное дело и начальная школа в России, явившиеся продуктом общего уклада государственной жизни и в частности – сознательного воздействия на эту область наших правящих сфер.

Такая картина получается в результате всех тех «программ», «правил», «ограничений», «допущений», «одобрений» и «запрещений», которыми как паутиной опутано и опеленано дело первоначального народного просвещения в России, которые обусловили урезанное и фальсифицированное, «примененное» к народу знание, долженствующее утолить его умственные запросы; которые создали томительную

проповедь рабской морали, призванной пропитать народную психику; которые, наконец, обусловили тот порядок в государственном хозяйстве, при коем смета на первоначальное народное образование неизменно, из года в год составляла жалкие гроши, и ту обстановку народной школы, при которой она оказалась бессильной заложить на сколько-нибудь прочный фундамент народного просвещения и неоднократно встречала и недоверчивое, и прямо враждебное отношение со стороны своего питомца и ученика – народа.

II

Мы далеки от мысли винить в данном случае школу саму по себе, но нам понятно и отношение народа к ней, который тоже далек был от восхищения ею. Ибо, кто, положив руку на сердце, возьмется утверждать, что школа наша давала и дает народу те именно знания, которые ему нужны, дает знания в таком объеме, в каком народ в них кровно нуждается? Кто решится отрицать, что во всех «одобренных» и «допущенных» руководствах и хрестоматиях не урезано, не фальсифицировано и не затушевано настоящее знание? Кто возьмет на себя смелость говорить, что «главнейшими событиями священной истории», «чтением», «письмом» и «четырьмя правилами арифметики», которыми исчерпывается образовательный комплекс народной школы, должны удовлетвориться духовные запросы народа?

Нужно ли припоминать историю отношений народа к школе? Эта история началась с равнодушного взгляда на школу, как на «барскую» затею; продолжалась то при безразличном, то при враждебном отношении к ней; и кончилась, как мы видим в последнее время, повсеместным переполнением школ и отказами в приеме за «недостатком помещений»... Но опять же нельзя утверждать, что народ переполнил школы потому, что они хороши, что они способны удовлетворить его умственным запросам, что они дают всю сумму знаний, нужных народу.

Нет, – народ и раньше шел и теперь пошел в школу потому, что увидел, что «так жить дальше нельзя»; пошел полуголодный, разорившийся, истощенный, не видящий никакого материального исхода из нужды и неволи, но смутно чувствующий, что где-то выход есть; горбом и нутром своим испытывавший все прелести «темноты» и «неучености», он инстинктивно угадывал, что выход, спасение в знании, в свете учения и пошел в «народную школу»...

Куда же ему было идти? Какой выбор был ему предоставлен?

И народ «переполнил» эти школы; в них «не достало помещений». Но переполнение и недостаток школ – это уже результат того обстоятельства, что их было мало, что на них отпускались лишь «жалкие гроши». И все это далеко, конечно, не

значит, что народ «оценил», «полюбил» нынешнюю школу, «понял» пользу учения в ней. Нет, – он и посейчас не прочь под сердитую руку сорвать накопившуюся веками против неправды и гнета жизни злость на этой школе: не дать «обещанных по приговору дров»; не «предоставить сторожа»; не «исправить здания»... Он и сейчас видит и знает, что его мальчонка, кончивши школу, письма толком написать не может, что его мальчонку никуда «дальше ходу нет»; что он сам, учившийся в этой школе, с трудом только «прилагает руку», а все школьное знание куда-то улетучилось и исчезло. «Баловство одно»... – часто говорить он в минуты добродушного настроения, – когда изредка забываются невзгоды и ярмо жизни.

И народ прав! Прав в своем и отрицательном и враждебном отношении к нынешней «народной школе», предлагающей ему вместо нужного знания какой-то подозрительный суррогат, открывающий вместо широких дверей в светлый Зал науки и поэзии полувершковую дырочку, заделанную тусклым стеклом...

Он также прав, как мы, интеллигентные классы были правы в своем враждебном отношении к Толстовским гимназиям с их иссушающей схоластикой и усыпляющим классицизмом; к университетскому уставу 1884 г., подводившему наши высшие школы под общий бюрократический ранжир, изгонявшему из них дух землячества, братства, солидарности и общественности!

Нам не раз приходилось слышать от лучших «земских» людей, от людей глубоко преданных народным интересам, горькое признание, что и «гроша нельзя дать за нынешнюю народную школу, – будь она хоть земская, хоть министерская, хоть церковная». Нередко подобные же, выстраданные умом и сердцем заключения можно слышать и из уст самих непосредственных «сеятелей» на народной ниве. Более вдумчивым и преданным своему делу народным учителям больно бывает чувствовать свое и обидное, и глупое положение – видеть всю темноту, невежество народа, встречаться поминутно с его мучительными, пытливыми запросами знанию и не иметь права написать даже письма для мужика его сыну солдату, – ибо всякое духовное общение с народом «вне школы и ее программы» учителю запрещено под страхом всяческих жупелов и скорпионов, вплоть до изгнания и лишения куса хлеба единоличной волей министерского авгура – инспектора народных училищ.

Считаем нужным повторить еще раз, что во всех выше очерченных дефектах мы отнюдь не виним начальную школу саму по себе: она посильное себе в данных ей рамках и пределах свершила... И если мы говорим, что народ прав в своем отрицательном отношении к нынешней школе, то это значит лишь, что школа эта и вообще дело

первоначального народного образования нуждается в глубоких коренных реформах, в капитальной перестройке.

III

Припомним курс тех «знаний», которые дает одноклассная, с тремя отделениями народная школа, – этот обычный и узаконенный тип нашего народно-просветительного учреждения.

Закон Божий, чтение, письмо и арифметика – таков официальный комплекс преподаваемых в ней предметов. Посмотрим – к чему, в конце концов, сводится объем и содержание их.

Закон Божий поставлен был во главу угла народно-образовательного дела и ему указана почетная миссия – религиозно-нравственное просвещение народа. Задача эта в своей общественно-этической части сводилась к воспитанию народа в страхе божием и в повиновении властям предержащим. Такое моральное воздействие как нельзя более должно было соответствовать видам господствующих классов и правящих сфер, стремившихся, конечно, гарантировать свое привилегированное положение на все будущие времена. «Страх» и «повиновение» должны были сдерживать народ от попыток самоопределения, охранить от пробуждения критически-думающей мысли. И это, по-видимому, достигалось тем легче, что находило самую благодатную почву. Вся, более чем тысячелетняя история русской государственности научила уже народ, показала ему, что только страхась гнева божия и повинуюсь властям предержащим, он ни смерть...

Насколько широко и глубоко было чисто религиозно-нравственное воздействие Закона Божия на народную психику – учесть, конечно, весьма трудно, – и, может быть, даже позволительно сомневаться в благих результатах этого воздействия. Но несомненно, что при выше указанных условиях предметное содержание Закона Божия – краткая священная история, молитвы и заповеди – хорошо подошло к комплексу этой психики и с успехом могло сеять семена смирения и долготерпения в народную душу. Правда, сеять на почву, уже тучную теми плодами, которые ожидалось от посева, оказывалось делом довольно скучным, – и во многих случаях преподавание Закона Божия застывало на отделе событий из священной истории.

Но и в этом своем виде предмет должен был играть на всех струнах народной психологии: библейские ангел и дьявол хорошо гармонировали с олицетворениями народной демонологии, а всякие сверхъестественные явления и чудесные события обильно питали народную мистику, глубины которой неизмеримы, – настолько неизмеримы, что очевидно не одно еще поколение будет погружено в нее с темени до пят,

и долго еще народ не будет уметь разобраться, с одной стороны, в событиях и лицах библейской истории, а с другой – в созданиях своей собственной фантазии.

Второй предмет школьной учебы – арифметика – в конце курса заставлял, конечно, школьников ездить по железной дороге, кроить сукно и драп, смешивать разные сорта чаю и сахару, переливать из одной бочки в другую вино и т.д. Все это должно будто бы развивать логическое мышление, сметливость и находчивость. Мы не будем останавливаться на этом предмете. Упомянем лишь кратко, что в самом распространенном в низших школах Вологодской губернии, учебнике Гольденберга есть масса таких задач, при решении которых действительно требуется «сметливость» и «находчивость», а никак не логическое мышление, ибо при его посредстве «задача никак не выходит» – как говорят школьники. Эти задачи для решения «нужно брать с чуть-чуть заметного кончика хвоста» – говаривал один знакомый нам педагог.

Просветительный смысл Чтения и Письма заключается, конечно, в тех руководствах и хрестоматиях (или по школьной терминологии «Книгах для чтения»), которые и призваны сообщать знания, расширять умственный кругозор учащихся, а через них и народа. Книг этих издано довольно много, и все они, имея свои специфические достоинства и недостатки, выкроены обыкновенно по довольно однообразному шаблону, распадаясь на три главных раздела: общелитературный, технический (в широком смысле этого слова) и историко-географический.

Как источники света и знания, книги эти, конечно, должны были пройти самый тщательный искус, прежде чем иметь право явиться в аудитории народной школы. На всех них неизменно должна лежать печать или «одобрения», или по меньшей мере «допущения» и «разрешения» со стороны какого либо «Комитета», выдающего запретное и дозволенное для народа. Все, не имеющее такой печати, беспощадно отсюда изгонялось.

Пожалуй, по одному этому обстоятельству можно было бы судить, что за перлы знания подносились народу в этих «книгах для чтения». Оставляя в стороне те разделы, которые мы назвали общелитературным и техническим, скажем два слова о последнем – историко-географическом.

Что за исторические сведения здесь заключаются! Россия трактуется тут, конечно, как самая счастливая, богатая и могущественная страна в подлунном мире. Всех она побеждала и била – и в одиночку в вкуче, – ибо все ее полководцы были или гениальны, или страшно искусны. Все правители, вельможи, министры России только то и делали, что вводили благодетельные для народа реформы, устраивали и просвещали государство, развивали торговлю и промышленность. Все лица и события окрашены здесь в один розовый цвет, проходят в одной слепо-хвалебной перспективе. Получается, таким

образом, своеобразная история в лицах, дающая понять, что если бы этих лиц не было, то не было бы ни России, ни тем паче ее истории, и ее «благоденствия». Русский народ, масса в этих «исторических писаниях», конечно, или совершенно отсутствует, или «безмолвствует». Народ этот ни о чем по-видимому не думает, ничего не высказывает, ничем не интересуется, ни от чего не страдает и... надо полагать, наслаждается лишь своей беспечальной и беззаботной жизнью, устраиваемой для него вверху стоящими добрыми гениями отечества.

Если мы примем во внимание, как недавно сравнительно стала проникать в народ книга и вообще печатное слово, более или менее свободное от «комитетских» одобрений и разрешений, то легко поймем, что могла дать народу школа, в каком виде проникал в народную среду свет знания и насколько этот свет помогла ему разбираться в окружающей жизни...

Вспомним здесь хотя бы то, как была встречена в комитетских сферах изданная в половине 90-х годов брошюра покойного В.А. Гольцева под названием «Что такое подати и куда они идут», – теперь почти забытая. Несмотря на свою сугубую лояльность, она не удостоилась допущения в народную аудиторию. Да что говорить о брошюре Гольцева (она как-никак, а давала настоящее, неподдельное знание), когда в свое время даже довольно-таки водянистое «Родное Слово» Ушинского было изъято из обращения в народной среде, хотя уловить здесь что-либо «опасное», казалось бы, уже совершенно невозможно. А что делалось с корифеями русской литературы – с Некрасовым, Пушкиным, Тургеневым, Л. Толстым?.. Как их стригли, кромсали, сортировали, изгоняли из школы и народной аудитории, охраняя народ от этих «опасных» людей. Кому неизвестна смахивающая на скверный анекдот история о Некрасовской библиотеке, в которую сочинения Некрасова не были допущены?

Мы бы долго не кончили, если бы стали восстанавливать весь печальный мартиролог русских авторов и книг, подвергшихся остракизму из аудитории того самого народа, за который они «полагали душу свою». Этот вопрос требует и ждет своей особой истории.

Зато с одобрения Синода и министерства Народного Просвещения подносились народу такие, например, шедевры из области прикладных знаний. Священник Н. Смирнов в своей брошюре «Краткое руководство к садоводству» пишет: «Чем спастись от червей (садовых)? Одной только молитвой, св[ятой] водой, с заклинанием св[ятого] муч[еника] Трифона, положенным в Большом Требнике. Когда читаешь эти молитвы, всегда бывает великая польза: черви пропадают (сохнут) на другой же день. Только при этом должно

исполнять правило церковного устава: читая их, упоминать не всех животных, а только одно то, которое вредит растениям в данную минуту, например, червь или мошку».⁹⁸

Понятно здесь вождение о. Смирнова – и самому поживиться за счет темноты народной и другим попам дать на это возможность. Понятна и рекомендация Синода, данная творению о. Смирнова. Ну, а Министерство-то просвещения народного чем руководствовалось, одобряя со своей стороны этот поход против «мошки», которая, кстати сказать, столько же «вредит растениям», сколько и тот письменный стол, на котором писалось министерское одобрение?..

IV

Но было время (чего у нас на святой Руси не бывало!..), когда и те обрывки урезанных и фальсифицированных знаний, которые давала народная школа, были признаны опасными, лишними для народа, а самая школа (особенно «земская») стала трактоваться как гнездо крамолы и растления вековых устоев государства. Особенно опасным признавался ее будто бы светский характер. И вот на среднюю и высшую школу был предпринят и завершился полной победой поход Д. А. Толстого, так же и на низшую народную школу. В начале восьмидесятых годов поднялся незабвенный герой российского мрака и гаситель света К. П. Победоносцев, в качестве обер-прокурора Синода имевший возможность организовать свою боевую дружину не только из подвластного ему приходского духовенства, но и из агентов министерства как Внутренних дел, так и Народного Просвещения, которые в этом деле послушно шли туда, куда звал указующий перст знаменитого мракобеса.

В целях борьбы с растлевающим влиянием «светской» земской школы был выработан особый тип, так называемой церковно-приходской одноклассной школы, в программе которой усилено преподавание Закона Божия, введен обязательный церковно-славянский язык с церковным пением и чтением, а программа общих предметов (т.е. арифметики и русского чтения-письма) была соответственно урезана. Рядом с этим был создан еще низший тип первоначальной церковной школы – «школы грамоты», открытие которых предоставлено было исключительно лишь духовенству и запрещалось земствам. Немного позже были проектированы 2-х классные церковно-приходские школы и «второклассные» учительские, имевшие целью подготовку учителей для одноклассных школ и школ грамоты.

⁹⁸ Цитируется по «Московскому еженедельнику» (1906. 2 декабря. № 37. С.53).

Для заведывания всеми этими школами были созданы епархиальные училищные советы с уездными отделениями и с особыми наблюдателями – инспекторами церковных школ. Во главе дела стояли Училищный Совет и Учебный Комитет при Синоде. Ближайший надзор за всеми школами был поручен приходским священникам, снабженным особыми инструкциями по заведыванию ими и по наблюдению за преподаванием. Из всех этих учреждений светский элемент был почти совершенно изгнан, и духовенство должно было явиться единоличным вершителем судеб русского народного просвещения, – поскольку дело строительства церковной школы росло и ширилось. Вместе с этим, конечно, изменились методы и способы воздействия на «просвещаемую» массу, с каковой целью были составлены специальные учебники и книги для чтения, долженствовавшие получить одобрение Учебного комитета при Синоде, чтобы иметь доступ в аудиторию народно-церковной школы.

И пошла по всей России гулять то победная и самохвальная, то просительная и уничижительная «песнь просвещения», которую должен был воспринять с вящим благоговением и благодарностью русский народ. Легко понять, что с появлением церковно-приходских школ образовательное значение русской начальной школы, как рассадницы знаний в народ, еще более сузилась, приняв, вместе с тем, специфическое воспитательное направление.

В Вологодской губернии убежденным сторонником и ревнителем церковной школы явился покойный ныне губернатор г. Кормилицын, принявший на себя звание «почетного попечителя» их. В видах пропаганды основных начал церковной школы, распространения их и расширения средств на это дело, он не пренебрегал прямым давлением на земские учреждения снабжая ко времени открытия сессии уездных земских собраний председателей их и даже более видных гласных просьбами и указаниями о необходимости поддержки и развития дела по устройству церковно-приходских школ.

Подобная пропаганда церковной школы, исходившая от такого высокопоставленного в губернии лица, не осталась, конечно, без надлежащих последствий. Ассигнования на церковные школы из местных (земских) средств с каждым годом росли, а вместе с этим постепенно тормозилось расширение сети школ всех других типов. Уездные земства, призванные печься о первоначальном народном образовании, оказались в прямой необходимости защищать свои, земские, школы и попали в крайне затруднительное положение: с одной стороны, отказ все возрастающим требованиям о субсидировании церковных школ грозил всеми последствиями «неудовольствия» со стороны руководящих сфер, а с другой – расширение сети земских школ стало встречать с каждым годом все большие и большие препятствия. Земства все чаще и чаще должны

были считаться с запрещением открывать свои школы в известных пунктах, вместе с чем выдвигалась и подсказывалась мысль о передаче таковых духовенству.

Такое двухстороннее давление уездным земствам Вологодской губернии оказывалось не под силу, и они большею частью подчинились предначертаниям администрации. Так, Яренское и Устюгское земства, теряя позицию за позицией, с каждым годом прибавляя и прибавляя пособие на содержание церковных школ и не видя конца требованиям на это, сочли за благо совсем отстраниться от дела народного образования и в начале 90-х годов все свои земские школы со всеми ассигновками на них передали в руки духовенства. Другие земства до такой крайности хотя не дошли, но оказывать пособие церковным школам, равно как и увеличивать ежегодно сумму этого пособия, были вынуждены, и в большинстве земств пособия эти выразились в конце концов в весьма почтенных цифрах.

Характерную и яркую картину даст в этом случае Устьсысольское земство.

В 1885 году Усть-Сысольское земское собрание, «выслушав предложение г. губернатора о назначении пособия церковно-приходским школам», отнеслись к этому предложению весьма сочувственно и определило: «поручить управе оказывать помощь церковно-приходским школам в случае, если они обратятся за таковой, а необходимые на это суммы относить на счет остатков от сметных назначений».⁹⁹

Легко здесь видеть политику земства, думавшего выехать на «сочувственном отношении» и пока твердо стоявшего на страже своих реальных средств. Но в следующем же 1886 году пришлось уже назначить определенную сумму: сначала земство было ограничилось 340 рублями, но в одно из дальнейших заседаний той же сессии, выслушав письмо г. начальника губернии», прибавило еще 918 руб. и, таким образом, ассигновка достигла 1258 руб. сразу. В 1887 году пришлось дать уже солидную сумму – 2948 рубл. В 1888 году ассигновано 3350 руб. В 1899 году – 4664 руб. и кроме того «единовременно, на постройку зданий» для церковных школ, 1000 руб. В 1890 году ассигновано 5000 руб. В 1891 году – 5650 руб. и т.д. до 1899 года, когда сумма пособия дошла до 9300 руб.. Зато за целое десятилетие с 1886 по 1895 год Усть-Сысольское земство не открыло ни одной своей школы, – так влиял на него рост церковных школ.

В совершенно подобном же положении находились и другие земства с[еверо]-в[осточной] половины губернии – Сольвычегодское, Вельское, Никольское, Тотемское, – и лишь три ю[го]-з[ападных] земства – Вологодское, Грязовецкое и Кадниковское меньше

⁹⁹ Журнал Устьсысольского земского собрания. 1885. С. 31 – Р.Л.

поддались давлению администрации, хотя назначение пособий церковным школам в той или иной сумме, и они не могли избежать.

V

Под попечительной фериулой всей, прикосновенной тогда к народно-просветительному делу администрации, оказавшейся в тесном союзе с духовным ведомством, церковно-приходская школа в Вологодской губернии расцвела пышным махровым цветком, и в то же время развитие земской школы приостановилось, замерло.

Самую выпуклую и яркую картину победного шествия церковной школы даст период времени с 1883 по 1894 год: за эти 12 лет новых земских училищ было открыто в Вологодской губернии всего 33, а церковно-приходских школ 323! Случались за это время года, что все десять уездных земств губернии не имели возможности открыть ни одной школы (таков, напр. 1892 год). Целый ряд годов отмечен открытием всего одной школы на губернию (таковы года 1887, 1888, 1890 и 1893).

В последующие, затем, три года (1895-1897) земская школа начинает несколько оживать, хотя и церковная не проявляет еще намерения уступить свои позиции: за это время новых земских школ открыто 27, а церковных – 57.

Лишь с 1898 года проявляется, наконец, более решительное оживление земской школы, рядом с чем дельнейший рост церковной школы начинает соответственно падать, проявляя прогрессивное из года в год уменьшение числа вновь открываемых школ. За 9-летний период – с 1898 по 1906 гг. – земских школ открылось 235, а церковных уже всего 75, причем три последние года – 1904, 1905 и 1906 – иже для этой школы отмечены тем «грустным» обстоятельством роста, которое указано выше для школы земской: за эти три года новых церковно-приходских школ открылось всего 4 – две в 1904 и по одной в 1905 и 1906 годах.¹⁰⁰

В конце концов, все вышеописанные меры к насаждению церковно-школьного образования, в связи с запрещением земству открывать 2-х классные училища и школы грамоты, повели к тому, что к настоящему времени в Вологодской губернии церковных школ оказывается гораздо больше, чем земских и министерских, вместе взятых.

По сведениям той же «Текущей школьной статистики Вологод. губ. Земства», к 1905/6 учебному году школ числилось: министерских – 40, земских – 476, церковно-приходских – 557 и школ грамоты – 294.¹⁰¹ Зная, что последний род школ тоже

¹⁰⁰ Все цифры взяты из: «Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства». Вологда. 1907. С. 3 (таблица).

¹⁰¹ Там же. С. 2.

исключительно церковные, мы видим, что в руках духовенства в 1905/6 году находилась 851 школа, против 516 земских и министерских, – хотя необходимо отметить, что число обучающихся в тех и других было почти равное. Причина последнего явления кроется как в худшем во всех отношениях оборудовании церковных школ, так и в меньшей популярности их у населения, в конце концов всегда способного оценить предлагаемую ему духовную пищу и лишь поневоле, конечно, вкушающего всякий плод, подносимый ему в виде «плода знания»...

Вот при каких условиях жила и развивалась «народная школа» в Вологодской губернии. Мудрено ли, что школа эта не в состоянии была и прежде, не в состоянии и теперь удовлетворить умственные запросы народа, что народ по сие время относится к ней – выражаясь более мягко – равнодушно, и что по мере понимания он сам кое-где начинает указывать на желательный тип школы, основательно требуя расширения и улучшения программ, преподаваемых в ней предметов.

В начале 90-х годов земства Вологодской губернии стали ясно сознавать те тощие плоды, которые давала «просветительная» деятельность в сети школ, открытие которых было им дозволено. Вместо «посева разумного, доброго, вечного», отмечались крупные рецидивы безграмотности населения, прошедшего начальную школу. Вместо «света» и «знаний», в народной среде по-прежнему царили нарочито культивируемые мрак и невежество. Доверия и любви к школе со стороны народа по-прежнему не было: вся школьная учеба была у него на плохом счету.

Эти обстоятельства сами собой подсказывали мысль о так называемом внешкольном просветительном воздействии на массу народа. И, вот, начинается период учреждения и распространения различного рода народных библиотек, проявляется стремление к организации чтений для народа. Но и здесь земства, конечно, встретились со всеми прелестями министерских «запрещений», «разрешений», «допущений» и «одобрений». Каталоги дозволенных для народной аудитории книг прямо поражали каким-то диким разгулом запретительной тенденции: в них, этих каталогах во всей своей наготе проявились ограниченность, трусость и подозрительность мракобесия, налагавшего свое veto на малейшее проявление живого слова и независимой мысли. В первую голову подвергались остракизму, конечно, все корифеи родной литературы, которыми справедливо гордится Россия. Их упорно гнали и прятали от глаз народа, как зачумленных, способных заразить других...

Было бы долго и слишком грустно рассказывать весь этот печальный мартиролог: он у всех на памяти и, думает, всем знаком. Обратимся поэтому опять к цифрам.

Земства, конечно, сознавали, что путь открытия библиотек есть единственно возможный при существующих условиях способ провести в народную среду хотя какой-нибудь луч знания и света. Сознавалось ими и то, что книга вообще, хотя бы процеженная через всю толщу «запрещений» и «одобрений», все-таки книга, а не школьное руководство для чтения. Поэтому на дело развития и распространения народных библиотек земствами Вологодской губернии в последнее десятилетие было обращено довольно серьезное внимание, результаты которого выражаются в следующем: к первой половине 1907 года чисто земских библиотек насчитывалось в губернии 635, и с тем или другим пособием от земства было 36 библиотек (из которых 27 имени Ф.ф. Павленкова). Кроме земских библиотек к тому же времени в губернии числилось 145 библиотек различных учреждений, обществ и частных лиц. (В этом числе самую крупную цифру – 103 – дают библиотеки попечительства о народной трезвости, потом было 13 библиотек Ф. Ф. Павленкова, 10 – частных лиц и 9 библиотек, содержимых сельскими обществами).¹⁰²

К сожалению, мы не находим подходящих данных, чтобы судить о количественном и качественном составе народных библиотек. Некоторое понятие о количественной стороне дела можно, пожалуй, иметь из того обстоятельства, что всеми земствами Вологодской губернии (как видно из сейчас упомянутого доклада) на 766 библиотек, которые предположено иметь в 1908 году ассигнуется 36.713 рублей. Это дает 47 рублей с копейками на библиотеку. Сумма – не бог знает какая щедрая, если иметь ввиду, что на нее же, кроме книг и газет, надо изловчиться найти для библиотеки помещение и заведующего-библиотекаря.

Что касается качественного состава библиотек, то априорно можно полагать, что на нем (исключая м[ожет] б[ыть] библиотек, открытых в самое последнее время, в дни «свобод») несомненно весьма ощутительно сказываются охранительные тенденции эпохи «запрещений» и «одобрений». Наше личное знакомство с некоторыми народными библиотеками всякий раз подтверждало это предположение: все книги в них, исключая выписки двух последних годов, обычно относятся к тому разряду разрешенной и процеженной литературы, которою кормили народ с благословения осторожного начальства.

Наконец, относительно народных чтений и лекций нужно сказать, что дело это в Вологодской губернии идет совсем плохо. Всяческие препятствия, чинимые

¹⁰² Доклады Вологодской земской управы собранию 2 очередной сессии XIII трехлетия. Доклад о народных библиотеках.

администрацией устройству этих чтений и в выборе тем, должно быть, совершенно отбивают охоту, как у земств, так у лекторов, жертвовать на это дело своим временем, а то, может случиться, и персонально своей особой...

С благословения того же политиканствующего начальства заметнее всего была организация чтений попечительствами о народной трезвости. Но чтения эти в огромном большинстве случаев вещали те же истины «смирения» и «долготерпения», нудная проповедь которых немолчно раздается уже сотни лет...

Мы старались представить картину того ведения и постановки у нас дела народного просвещения, при которых народ, лишенный всякой возможности воспитать в себе интеллектуальные силы, развить и проявить какую-либо инициативу в государственном строительстве, в конце концов оказался совершенно нищ и духом, и телом. Материально обнищавши до того предела, где носятся уже призраки голодной смерти, он и в своей духовной сокровищнице не находит ничего кроме черного отчаяния. И он проявляет это отчаяние... И будет проявлять его, не смотря ни на какие репрессии, ибо «отчаяние» не боится ни пуль, ни виселиц, не поддается ни увещаниям, ни угрозам, не считает и не жалеет последнего гроша, последнего зипуна и тащит его к кабатчику...

Неужели все это не понятно? Неужели неясно, что народ остался при одном «отчаянии» и при голодном брюхе, благодаря той охранительной политике, которая десятки лет неуклонно пресекала всякий луч света и знания, направленный в народную среду, в народную психику?

Великий, основной вопрос социального творчества и государственной мощи – вопрос об образовании народа – долгие годы был игрой в шкурную политику господствующих классов, и получились плоды, достойные посеянного зерна!..

Между тем, кто может объять все великое значение образования и просвещения народа, воспитывающих его духовную коллективную мощь и инициативу, для того должно быть ясно, что при известной постановке этого просвещения, при надлежащей широте, свободе и доступности образования для народа, что при этих условиях, должны были бы измениться многие общественно-экономические дисциплины и концепции, составляющие последнее слово социологических знаний: должны были бы стать на другие позиции многие выводы и предпосылки так называемых гуманитарных наук, в основу которых пока неизменно вложена та или другая доля «благопожелания» и «опеки» по отношению к народу. Необъятно велико значение просвещенного и развитого ума масс, и никто еще не имел возможности учесть всю силу и меру сознательного воздействия таких масс на дело государственного строительства и общественной жизни,

как не имел возможности сказать свое слово, проявить свою инициативу в этом деле сам народ.

Давно поэтому на знамени народной школы должно быть начертано: вся полнота и вся свобода знания!

С этим знаменем не нужна будет никакая «опека», никакое «благотворение», никакой «подвиг» служения народу в сфере общественных отношений граждан государства между собою. Только с этим знаменем в ругах свободные сеятели на ниве народной понесут то «разумное, доброе, вечное», за которое можно заслужить «спасибо сердечное» от народа.

Добиваться этого знамени, добиваться возможности беспрепятственно и широкой рукой сеять знание на тучную ниву народной темноты и невежества – составляет очередную коренную задачу переживаемой нами эпохи – единственный долг лучших сынов отечества!

Давно уже указаны и выработаны те формы, в которых должно быть влито дело народного просвещения. Это – свободная, светская, общедоступная, повсеместная низшая школа, непосредственно связанная со школой средней, а через последнюю – с высшей, это – свободная, общедоступная и повсеместная библиотека, вмещающая все отделы знаний, это – наконец, общедоступная и бесплатная средняя и высшая школы, имеющие на своем знамени те же слова о свободе и полноте знания.

На это дело **должны быть** найдены и назначены средства из государственного бюджета предпочтительно перед всякими иными «нуждами» и «потребностями». И средства эти, конечно, не должны быть меньше тех, которые отпускаются на постройку «новых тюрем»...

Рукопись

Приложение 8

Попов В. Ф. Из жизни женщины-зырянки

I

В общественном быту зырян Усть-Сысольского уезда наблюдается весьма интересная картина положения женщины. Здесь мы встречаемся с чертами, свидетельствующими до какой степени, так называемое, равноправие женщины живет в действительной жизни народных масс, идя навстречу культурным проповедникам и сторонникам женского равноправия. Но само собой разумеется, полнота этих черт и

фактическое разлитие их парализованы степенью развития окружающей общественной жизни в ее целом, и юридической регламентацией этой жизни путем писанного закона.

В виду наличности последнего фактора, осуществление равноправия женщины-зырянки полнее и рельефнее сказывается в тех областях быта, которые меньше затронуты нормами официального закона и в которых поэтому полнее могут выражаться народно-правовые воззрения и обычаи.

Наиболее ярко экономическое равноправие женщины-зырянки выражается в земельно-хозяйственной области. Здесь она совершенно равноправна с мужчиной, начиная с колыбели и кончая положением вдовы-домохозяйки двора. Изю всей практики зырянской земельно-общинной жизни мы не знаем случая, чтобы мужской пол чем-нибудь был предпочтителен перед женским. При переделах земли женщина всякого возраста и положения в семье считается везде и всюду таким же «едоком», как и мужчина, имеющим равное право с этим последним на причитающийся по разверстке надел земли. Никогда не случалось нам наблюдать и того, чтобы пай на женщин были уменьшены или сокращены в какой-либо мере. Равным образом в зырянских общинах не было и нет обычая делить землю по душам только мужского пола, и женщина всюду входит в уклад земельно-общинной жизни в качестве равного с мужчиной члена. Пай выходящей замуж девушки по установившемуся обычаю переводится в ее новую семью при первом же уравниении земель и, таким образом, она и здесь не оказывается на положении «безземельной пролетарки».

Так обстоит дело в отношении общинной земли, идущей в уравнительную разверстку.

Но помимо того, выходящая замуж девушка-зырянка зачастую получает пай из «новых земель (росчистей семьи), если только она принимала личное участие в разделке таковых... В этом случае обнаруживается не пошловатый обычай дачи приданного, а признание за девушкой права на ее труд, приложенный к расчистке «новых» земель», ибо трудоу принцип права на землю глубоко внедрен в психику этой народности.

В связи с указанным укладом жизни находится и равноправное положение женщины-вдовы, как хозяйки и главы крестьянского двора. Нам совершенно не известны даже попытки «обезземелить», вдовый двор, и только в тех случаях, когда такой двор почему-либо добровольно отказывался от части земли (отказы от всего количества ее крайне редки), община решается взять спускаемую землю. Поэтому в зырянских селениях встречается очень много домохозяев-вдов.

Такой двор несет, конечно, все денежные и натуральные повинности наравне с прочими мужскими, и хозяйка его выбирается на все общественные должности,

исполнение которых не грозит коллизией с нормами писанного закона. Выбранная десятским, домохозяйка-вдова бодро несет свои обязанности: дежурит в волостном правлении, гонит на сходы народ, носит повестки и пакеты и даже сопровождает арестантов, если не встречается к тому препятствий со стороны какого-либо «начальства». Участвуя сама на сходе в качестве полноправного члена, она ретиво отстаивает интересы своего двора и зачастую перекрикивает малоподвижную бородатую половину, в конце концов отмахивающуюся от ее слишком горячих доводов.

Равноправное положение женщины, как главы крестьянского двора, конечно, соединяется со всей полнотой прав, сопряженных с таковым положением и не ограниченных какими-либо законоположениями о крестьянах. Так, например, совершенно независимо от соответствующего сенатского разъяснения зырянка-вдова могла давать или не давать своего согласия на семейный раздел по закону 18 марта 1886 г.; имела никем не оспариваемое право входить в сделки и договоры, практикуемые в крестьянском быту, отчуждать и приобретать имущество и т.д.

Обычное право наследования у зырян также не отделяет женщину от мужской половины, при чем это имеет место независимо от ее семейного положения, – т.е. будь она девушка, замужняя или вдова, ее права, как члена крестьянской семьи от этого не видоизменяются и ничем не отличаются от соответствующих наследственных прав другого пола. Необходимо здесь пояснить, что право наследования у зырян целиком опирается на трудовой принцип пользования и владения, а поэтому принципу всякий труд, значит и труд женщины, должен быть соответственно вознагражден за счет того «имущества», которое является объектом наследования и раздела.

В виду этого, если здесь женщина получает из состава какого-либо имущества меньшую чем мужчина долю, то лишь потому, что ее труд в приобретении и скоплении последнего мог быть почему-либо менее производительным или сравнительно более малоценным количественно. Всякие другие соображения и градации обычному воззрению зырян в этой области совершенно чужды.

II

О более внешней, житейской сфере положение женщины-зырянки тоже должно признать вполне удовлетворительным, где равноправие ее далеко оставляет за собой мечты иных культурных женщин.

В доме, в хозяйстве она не только равноправный мужчине член семьи, но зачастую берет перевес над своим увальнем-мужем. Всякие сбережения семьи, съестные припасы, домашняя обстановка и т.п., все это на ее руках и в ее распоряжении; она полная

управительница и экономка дома, каковому положению способствует, между прочим, и большое распространение среди зырян мужских отхожих промыслов и особенно охоты. В чисто домашней сфере мужчина едва ли когда-либо и пытается высказывать свое главенство: чем покормит, во что оденет его жена, то и ладно...

Положение девушки в семье тоже едва ли чем разнится от положения парня. Будучи ближайшей помощницей и советчицей матери, она обычно занимает по отношению к братьям положение, вполне аналогичное с отношениями матери к отцу. В личных своих делах девушка настолько же свободна и независима, как и ее братья. После ежедневной работы с семьей, она также проводит вечер на посиделках, где делает свободный выбор «милого», за которого большей частью и выходит замуж. Последнее особенно возможно потому, что у зырян по сие время наблюдается сравнительно равномерный экономический уровень жизни, в котором хозяйственная дифференциация и расслоение чуть только еще начинаются.

При обрисованном выше положении женщина-зырянка, конечно, совершенно чужда какой-либо приниженности, забитости или замкнутости. Она везде и всюду там же, где и мужчина.

Оставляя в стороне расовые и демографические причины описываемого нами явления и взглядыываясь в более реальный и близкий экономический уклад быта этой народности, мы должны констатировать, что соответственно своему равноправию женщина-зырянка несет и «труд» жизни. Мы даже склонны в этом несении труда видеть главную, быть может, исторически более близкую причину равноправия зырянки.

В самом деле, в быту этой народности найдется мало таких областей, в которых женский труд не конкурировал бы с мужским. Так в земледельческом хозяйстве, составляющем так или иначе, основу жизнеспособности зырян, женский труд везде прилагается в равной мере с мужским. Женщина и косит, и пашет, и корчует пни на новинах и сенокосных чащобах, не отставая от своей бородатой половины. Весной и осенью в отсутствие мужчин, ушедших на заработки, ей зачастую приходится исключительно одной управляться с полевыми работами: сеять яровое, поднимать пары, сушить и молотить хлеб, возить сено и дрова и т.д. В промысловой области жизни она тоже не чужда весьма крупного участия: она идет на пилку и рубку дров на приуральские заводы; возит сортовой лес по глубоким снегам зырянских лесов, плывет весной на плотках по широкому приволью северных рек в качестве полной работницы; копает и возит руду для чугунно-плавильных заводов; шлифует брусья и точила в далеком пригорье. И лишь охота и промысел по катке обуви и портняжничеству обошел ее почему-то. Но неучастье

свое в них она с избытком, конечно, выкупает тем разнообразным на дому трудом, который достается ей на долю в отсутствие мужского населения.

Все это участие в трудовой деятельности вместе с трудом деторождения, материнства и домашней суতোлки, конечно, не проходит зырянке даром. Ни «изяществом движений», ни «пластичностью форм» она похвалиться не может и очень рано стареет: в сорок лет она выглядит совершенно бесцветной, замороженной старухой, с неизгладимой печатью черной трудовой жизни на лице...

Однако, в той экономической и правовой равноценности зырянки, как члена общества и семьи, которую мы выше набросали, по нашему мнению, не хватает самой существенной черты – морального признания равноправия женщины, или иначе сказать – не хватает души, оживляющей право, без которой это последнее всегда будет мертво и холодно... Большая разносторонность психических способностей и превосходство физической силы мужчины сквозит везде и всюду. Отсюда некоторое презрительное отношение к «бабьему труду», к «бабьему уму»; к ее шумливости и большой нервности, к хозяйственной безалаберности. Особый психический склад женщины, особая физиологическая жизнь, обязанности материнства и «домоводства» при существующем бытовом и экономическом укладе связывают «равноправную» зырянку и делают из нее «бабу».

Север. Вологда. 1908. 19, 20 января

Приложение 9

Попов В. Ф. Охотничий промысел у зырян

I

Один из недавних исследователей Зырянского края в половине 70-х годов писал: «Зырянин – охотник по природе и, конечно, ни в чем другом не выражаются так его племенные инстинкты, как в охоте: это его история и поэзия. Если бы нужно и можно писать историю зырян, то надобно было бы писать историю их охоты; если бы кто хотел изучать их поэзию, то должен был бы познакомиться, прежде всего, с их охотничьими рассказами». (Кл. Попов В.: Зыряне и зырянский край», с.70)

Действительно охота – самый древний, коренной и излюбленный промысел у зырян. Начало его как экономического фактора жизни таится в глубине веков, вместе с корнями народной любви и полумистического уважения к природе, к уюту и простору

родных лесов и раздолью светлых вод озер и рек, густо вкрапленных здесь в широкую картину северного пейзажа.

Важная, когда-то господствующая роль охоты в экономической жизни народа явствует из некоторых исторических фактов. И господин Великий Новгород и, позже, крохоборствующая Москва собирали здесь «государеву дань» пушниной: черным соболем, белоснежным горностаем и серой белкой. Последняя, очевидно, была и денежной, меновой единицей. По сие время зырянское название белки – ур – означает русскую копейку на ассигнационный счет. Судя поэтому, русские 3 копейки, когда-то соответствовали в меновом обороте 10-ти белкам (3 коп. по-зырянски «Дас-ур», что в дословном переводе значит «10 белок»).

Затем уже в позднейшее время – может быть всего каких-нибудь 50-60 лет назад – охотничий промысел, уже рядом с небольшим земельным хозяйством, был единственным промысловым занятием зырян, дававшим им возможность выручать те несколько десятков рублей, которые нужны были для сведения бюджета их нехитрого хозяйства. И как мы видим в 70-х годах г. Кл. Попов, может быть, имел еще полное право писать процитированные нами выше из его работы строки.

Но жизнь неуклонно идет вперед, разрушая старые устои и бытовые формы. Капитал, или по народному выражению «рубель» и «копейка», проникают во все поры жизни; начинают диктовать свой уклад и свою форму экономических отношений; создают новые способы борьбы за право жизнеспособности. В 60-х годах зыряне Вологодской и Пермской губерний вместе с окружающим русским населением были захвачены в круговорот освободительных реформ и, конечно, не могли избежать соответствующего воздействия тех культурных форм быта, которые вводились в народную среду этими реформами. За прошедшую с этого времени эпоху «физиономия» жизни изменилась, старые устои расшатались и расшатываются, и охотник-лесовик-зырянин быстро утрачивает свои «типичные черты» и «племенные инстинкты». Помимо этого, нивелирующего влияния культурных форм жизни, утрате зырянином типичных черт охотника-лесовика, как и падению экономического значения охоты способствовали еще и свои специфические причины.

Огромные заготовки казной в последние десятилетия леса для заграничного отпуска внесли сплошной шум и гам в те, прежде тихие и глухие труппы, где лишь изредка осторожная и чуткая фигура зырянина-охотника да задорный лай его спутника-собаки нарушали своеобразную гармонию жизни лесного царства.

Учащающиеся же поэтому лесные пожары оголили и обезжизнили огромные пространства северных лесов. И, вот, жалобы на уменьшение дичи и зверя в районе

занятой зырянами территории становились год от году настойчивее и убедительнее; охота постепенно забрасывалась все большим и большим числом исконных промышленников-лесовиков, и к настоящему времени почти повсеместно свелась к третьестепенной роли в ряду других экономических факторов жизни. Лишь Припечорье, Верхнекамье, да Удора и Вашка – эти еще более или менее девственные углы зырянской территории, – могут считать охоту за видный промысел, удача или неудача которой способна влиять решающим образом на бюджет зырянина. Но эти редконаселенные и окраинные по своему положению местности, конечно, не могут уже менять общего характера картины, создающегося фактом постепенного упадка и сокращения охотничьего промысла в районе зырянского заселения.

II

Упадок промысла идет, так сказать, по двум линиям, во-первых, сокращается постепенно и абсолютное и относительное число лиц, занятых промыслом, во-вторых, уменьшается количество добываемого за известный период времени и зверя и дичи, что, конечно, в свою очередь влияет и на уменьшение дневного заработка промышленника.

Самый процесс сокращения или исчезновения промысла происходит как бы концентрическими, все расширяющимися кругами от более значительных поселений или сравнительно гуще населенных районов, круги эти постепенно растут и растут, захватывая такие местности и поселения, где еще каких-нибудь 10-20 лет тому назад промысел играл весьма крупную роль.

Много способствовало упадку охоты по некоторым отдельным районам появление заработка по заготовке леса для заграничного отпуска. Наем на этот промысел происходит как раз в начале сезона осенней охоты; самая работа по рубке и вывозке леса начинается с первыми снегами, т.е. тоже в охотничье время, наконец, промысел по заготовке леса при некоторых благоприятных условиях мог давать сравнительно крупные заработки. По всему этому в местах, где появился промысел по заготовке сортового леса, охота забрасывалась даже, так сказать, заматерелыми промышленниками, от души преданными ее прелестям живого и непосредственного общения с природой.

Но, несмотря на все выказанное, инстинкты охотника, страстного любителя природы пока еще не совсем заглохли в зырянах. Нет сомнения, что инстинкты эти не исчезли еще в самых последних молодых поколениях, выросших при таких условиях жизненной обстановки, которые совершенно не могли благоприятствовать проявлению инстинктов охотника и любителя лесов. Поэтому, конечно, и сейчас зырянин никогда не прочь – выражаясь его термином – «полесовать», и обязательно сходить в лес хотя бы на

неделю, если представится к тому какая-либо возможность по окончании полевых работ и до начала сезона других зимних промыслов. Поэтому же зырянин, будучи где-нибудь на отхожем промысле, первым делом вывозит оттуда ружье («пищаль»), которое зачастую висит у него годами без употребления, как у некоторых разжиревших городских любителей, почему-либо воображающих себя «страстными охотниками». Страсть к покупке ружья повела к тому, что у зырян редко можно встретить такие дома, где не было бы 2-3-х ружей, обыкновенно заведенных несколькими следующими друг за другом поколениями. Так что в этих своеобразных коллекциях с первобытной, перевязанной бечевками зырянской «винтовкой-кремневкой» – достоянием какого-нибудь ветхого дедушки, гордо красуются дробовые «берданки», массово выпускаемые теперь на рынок ижевскими оружейниками, использующими для этой цели задешево скупаемые военные ружья берданки. Но ружья эти, как мы уже сказали, больше висят и ржавеют без употребления, служа своего рода семейной принадлежностью.

Взглянем на некоторые цифровые данные о нынешнем состоянии охоты как промысла. В этом отношении нам лучше всего знаком Усть-Сысольский уезд, в котором охота была изучаема статистическим путем. В уезде этом, сплошь заселенном зырянами, еще в 40-50-х годах недавно минувшего столетия охота была самым видным и чуть ли не единственным промыслом, дававшим населению возможность обходиться без дальних и долгих отлучек на отхожие заработки. В то время зырянин ходил и в «осеннее» до декабря, и «весеннее» – в феврале и в марте – лесование, так что почти все зимние месяцы он выживал в лесу. Выходя оттуда домой только для того, чтобы продать добытого зверя и птицу. В настоящее же время во всем обширном и богатом еще лесами Усть-Сысольском уезде едва ли найдется такая местность (исключая может быть Припечорье и некоторые глухие уголки), чтобы охота, как экономический фактор, играла господствующую или хотя бы равнозначную роль в ряду других промыслов. Наоборот, – здесь уже на памяти ныне живущего поколения охота исчезла из целых районов, и в последнее время все более компактно населенные местности насчитывают охотников-промышленников лишь единицами. Таковы, например, вся нижняя и верхняя Сысола, таковы районы, тяготеющие к огромным при-Вычегодским селам, тянущимся без перерыва на 3-4 версты, таковы, наконец, все те волости, расположенные по верховьям больших рек уезда, где заготовки леса для заграничного отпуска составляют в настоящее время постоянный промысел.

Обращаясь к выяснению цен на продукты охоты и к определению заработка населения, мы должны отметить, что и цены и величина заработка находятся еще в прямой зависимости от того обстоятельства, – каков случится год по обилию в лесах дичи

и зверя (или, собственно, белки и рябчика, как главных продуктов сбыта). Дело в том, что последние имеют какое-то еще невыясненное стремление к массовым перекочевкам и годами совершенно исчезают из тех мест, где до этого времени они водились и, наоборот, – появляются там, где их в предыдущие годы не было. Так, например, по всему обширному Усть-Сысольскому уезду в зиму 1901-1902 гг. белка и рябчик встречались в весьма ограниченном количестве, а в следующую зиму 1902-1903 гг. они исчезли почти совсем со всей огромной территории уезда, исключая районы охоты крестьян Припечорских и Помоздинских волостей, уходящих в предгорья Уральского хребта. (Сборник сведений о состоянии промыслов Усть-Сысольского уезда, 1894, изд. Усть-Сысольского земства). В следующую затем зиму белка и рябчик опять появились в уезде в нормальном количестве.

Нет никакого сомнения, что такие перекочевки дичи и зверя, – когда они «исчезают» с огромных площадей лесной территории, – имели свою долю влияния на факт падения охоты, как промысла. Не имея расчета и возможности посвящать осень и зиму охоте, зырянин, конечно, прямо искал каких-либо других промыслов и заработков. Вместе с этим удача или неудача промысла в зависимости от обилия дичи и зверя, влияют, как мы уже упомянули, на высоту цен и величину заработка промышленника.

III

Для выяснения того обстоятельства, – в каком направлении происходит влияние удачи промысла на цены и размеры заработка охотника. Мы имеем ряд цифр в «Сборниках сведений о состоянии промыслов населения Усть-Сысольского уезда», разработанных автором настоящей статьи и изданных Усть-Сысольским земством.

В зиму 1900-1901 года, среднего по обилию дичи и зверя цена на десяток белок была 1 рубль; на пару рябчиков 27,8 коп., а средний ежедневный заработок охотника определялся (в валовой сумме) 45,9 коп.

В зиму 1901-1902 года, плохого по обилию дичи и зверя, те же данные выразились так: десяток белок – 1 руб. 7,7 коп., пара рябчиков – 29 коп., ежедневный заработок 34,6 коп.

Наконец, в зиму 1902-1903 года, окончательно плохого года по присутствию дичи и зверя, цены поднялись на огромный процент: десяток белок 1 руб.94 коп., пара рябчиков – 45,1 коп. Однако, средний ежедневный заработок охотника выразился в сумме 42,5 коп. (т.е. меньше, чем в среднем 1900-1901 году, когда цены были на 40-45 % ниже).

Не нужно больше комментариев, чтобы из этих цифр сделать надлежащие выводы.

Во-первых, как мы видим, заработок охотника сам по себе не очень велик, достигая максимума, и то в валовой сумме, 45,9 коп. Рядом на заготовке сортового леса зырянин в эти же года мог зарабатывать по 2 рубля в день и больше.

Во-вторых, «плохой» по обилию дичи и зверя год (1901-1902) свел заработок охотника, при незначительном повышении цен, до смешного минимума – 34,6 коп.

В-третьих, наконец, в 1902-1903 году, «окончательно-плохом» по обилию дичи и зверя, цены, хотя почти удвоились, но заработок не дошел до нормы среднего года. Очевидно, зырянин в этом году тратил слушком много времени на промысел, а добыл очень мало и, несмотря на двойные цены, не выручил того двойного заработка, какой доставался ему в средние года.

Важно еще то обстоятельство, что в плохие годы понижается сильно и абсолютная цифра заработка. В такие годы средний охотник за осенний сезон промысла выручает вместо обычных 30-40 руб. только половину 15-20 руб., а время у него уходит то же самое, ибо он, занявшись охотой, лишен возможности уйти на какой-нибудь другой промысел или заработок.

При обрисованных выше условиях существования охоты, как промысла, не трудно видеть, что ей приходит конец и не далеко то время, когда от нее останутся у зырян одни воспоминания.

Наше участие летом настоящего года в статистическом отряде Печорской экспедиции, снаряженной Главным Управлением Землеустройства и Земледелия в бассейн р. Сысолы Усть-Сысольского уезда показало, что вся эта коренная часть зырянского края, включающая в себя около 4/5 населения уезда уже по многим местам не знает охоты как промысла; что если где она и сохранилась, – по некоторым отдаленным и заброшенным в окраины селениям и волостям, то и там промышляющим элементом является более старое поколение, зачастую ведущее дело по традиции, в силу неистребимой любви к природе, к простору и раздолью родных лесов и вод. Молодое же поколение сплошь идет в отход по мастерству шитья и катки обуви, и отход этот в какие-нибудь 10 лет охватил весь Сысльский район, – хотя прежде до этого времени имел очень ограниченный размер.

Сама эта молодежь, большей частью прошедшая начальную школу и понатершаяся в чужих людях уже совсем не похожа на «детей лесов». Она «цивилизовалась», – обзавелась часами, зонтиками, галошами, оделась по культурному – в брюки и в пиджаки из сукна и драпа; и, конечно, мечты и вожделения ее стремятся не в лесные трущобы и болота, в погоню за белкой и рябчиками, – в ином направлении...

Что же?... Мы сказали бы этой молодежи «добрый путь», – если бы эта наружная, внешняя цивилизация сопровождалась пробуждением и подъемом духовных сил, развитием социального сознания и заменой утраченных инстинктов лесного человека инстинктами и самосознанием культурного члена человеческой семьи.

Север. Вологда. 1908. 12, 13, 14 сентября

Приложение 10

Попов В. Ф. Доклад о лесном хозяйстве Усть-Сысольского уезда

22 мая состоялось третье собрание общества, на котором было обсуждено два вопроса: о состоянии лесного хозяйства в уезде и о войне.

Доклад о лесном хозяйстве сделал В.Ф. Попов. Главные тезисы доклада сводятся к следующему:

1. Воззрение трудового народа на землю с ее естественными произрастаниями, на воды с ее рыбными богатствами и на леса с его обитателями – зверем и птицей, по сие время зиждется на той основной логической посылке, то все это Божье. «Божий дар» (по зырянски «Ён-лён лосьодём – тор»), к которому всякий имеет право приложить соответствующий труд с тем, чтобы извлечь из этих даров необходимые ресурсы и средства к жизни, к существованию на месте. Землю, дикую, никем не занятую, по этому воззрению, всякий имеет право разработать с целью превращения ее в какое-либо культурное сельскохозяйственное угодье: в пашню, покос, подсеку, поле и т.п. В водных бассейнах (реках, речках, озерах) всякий имеет право трудиться – ловить рыбу. В лесах (поскольку они произрастают по воле Божьей, в своих природных условиях, безо всякого приложения рук человеческих), всякий может использовать для своих надобностей нужное дерево, может ловить обитающих в лесах зверей и птиц, собирать грибы и ягоды и т.п.

1) По вытекающему из такого воззрения обычному народному праву лишь труд, приложенный в той или другой форме к этим дарам природы, дает право пользования и владения результатами и продуктами этого труда, в чем бы этот результат, этот продукт не выразался – в виде ли хлеба, добытого с пашни или подсеки; в виде ли сена, собранного с покоса, в виде ли добытых охотой рыбы, птицы, зверя; или, наконец, в виде срубленного и разделанного дерева.

Этот трудовой принцип, трудовое начало всякого владения – пользования (или неоформленного права собственности) широкой струей по сие время входит в

хозяйственно-экономический уклад народной жизни и составляет основу его правовых воззрений на все естественные природные ресурсы обитаемой им территории.

Поэтому народ в тайниках своего сознания не считал никогда и не считает теперь, что кто-нибудь, кроме Бога, может быть хозяином и распределителем этих ресурсов, этих даров природы. Поэтому же они по сие время не считают грехом или чем-нибудь предосудительным взять из района «казенных» лесов все, что можно оттуда взять, рискуя попасть под ответственность «за кражу леса», «самовольную порубку», «тайную закладку подсеки» и т.п.

2) На почве таких воззрений и в области применения труда в лесах и на землях «казенного» ведомства народ встретился с собственническими распоряжениями этого ведомства, старающегося ограничивать, ставить в известные рамки, в нормы существующего писаного закона, почти все формы применения народом своего труда в указанных выше целях.

Естественное столкновение народных воззрений и обычного народного права с нормами формального, писаного закона повело к тому, во-первых, что народ старался как-нибудь обойти закон, обмануть или подкупить лесную стражу, с тем, чтобы в той или иной форме использовать для своих нужд земельные или лесные богатства казны. Вторым же и весьма подобным последствием этого столкновения явилось наблюдательное, критическое отношение населения к порядкам и характеру хозяйствования казенного ведомства в обширных лесах нашего Севера.

3) Те же воззрения народа на лесные богатства края создают крайне затруднительное и щекотливое положение для местных чинов лесной администрации и лесной стражи.

С представителями лесной стражи – объездчиками и лесниками, поскольку они служат лишь слепыми исполнителями разных приказов лесничих, «осмотреть», «обмерить», «освидетельствовать», «опротokolить», «секвестровать» и т.п. – и поскольку они являются детьми того же народа, с теми же, по существу, воззрениями на лес и на права казны и населения – дело обстоит легче. Население с ними обычно держится за панибрата и готово прикрыть разные грешки их, как и наоборот. И стража обычно вынуждается обстоятельствами прикрывать грешки населения.

Не таково положение высшей местной администрации – лесничих. Поставленные во главе огромных лесных районов, связанные разными правилами и инструкциями, лишённые всякой самостоятельности и хозяйственной инициативы, сведённые к неблагоприятной роли приказчиков ведомства – узнать, найти лес и продать его возможно больше, чтобы «увеличить доход лесничества», они на этой роли удачного продавца

должны строить свое служебное благополучие, вести всю ведомственную политику, чтобы не заслужить неодобрительной аттестации начальства.

В то же время, если лесничий строго и ретиво будет придерживаться преподанных ему правил и инструкций, будет держаться формального закона, он всегда и всюду рискует возбудить не только неудовольствие населения, но и заслужить в его мнении вполне определенную репутацию «нехорошего человека», буквоеда и сутяги. И, наоборот, лесничий, смотрящий на все нарушения лесного устава, правил и инструкций заготовки, по тем или другим соображениям и мотивам, сквозь пальцы – может прослыть за человека «порядочного», с которым можно жить и ладить.

Как справляются с таким положением, с такими требованиями поставленные между Спиллой и Харбилой сами лесничие – это их дело, их профессиональная тайна, и касаться этого вопроса докладчик не хочет.

Но несомненно одно, что лесничие – эти «торговые приказчики» ведомства, – не имеют в своем распоряжении ни средств, ни сил на какие-либо хозяйственные культурные начинания: в их служебные задачи отнюдь не входит какое-либо упорядочение дела, какая-либо хозяйственная инициатива по устройению и улучшению объекта торговли – т.е. той лесной площади, которая теперь истощается безо всякого плана и расчета.

3. Предметом торговли казенного ведомства является обычно кругляк (бревно) различных сортиментов, требующихся в каждый данный год рынком. В последние годы стали отпускаться шпалы и дрова. Покупателем нашего леса являются исключительно архангельские лесопромышленные фирмы, имеющие свои лесопильные и лесообделочные заводы, на которых они и вырабатывают нужные из леса изделия (брус, тес, плахи и т.д.). Наше же лесное ведомство своих заводов не имеет, продавая лес исключительно на корню. Архангельские фирмы преимущественно представлены заграничными и иностранными капиталами. Фирм этих в настоящее время весьма значительное количество, т.к. в последние десятилетия торговля лесом росла и ширилась, и спрос со стороны фирм на лесной товар безусловно предъясняется все в большем и большем количестве. В то же время какой-либо неограниченной конкуренции между фирмами не заметно, они явно придерживаются известных норм и, очевидно, сама эта «конкуренция» действующими в лесном деле фирмами согласована и систематизирована. Лес для продажи фирмам назначается так называемыми лесосеками. Рубка – выборочная, ограниченная для лесопромышленника лишь нужным ему минимумом толщины дерева. Ограничения же максимума толщины обыкновенно нигде и никогда не практикуется, и все, что выше условленного минимума, на выбор берется и сводится лесопромышленником.

В деле назначения лесосек, пускаемых в продажу, никакого плана, порядка, системы не существует. Эти лесосеки, с нужным количеством лесонасаждений, с необходимым расположением, удобных для эксплуатации в принятом порядке, обычно отыскиваются и указываются самими лесопромышленными фирмами, через их местных агентов – доверенных и приказчиков. Лесной же администрации они мало или совсем не известны, так как не существует даже надлежаще составленных карт лесонасаждений.

Так как в последние десятилетия, как сказано выше, операции казны с продажей леса заметно росли, охватывая все новые и новые площади лесонасаждений, то легко заметить уже в настоящее время, что такому «хозяйствованию» и «торговле» скоро придет конец. Выборочная система рубки сделала свое дело и на большей площади наших лесов выбрала все, что было нужно и можно. Если десять, пятнадцать лет назад три версты расстояния от места рубки до катища считалось большим, максимальным, то теперь это же расстояние (для возки срубленного леса до катища) дающее 7, 8, 9, и 10 верст, считается нормальным. Вместе с тем это означает, что выборочная система рубки выбрала и использовала все лесонасаждения на гривках и увалах территории, разграниченных многочисленными водными артериями, допускающими выгонку леса по речкам весной россыпью или небольшими плитками. Это известно всем, и никто не может и не будет отрицать, что лет через 10-20, – если торговля лесом пойдет таким же темпом, как шла в последние десятилетия, – торговле ведомств кругляком на корню настанет бесславный конец...

4. Обращаясь к результатам такого хозяйствования и торговли, докладчик отмечает, с одной стороны, чисто финансовые результаты (доходы казенного ведомства), а с другой, – последствия так сказать, – хозяйственного характера, вытекающие из существующих порядков рубки, заготовки и вообще из наличной постановки торговли лесом.

Удобных лесных земель, по подсчетам лесной администрации и земства, считается в Устьсысольском уезде около 14 миллионов десятин. Эти 14 миллионов десятин в недавнее время, в 1908-1910 гг. в самый разгар торговли ведомства, в период наиболее интенсивных заготовок для заграничного отпуска, давали только 700.000 рублей дохода, или 14 миллионов пятачков. Иными словами, все хлопоты ведомства, вся служебная резвость ее администрации способны были дать пять копеек дохода с десятины удобной лесной площади.

Это было бы только смешно, если бы другие неизбежные последствия такого хозяйствования и торговли не были грустны и печальны.

5. Обращаясь к этим неизбежным последствиям – результатам хозяйствования лесного ведомства, докладчик предварительно отмечает полное отсутствие каких-либо хозяйственных забот и мероприятий, ведущих к необходимой охране, к более или менее экономному и планомерному расходованию, к возобновлению и поддержанию лесных богатств нашего уезда.

Леса совершенно не обследованы, и нет сколько-либо удовлетворительных карт лесонасаждений и площадей их распространения и расположения. Мало-мальски приблизительного подсчета пород, размеров и качеств лесного материала не существует. Леса не имеют достаточно хозяйственно устроенных и содержимых разграничительных просек (параллелей). Визирные просеки заросли и следы их найти по местам невозможно.

Леса страшно засорены и захламлены. В боровых местах с лучшим лесонасаждением везде лежит горючий слой мелкого сушняка, образовавшийся от шишек, хвои, мелкого сухого сору от свалившихся веток, погибшей поросли и отживших пластинчатых лишайников. Достаточно в сухую погоду прикоснуться спичкой к этому готовому горючему материалу, чтобы через час-другой запылала вся площадь бора.

Мер к охране и защите существующих лесонасаждений не принималось и не принимается никаких: защитных просек, канав, удаления горючего дерна, хотя бы в виде узких полос – не существует. Уборка гнилья, валежника, сушняка нигде не практикуется. Разрежения густых порослей и насаждений, защиты молодняка, засадки, хотя бы самыми примитивными способами, обширнейших гарей и пустующих площадей – ведомство никогда не знало и не практиковало.

Вообще наблюдается полное игнорирование элементарнейших хозяйственных требований к охране и защите существующего, отстающего поныне лесного достояния, и как бы нарочитая подготовка к полному и беспрепятственному уничтожению «красным петухом», который действительно и господствует в наших лесах, ежегодно уничтожая сотни, тысячи и десятки тысяч десятин леса, не считаясь ни с его возрастом, ни ценностью, ни качеством. Лесная статистика ведомства, относя очень незначительный процент лесных пожаров (от 10 до 15 %) к естественным причинам возникновения их (от молний), все остальные причины регистрирует обыкновенно в рубрике «неизвестных», выделяя лишь отдельные случаи обнаруженного и установленного злостного поджога.

Свежий человек, видывавший мало-мальски устроенные леса (хотя бы в наших центральных и западных, прибалтийских губерниях), положительно становился в тупик над состоянием этой бесхозяйственности, засоренности, захламленности наших лесов; над этим пренебрежением к своему добру, достоянию, к своему богатству, из которого тот же «хозяин» черпает ежегодно без меры и плана все, что можно; над этим, как бы нарочитым,

загаживанием, обесценением и доведением до невозможного состояния этого чудного и ценного дара природы и Бога!

Но мало всего того, что было отмечено выше. Широкая выборочная рубка, охватившая к настоящему времени всю огромную площадь наиболее ценных лесов уезда, имеет еще более горшие и свои ближайшие последствия. Дело в том, что на местах рубки остается неубранным весь неиспользованный материал: вершины, сучья, щепва, обломанные и поврежденные деревья. Хотя на уборку их обыкновенно берется ведомством 3% цены заготовочного билет, но никто за этой уборкой не следит, а потому никто ее и не производит. Да и сомнительно, знает ли даже само ведомство – как и куда надо убрать эти ненужные остатки?

В результате этого получается страшное захламление и засорение районов рубки и заготовки леса, и насколько широко была распространена по площади лесов уезда самая рубка в последние десятилетия, настолько же широко и интенсивно происходило захламление и засорение лесов. Эта «интенсивная работа» имеет еще одно свое последствие: усиленное развитие растительных и животных паразитов (висячие и ползучие виды лишайев, грибки, гусеницы, бабочки-жучки, короеды и т.п.), поголовно поражающие в таких местах лесонасаждение известных пород и возрастов. В широких районах порубок и заготовок, с течением известного периода времени, можно не найти ни одного здорового, не пораженного тем или другим паразитом и, таким образом, обреченного на безвременную гибель дерева.

Вот каковы существующие порядки, финансовые и хозяйственные результаты торговли и хозяйствования ведомств в наших когда-то богатых и чудных лесах: из-за пятакowego с десятины лесной площади дохода изводится, портится и обрекается на гибель от огня и паразита вся огромная 14 миллионная площадь лесов уезда.

Установив затем положение о значении лесов для климатических, метеорологических и оросительных условий края с его земледельческой культурой: о том, что леса, в конце концов, составляют национальное (народное) достояние, и что управление, надзор и хозяйствование этим достоянием должны быть в умелых руках; что далее идти дело так не может и не должно – докладчик предлагает общему Собранию принять следующие пожелания – резолюцию, вытекающую из его сообщения:

а) Необходимо первее всего очистить леса от хлама, гнили, валежника, сору и, где нужно, разредить густые, глушащие сами себя, поросли и насаждения;

б) Исследовать и устроить их, с проведением и возобновлением разграничительных просек и визиров; составить лесохозяйственные планы с установлением оборотов рубки, смотря по характеру лесонасаждений и содержанию древесной массы;

в) Обезопасить леса проведением канав, защитных просек, устройством защитных площадей, уборкой мелкого горючего хлама и сора на борах;

г) Должно и способно все это сделать только государство, ведомство на общегосударственные (ведомственные) средства, отпуск и на значение каковых на указанные цели должны быть произведены безотлагательно;

д) До очистки, обезопасения, исследования и устройства лесов необходимо прекратить всякую торговлю в нынешних размерах и в порядке, особенно с применением выборочной системы рубки с назначением лесорубочных площадей (лесосек) без всякого плана и соображений об экономном и хозяйственном использовании лесов.

Все эти пожелания – резолюция ставятся на голосование и единогласно принимаются Собранием на предмет сообщения их подлежащим ведомствам и учреждениям.

Известия Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда. 1917. 17 июня

Приложение 11

Дегтев Кузьма (Попов В. Ф.). «Имперские» сказки.

Были из недавнего прошлого

Что это за сказки?

Всякому известно, что есть сказки русские, как есть немецкие, английские, французские, турецкие, арабские и т. д., что ни народ, – то и сказки. И таким образом, русские сказки должны быть характерны для русского народа, для Руси, которая, как известно, была и Киевской, и Московской, и Суздальской, и Новгородской... Сказки эти существуют и пересказываются в народе. Многие из них собраны и записаны любителями; печатаются в хрестоматиях и книжках. Много их я слышал, читал и знаю.

Но за время существования Российской империи, кроме русских сказок, появились еще сказки «имперские», – как были Российская империя, Российские законы, российское чиновничество, российские граждане и обыватели... А так как все это «Российское» (или даже «Всероссийское»), включая и самую империю, было явлением сравнительно новым, то и «Российские» сказки не есть создание народного фольклора, а происхождения гораздо позднейшего. Они похожи на «Сказки» Салтыкова-Щедрина, одного с ними корня, и, конечно, так же бессмертны или, по крайней мере, долговечны. Создавал их,

очевидно, «российский» (или «всероссийский») уклад жизни, те устои – киты, на которых будто бы жила и сама Российская империя...

Так что записать эти сказки мог всякий, – стоило лишь прислушаться к гомону и треску этих устоев, неумолчно раздававшемуся по всей Российской земле.

Вот несколько таких «Имперский сказок» и пересказываем мы: кто любит их слушать, пусть слушает...

Верстовой столб № 100

Это был самый обыкновенный верстовой столб, каких на этом глухом казенном тракте была не одна сотня.

Такой же полосатый, с цифрой «100» наверху, немного покривившийся, – он выделялся из подобных себе только тем, что стоял не на краю дороги (как это полагается для верстовых столбов), а сажени на три– на четыре в стороне, между придорожными соснами, так что проезжающему была видна лишь нижняя половина столба. Верхняя же скрывалась между ветвями деревьев.

Было и еще обстоятельство, обращавшее на себя внимание: на окраине дороги, – где явно полагалось бы стоять спрятавшемуся в лесу столбу, – была вырыта ямка, окруженная бугорком вынутой из нее земли.

И вот всякий любопытный прохожий и проезжий должен был отгадывать: почему этот столб стоит в стороне, в лесу, – когда и ямка для него готова в надлежащем месте? Уж не переселился ли он самовольно, вопреки всем законам физики и воле начальства, – туда, где ему совершенно не след быть?

С такими именно вопросами обратился я к ямщику, устало погонявшему свою запоренную пару.

Но ямщик, оказывается, ничего не знал, кроме того, что «анжинер», строивший дорогу, нарочно пошутил и поставил столб в лесу.

– Он де сотый и быть ему приметным... – прибавил ямщик в виде пояснения.

– А зачем же эта ямка? Когда она вырыта? – допрашивал я его.

– А ямку вырыл уже другой «анжинер», в прошлом только году.

– Да, зачем?

– Говорят, хотел перенести столб и поставить его в ямку, но не хватило средств, что ли...

– Как не хватило средств? Каких?

– Да, шут знает... Только столб уже десятый год стоит там, в лесу, где был сначала поставлен, – заключил мой ямщик и повернулся к лошадям с явным намерением показать мне, что разговор о столбе он считает законченным.

Долго не мог я забыть этот столб.

Как – думалось мне – терпит начальство, чтобы какой-то верстовой столб, неодушевленный предмет, срубленное и стесанное дерево, нарушал порядок, стоял на неполюженном месте и тем обращал на себя внимание всех прохожих и проезжих?

Я уже засомневался было в осведомленности начальства, в заинтересованности его порядком и спокойствием, соблюдением закона, субординации и ранжира на Русской земле...

Но, оказалось, я ошибался.

Начальством на этот столб, оказывается, было уже «обращено внимание» и даже «приняты надлежащие меры»...

Оказывается, уже 9 лет тому назад, проезжавший по новой дороге чин доносил по принадлежности следующее:

«Проезжая по ревизии вновь устроенной N-ской дороге, мною обнаружено, что верстовой столб за № 100 поставлен на ненадлежащем месте, в стороне от края дороги, нарушая тем должный порядок и скрывая от проезжающих количество верст между деревьями, что должно признать весьма недопустимым и обратить на сие внимание».

Это сообщение (хотя и напоминавшее по своей складности знаменитое изречение: «идя по улице, шел дождь»...) возымело свое действие и сбоку его, уже тем чином, которому оно было адресовано, была наложена резолюция:

«Принять надлежащие меры к устранению замеченного непуядка постановкой столба за № 100 на подлежащее место, а от строителя дороги потребовать должное объяснение».

Какое объяснение дол строитель дороги – неизвестно. По крайней мере, из очень толстого, на 113 листах «Дела о верстовом столбе за № 100 на N-ской дороге» видно только, что объяснение от него потребовано. Но что объяснил и объяснил ли вообще что-нибудь «пошутившей» (по выражению моего ямщика) строитель дороги – из «Дела» видеть нельзя.

Зато «к устранению непуядка постановкой столба на подлежащее место» меры были несомненно приняты...

Через два с половиной года, командированный «для осмотра на месте и выяснения непуядильного положения столба», чин доносил куда следует:

«Столб № 100 на N-ской дороге поставлен на 3 сажени, 2 аршина, 2 четверти и 1½ вершка в стороне от того места, где ему надлежит быть. Других каких-либо особенностей у сего столба не обнаружено, кроме того, что он был погружен на ненадлежащую глубину, а всего на 2 четверти и 2 вершка, и, будучи изготовлен из тонкого против условленного леса, успел уже покривиться и частью подгнил, требуя замены новым из леса надлежащей толщины, т.е. 5¼ вершков».

Далее этот же чин прилагал: «Подробное сметное исчисление на постановку столба № 100 на N-ской дороге на новое место».

Исчисление это было действительно «подробное».

В нем со скрупулезной точностью на основании «Урочного Положения», было указано – сколько земли надо вырыть для нового столба: сколько для этого требуется работы землемера; какой длины должно быть для него дерево; сколько требуется для его обтески работы плотника; сколько и какой нужно краски; сколько требуется малярной работы для окрашивания столба и еще многое, – чего я не могу сейчас припомнить...

Это «подробное сметное исчисление» было сведено в сумме 4 руб. 99 ³/₄ коп., которую и требовалось «испросить к ассигнованию откуда следует».

И, очевидно, она была испрошена и ассигнована.

Потому что еще через три года приехал на N-скую дорогу еще чин или (по выражению моего ямщика) «другой анжинер», который и вырыл виденную мною ямку. Определив «инструментально» по донесению предыдущего чина, – где ей надлежало быть.

Но столба нового он не поставил...

Из его донесения, находящегося в том же толстом, на 113 листах «Деле», оказывается, что:

«Приступив к исполнению возложенного поручения, обнаружил, во-первых, что в смете упущена стоимость билета на покупку нужного для столба дерева. Во-вторых, – что не исчислена стоимость вырубки и доставки его на место».

(– Вот тебе и «подробное сметное исчисление» – подумал я смущенный, – находивший в своей обывательской простоте уже излишним самое это «сметное исчисление» на такую мизерную сумму, и только теперь понявший, что делать «казенные» дела на так-то просто...).

«В-третьих, – доносил этот чин, – цены на рабочий труд в настоящее время (по случаю войны) оказались на месте гораздо более высокими, чем это было при составлении сметы, т.е. три года тому назад».

«А потому и принимая во внимание (закючал чин), что во-первых, я не имел полномочий и законного основания к расходованию вверенных мне сумм с превышением сметного исчисления, а также не имел полномочия на исправление и дополнение такового, то и не имел возможности закончить возложенное на меня поручение».

Далее чин подробно указывает, что им вырыта для нового столба яма такой-то глубины и ширины, на таком-то расстоянии от края дороги и прежнего столба. Что на этот предмет израсходовано 3 руб. 11 ½ коп., в доказательство чего прилагает «оправдательные документы», а остающуюся от сметного исчисления сумму 1 руб. 88 ¼ коп., «имеет честь возвратить», – добавляя, что

«для окончания дела необходимо составить новую смету со включением указанных им расходов и с назначением таковых по ныне существующим справочным ценам».

На этом донесении «Дело на 113 листах» заканчивается.

Очевидно, к составлению «новой сметы» приступлено еще не было.

Но я думаю, что начальство все же распорядилось устранить описанный мною «непорядок» – составив «новую смету» и командировать на N-скую дорогу еще одного «анжинера».

Ведь, стоило это немного, потому что, – как видно из того же «Дела», – ранее командированные чины получили «прогонных» и «суточных» всего по 250 рублей с чем-то.

Но разве ж это деньги?!...

Сыромолотая солома

Губернатор фон Крук был полон наилучших пожеланий и намерений, могущих послужить «на пользу вверенной ему губернии».

Губернаторствуя в окраинной и пустынной или, как говорили в Питере, «ссылной» губернии и не умея вышивать по тюлю, он, между тем, томился и не находил себе дела, в котором мог бы блеснуть своими административными талантами и показать, что «пользы и нужды губернии» близки его сердцу не менее, чем заслуженные уже и ожидаемые впереди рагалии.

Отсюда получалось довольно-таки глупое положение: суды судили; купцы торговали; мужики пахали и сеяли; рождались, женились, помирали люди; веселились, скучали, читали, писали... И вся эта жизнь вверенной г. фон-Круку губернии проходила как-то мимо него, – от всей души готового приносить ей пользу, помогать ее прогрессу...

При том же было и обидно: вся «полнота власти» будто бы принадлежала ему, именовался он обычно «начальником губернии», а между тем губерния эта жила своей

жизнью и как будто знать не хотела о начиненном всяческими благопожеланиями губернаторе.

И фон-Крук томился от безделья, отнюдь не считая делом различные дразги и кляузы, которые каждый день докладывал на его разрешение и утверждение правитель канцелярии.

Дела же, настоящего, широкого общего дела, все не было и не было.

– Скучно, Тата, – жаловался он своей супруге.

Но губернаторша, занятая в Дамском Благотворительном Комитете, – где была в полном разгаре борьба – ей ли быть председательницей или прежней, богатой купчихе, основательнице Комитета? – не понимала томлений своего прогрессивного супруга.

– Сходи в клуб, развлекись, – советовала она.

– Ну?.. Там же всякая шваль...

– Поезжай в губернию...

– А зачем? Да и бездорожье сейчас полное...

И фон-Крук томился и скучал. И, может быть, так бы и не стал героем «Имперских сказок», если бы не «тревожные вести», однажды доложенные ему правителем канцелярии.

Эти тревожные вести состояли в том, что в северо-восточной части губернии оказался неурожай трав, который грозил голодовкой и падежом крестьянскому скоту, усиленно поэтому распродававшемуся уже с осени.

Скучавший без широкого общественного дела, губернатор ожил и потребовал подробного доклада. Узнав из последнего, что недостаток сена на северо-востоке губернии составляет явление хроническое и почти ежегодное, губернатор решил принять меры.

Долго он обдумывал и выискивал эти меры. Он знал, что они «должны быть, во-первых, практичны, целесообразны, а во-вторых, не сложны и посильны населению».

– Сена мало... – рассуждал фон-Крук. Но, ведь, есть отличный суррогат – солома. Почему им не кормят? Или не умеют, не знают как ее использовать?

И мысль губернатора усиленно заработала в направлении соломы и использования ее в качестве корма.

А чтобы довести эту мысль до сведения населения и преподать ему необходимые приемы и способы, надо было издать циркуляр. И благожелательный фон-Крук решил исключительно на себя взять составление этого циркуляра.

Зато и шедевр же получился!..

Циркуляр был большой, но не чрезмерно велик: он лишь советовал и указывал, но никак не приказывал; тон его был мягкий, но настойчивый и уверенный, а главное, – весь

он, от начала до конца, был пропитан спокойным духом доброжелательства и заботливой начальнической опеки.

Когда циркуляр был отредактирован и изготовлялся в окончательном виде, то привел в умиление не только самого автора, но и всех чинов губернаторской канцелярии.

– Талантливо, черт возьми!.. – говорил правитель канцелярии.

– Да, произведеньице можно сказать... – подтверждал его старший помощник.

А младшие помощники и другие низшие чины восхищались уже безо всяких слововыражений.

Действительно, в циркуляре сначала в спокойном, эпическом тоне шли общие суждения о недохвате кормов в крестьянском хозяйстве; указывались тому причины; говорилось, что возможно не только устранить постоянное недоедание скота, но получить избыток сена; что меры для этого можно вводить лишь исподволь, постепенно...

Переходя к самой сущности вопроса – к способам использования соломы, – циркуляр принимал уже прямо идиллический тон: он рекомендовал «запаривать солому крутым кипятком»; «посыпать ее немножко мукой и солью»; «делать соломенную резку» и «примешивать ее к корму»... А главное, – если бы все это оказалось затруднительным и непосильным, – циркуляр говорил, что «солому можно просто смешивать с сеном и лишь надо делать это заблаговременно, на всю зиму или, по крайней мере, на месяц вперед, – потому что тогда солома приобретает приятный вкус и аромат сена» и «поедается скотом без остатка».

В заключение же указывалось, что солома для таких целей «наиболее пригодна сыромолотная», каковую и «рекомендовалось употреблять».

Циркуляр был направлен уездным исправником, с настойчивым предложением ознакомить с ним население, через станowych приставов, урядников, сотских и десятских, с тем, чтобы последние «строго блюли за его исполнением и о результате применения указанных мер доносили через каждые две недели».

И, может быть, благожелательные губернаторские стремления на этот раз осуществлялись бы, если бы... население губернии уже испокон веков не было научено горьким опытом пользоваться солому всеми указанными и не указанными в циркуляре способами, а главное, – если бы... не «сыромолотная солома»...

Один из уездных чинов полиции, получивши губернаторский циркуляр, доносил своему исправнику: «В вверенном мне стане хлеб молотят сухим из овинов, в хорошую погоду, а потому прошу Ваше Высокоблагородие дать мне знать – как изготавливается сыромолотная солома»...

Получивший это донесение исправник, весь свой век проведший на севере и знавший только солому овинной сушки, сам не знал «как изготавливается сыромолотная солома».

Но он решил войти с запросом по этому поводу прямо у губернатору, и... за свою «служебную нетактичность» и «невежество» получил из губернаторских канцелярий дурака...

Трудовая кооперация. 1923. № 5.

Приложение 12

Попов В. Ф. Чурка-Максим. Из зырянских былей¹⁰³

I

Случилось это в глухой, затерявшейся среди лесного моря, зырянской деревушке. Лесное море облегалo деревушку из двадцати дворов со всех сторон. Оно и питало, и одевало ее. Оно же создало весь круг понятий и дум, все песни и сказки обитавших в деревушке людей.

Лес был угрюм, дик, молчалив, но по-своему чудно прекрасен. Свято хранил он свои заветы и тайны. Таковы же были и люди. Это были поистине «дети леса». Никакие шумы, песни и сказки, никакие заветы и тайны иной жизни до них не доходили.

Но лес жил своей особой, полной жизнью. Жили и его дети...

Родился *он* в маленькой четырехстенной избушке на отлете селения, принадлежавшей его матери, девушке-бобылке Дарье.

До тридцати лет Дарья жила «честно». Но, наконец, стало невмоготу. Каждый день, работая в людях и на людей, глубоко спознавшая, как горек чужой хлеб, как далеко и недоступно чужое счастье, Дарья хоть раз, на минуту, захотела пожить для себя...

И *он* родился.... Одна лишь могучая, высокая ель, раскинувшаяся над самой избушкой Дарьи, шумела в то время своей стройной вершиной, качала мохнатыми лапами. Но о чем она шумела и кого хотела укачать на своих мохнатых и колючих лапах?...

Около месяца у нового обитателя земли не было имени, пока из далекого села, через окружавшие деревушку лес и воды, не смог пробраться к своим «духовным чадам» поп Филипп.

¹⁰³ Чурка – незаконнорожденный ребенок – Р. П.

Методично, не торопясь, свершал нужные требы суровый зырянский «бать», сжившийся со своими «чадами» и сам уже наполовину похожий на этих детей леса.

Когда очередь дошла до *него*, то поп Филипп, припугнувши восприемницу «смертным грехом прелюбодеяния», крестил *его*.

Справившись в месяцеслове, он дал новокрещеному имя Акепсим. Это было третьего ноября. А суровый «бать» считал за право давать чуркам неудобосказуемые имена – «в назидание за грех матери»...

Когда восприемница после крещения шла домой, Акепсим расплакался, и она, укачивая его, говорила: «У-у-у, Максимушка! Уу-бай, Максимушка...».

И *он* стал Максимом. Позже, когда сама деревня захотела прозвать его в отличие от других «наличных душ», из него вышел Чурка-Максим. С этим именем-прозвищем и зажил на свете Акепсим.

II

Всю свою нетронутую, цельную душу вложили Дарья, чтобы выходить и выхолить Максима – залог минутного, но своего счастья, единственный плод спознанной своей жизни, «ядро своего сердца»¹⁰⁴.

Зато и хорошее детство было у Максима.

Работающие, быстрые руки Дарьи обеспечивали ему всегдашнюю сытость и чистоплотность. Весело и бойко смотрели на окружающий мир его серые глазки. Плавно трепались при быстром беге его льновидные, всегда подравненные в скобку волосы. Быстро мелькали по деревне его былые, аккуратно починенные, холщовые рубашки и штанишки.

Но бывало у Максима и свое, большое детское горе.

Когда он, окончателью не поладивши, перебранивался со сверстниками, на него сыпались детски злобные, ядовитые слова:

– Чурка! Чурка! Чурка!.. Ступай домой, Пеж-Чурка. Ступай! Не надо тебя, Пеж!..¹⁰⁵

Максим, захлебываясь слезами и слюной от обиды, со стиснутыми зубами и сжатыми кулачками бросался на обидчиков. Но сила была на их стороне. И Максим, растрепанный, в пыли и грязи, с разорванным воротом рубашки, убежал домой.

Здесь он горько и долго плакал, а потом спрашивал мать:

– Мам! Мам!.. Почему я чурка?.. А Пэдор нет?.. А Пэтыр? А Васька?.. Они не чурки?

¹⁰⁴ Буквальный перевод ласкательного коми выражения солёмшөр – Р. П.

¹⁰⁵ Пеж – поганный, скверный – Р. П.

– Брось, Максим, не плачь. Ну, что ж такое: сам «сус-кростос» был Чурка, – утешала Дарья своего сына.

Горе, детское горе быстро проходило. И завтра опять белая рубашка Максима мелькала между сверстниками. Опять быстрее всех трепались не бегу его льняные волосы. И опять весело, без тени, смотрели бойкие глазки.

Ш

Седьмой год шел Максиму, когда в деревне случилось это событие...

– Мам, пришел солдат Амос учить ребят. Я буду, мам, учиться. Пэдор хочет, Пэтыр, Васька... – торопливо говорил Максим матери.

Глаза его при этом блестели, переливались. И в них ясно было написано, что он учиться *хочет*.

– Ну, зачем тебе учеба? Да и мал еще ты. И Амоса надо кормить. Тоже и даром, говорят, учить не будет. А чем ему платить? – возражала Дарья.

Амос, семидесятилетний «ундер-офицер», забрел сюда во всеоружии школьной учебы и обстановки. У него было пять церковно-гражданских букварей, псалтырь и часослов в кожаных с деревом переплетах и длинная буковая указка.

У деревни Амос выговорил себе плату за учебу: за каждого мальчика (о девочках не было речи) отцы по очереди должны были его кормить, а весной, к уходу, смастерить ему общим коштом сапоги да пару портов, пару рубах и собрать пять рублей денег.

Подтопили свободную избу, и учебу началось. Дарья настояла на своем, и Максим в учебу к деду Амосу не попал. Да и деревня говорила: вот еще, зачем Чурке учеба...

Опять горько и долго плакал Максим. Дарья его уговаривала:

– Ну, зачем тебе учеба? На что учить? Ведь ты чурка, без отца. Понимаешь? Вот вырастешь – возьмешь землю. Дадут: ведь я ревизская. Понимаешь?

Но Максим ничего не мог и не хотел понимать.

– Не хочу землю. Хочу учиться... – кричал он, нервно трясясь всем телом.

Дарья рассердилась. Прибила его и зло обозвала «глупым чуркой».

Убежал Максим на улицу, но там не было, ни Пэдора, ни Пэтыра, ни Васьки.

Они у деда Амоса учились...

Ш

Было воскресенье. Дед Амос отдыхал от трудов учебы, грел свои старые кости на печке. На краю, примыкавшего к деревне, бора собралась его «школа». Петыр палкой чертил на песке.

– Это Аз. Это Буки. Это Веди... – говорил методически Петыр.

– Веди – не такой. Вот Веди, – поправлял Васька.

Максим, блестя глазами, весь превратившись во внимание, смотрели на невиданные знаки.

– Аз... Буки... Веди... – беззвучно повторял он за Петыром.

– А это вот – буки-аз-ба. Это – веди-аз-ва. Это – глаголь-аз-га. Это...

– Глаголь-аз-га не так, – вмешался Пэдор.

– Молчи. Сам не знаешь. Дед Амос тебя указкой по лбу бьет.

– По лбу? Аль сердитый? – спрашивал Максим.

– Ух, какой – «вёрса».¹⁰⁶

– А почему Амос знает?

– Да у него книга... букварь, четыре книги... пять... да две толстые, кожаные... там все написано... – говорила детвора, перебивая друг друга.

– Книга... А что такое книга? – спрашивал опять Максим.

Ему объяснили, но он ничего не понял. И страшно захотелось ему увидеть эту «книгу», в которой «все написано». Завтра, когда «школа» расселась по местам, дед Амос поднял указку, взглянул и увидел стоявшего в углу Максима.

– Тебе что? Ты чей? Зачем пришел?

– Мне... я... я – Чурка-Максим. Я хочу «книгу».

– Вот чудак: какую тебе книгу? Что ты знаешь?

– Аз знаю, буки знаю, веди, буки-аз-ба знаю... – говорил торопливо Максим.

– Вот малец... Да откуда ты знаешь?

И дед Амос, показывая на букварь, проэкзаменовал Максима. Тот знал почти все, что прошла «школа».

– Ну, садись, коли, будешь учиться, – разрешил дед Амос. – А книгу, брат не дам. Она, брат, того, – денег стоит.

И Максим, весь превращаясь в какое-то огромное желание и внимание, стал учиться.

V

Был на исходе март. Букварь и склады были пройдены. Дед Амос собирался восвояси. Учеба стала заминаться; сегодня не придет один, завтра – другой. Мальчики работали, помогали отцам возить навоз на поля.

¹⁰⁶ Вёрса – леший, черт – Р.П.

Дарья связала Амосу толстые чулки из овечьей шерсти и послала с Максимом.

– Вот чудак... У матки разве есть овцы? – спрашивал Амос, не ожидавший получить что-либо с Дарьи.

– Есть, две...

– А чулки хорошие... теплые. Спасибо... Спасибо, говорю.

Максим не слышал: стоял и смотрел в одну точку. А точкой этой были книги Амоса, сложенные в стопку и перевязанные уже для дороги бечевкой. Дед Амос догадался.

– Аль книгу хочешь? – улыбнулся он.

Максим глубоко втянул в себя воздух и неслышно, одними губами, что-то ответил. Дед Амос развязал бечевку и долго перелистывал свои буквари: вытряхивал их один за другим, отчего оторванные листы сыпались дождем: собирал, переворачивал и вкладывал листы обратно.

– На вот. Он уж того.

И Амос сунул один букварь Максиму.

Бомбой вылетел Максим от Амоса и примчался домой.

– Мам... Мам... Книга... Амос книгу... дал, – дрожал, блестя глазами, и выкрикивал Максим.

Дарья осмотрела книгу. Она была оборвана, замусолена, с истрепанными углами, с дырками на листах, и не шелестела даже, а как-то шлепала.

– Ну уж книга... Отрепье одно, – заключила Дарья.

Ох, мам... – выкрикнул Максим, ухватил букварь обеими руками, сел и заплакал.

Но плакал он совсем не так, как прежде, когда его ругали Чуркой или когда не пустила учиться Дарья.

VI

Наступил май. Лесное царство сбросило угрюмость и заликовало. Береза и осина заблестели глянцем свежих, только что распустившихся листьев. Мохнатая ель вся рдела красными ягодами-шишечками. На озерах выглянули кувшинки и жадно раскрыли свои первые лепестки навстречу ласкающим лучам полуденного солнца. Луга пестрели цветами и благоухали свежей травой. В воздухе реяли и звенели разноцветные жучки, бабочки. В лесу пели и призывным голосом перекликались его пернатые обитатели. Жила и ликовала вся природа: и лес, и луг, и воды.

Но Максим был задумчив. Букварь у него истрепался до того, что разваливался и обрывался от малейшего прикосновения. И хотя он знал его наизусть, но книгу было

жаль, жаль до того, что не радовала родная, зовущая на свое теплое благоухающее лоно, природа. А как сохранить ее, эту книгу?

– Мам, я пойду с дядь-Егором в рас¹⁰⁷, – заявил, видимо, решивший свою задачу Максим.

– Зачем?

– Бересту брать.

– Зачем тебе береста?

– Надо... Книгу делать...

Дядь-Егор был берестяник. В мае он уходил в рас, снимал здесь с белоствольных берез их упругую, плотную одежду и делал из нее красивые наберушки для грибов и ягод и круглые бураки для квасу и молока. Делал он их либо толще, либо тоньше; упругая, вся пропитанная весенними соками береста делилась на свои годовые пласты, как слоеное печенье.

Через две недели у Максима была толстая-претолстая «книга», сшитая из похожих на пергамент прослоек бересты, девственно-чистая, приятно пахнувшая березовым соком. А еще через две недели Максим вписал в нее заново весь букварь. Чернил не было, но Максим, изобретший самую книгу, изобрел и чернила: смешал печную сажу с лаком, флакон которого забыл в деревне захожий сапожник.

Эти чернила красиво и крепко впитывались в берестяную «книгу».

VII

Зимой случилось событие... Самый старый в деревне, 80-летний дед Пахом, – родившийся в бане, лечившийся в ней от своих недугов с того времени, как мать хлестала его распаренным березовым веником, а он лишь захлебывался и пищал, как котенок, – пошел раз попариться на первом жару и не вернулся. А когда пришли туда, то увидели, что дедушка Пахом тощей грудью навалился на горячую каменку и крепко держит в одной руке веник, а в другой ковш...

Приезжали из волости старшина с писарем... Вынесли деда – со всем, как нашли – с веником и ковшом в руках, в холодную избу и велели ждать «судей».

А тут «судьи» наехали. Отняли у Пахома веник и ковш, самого его «резали» и написали бумагу.

– Эй, понятия, надо акт подписать. Кто у вас в деревне грамотный? – спрашивал «судья» – становой. Но грамотного не нашлось.

¹⁰⁷ Рас – березовый лес – Р.П.

– Вот, буди, Чурка-Максим... – несмело заявил дядь Егор.

– Ну что ж, Максим, так Максим. А писать-то умеет?

– Да он на бересте пишет, не только на бумаге.

– На бересте? Как на бересте? – удивились «судьи».

– Позовите-ка, – сказал «самый большой судья» - следователь.

И долго дивились «судьи» как самому Максиму, когда он вместо «Максим» подписался «Акепсим», так и его берестяной книге, когда увидели ее и с нею вместе еще несколько исписанных Максимом таких же книг и тетрадей.

– Ведь это чудо... Шедевр... Исключительно российский шедевр, – восклицал «судья»-доктор и даже хотел взять книгу с собой.

Но Максим так разревелся, что судья-доктор испугался даже.

– Ну, не плачь, не реви... Вот тебе, братец, бумага, вот перья, чернила. А ужо приеду в город, пришлю тебе книги настоящие с картинками... Много...

Максим уже не ревел. Крепко ухватил он все, что надавали ему «судьи». И хотя слезы у него текли, но опять же не прежние горькие, а такие, как и тогда, когда дед Амос дал ему букварь.

– Вот бы в настоящую, хорошую школу это чудо природы, с его чудесной книгой из бересты и с бестолковыми буки-аз-ба, – говорили «судьи», уезжая из деревни.

– Хочешь, Максим, в школу? – спрашивали они.

– Хочу, – отвечал Максим.

И «настоящая», «хорошая» школа крепко засела в его уме.

VIII

«Судья»-доктор не забыл своего обещания. Раз в эту же зиму, когда суровый поп Филипп приехал в деревню с накопившимися «требами», он позвал Максима к себе.

– Вот, Акепсим, тебе доктор прислал. Просил меня передать, – говорил поп Филипп, похлопывая рукой по небольшому тючку, запакованному в холст.

Максим стоял, весь полон ожидания, не смея верить, что тут обещанные «настоящие книги с картинками».

– Тут, брат, доктор пишет, книги. Вот посмотрим, что за книги?

И поп Филипп, распаковав тючок, стал вынимать одну книгу за другой.

– «Русская наглядная азбука», – читал он. – это хорошо. «Хрестоматия. Книга для чтения с картинками»... Ну, малец, какая книжица-то.

– «Начальная география»... «Уроки русской истории»... «Начатки арифметики»... – продолжал вынимать и читать поп Филипп.

– Ну, Акепсим, тут целая хорошая школа. Если все это прочитать и узнать, будешь, брат, «ученым» человеком.

Максим брал от попа Филиппа одну книгу за другой, прижимая их к груди обеими руками. Он весь дрожал. Не верилось ему, что все эти книги теперь его. Все казалось, что вот-вот поп Филипп схватит, вырвет их обратно, положит в тючок и крикнет: «Цыц, ты, Пеж-Чурка!..»

Но поп Филипп, пересмотрев все книги, отдал Максиму и холщовый мешок.

– На, брат, читай. Авось и выйдет что: сиротам и чуркам «бог» – помощник. Ужо я приеду еще, посмотрю...

На этот раз почти вся деревня перебивалась в избушке Дарьи посмотреть невиданные «ученые» книги. Больше всех заинтересовались «Хрестоматией» с картинками.

– Это, должно быть, о «сус-крестос» матери, – говорила бабушка Ирина, когда Максим читал заглавие книги.

– А зачем же тут лошадь нарисована?.. И щука? И лягушка? И ель? – сомневались другие.

– «История» – это, братцы, все о царях и князьях написано. Я знаю: нам читали в роте, – говорил солдат Иван.

– Ай да Максим... Вот если все эти книги выучишь, сам будешь, как дед Амос. Ребят будешь шугать, – утешал дядь-Егор, помогавший Максиму драть бересту на его первую книгу.

IX

Прошел год. В уездном училище города У-ска, зырянской столицы, начиналось ученье.

Учитель истории и географии Нил Петрович, старый, бритый холостяк, с засыпанным нюхательным табаком подбородком, с оловянной тавлинкой, зажатой в ладонь левой руки, объяснял ученикам первого класса о «начале русского государства».

– Первые русские князья – Рюрик, Синеус и Трувор – пришли из-за моря в 862 году. Значит, сколько лет уже существует русское государство? Кто скажет? – спрашивал он свою аудиторию.

Аудитория молчала, соображала...

Вдруг стеклянная дверь из сеней тихонько отворилась, и в класс несмело, забыв снять шапку, вошел Чурка-Максим. Одет он был в белые холщовые порты и в серый, из самодельного сукна кафтан на кожаных пуговках. На ногах по толсто наварченными

онучкам были обуты старые, большие, очевидно, с чужой ноги башмаки. Под мышкой Максим держал завязанные в платок книги.

И Нил Петрович, и ученики воззрились на странного пришельца, забыв о годах существования русского государства...

– Ты зачем? Что тебе надо? – спрашивал Нил Петрович.

– Я... учиться пришел... – с запинкой отвечал растерявшийся в необычной обстановке Максим.

– Да ты откуда?

– Из деревни Пом-конец.

– Где же это? Далеко?

– 150 верст – подумав немного, ответил Максим.

– С кем ты пришел? Кто тебя привел? – спросил Нил Петрович.

– Один.

– А что же отец?

– Я – Чурка. Нет отца.

– А мать?

– Померла летом...

– Вот так событие... Новый Ломоносов... – соображал про себя озадаченный Нил Петрович.

– Да где ж ты учился, в какой школе?

– У деда Амоса...

– Что же ты знаешь?

– Вот все это, – говорил Максим, протягивая учителю книги.

Нил Петрович пересмотрел библиотеку Максима. Спросил его, кто были первые русские князья? И какую форму имеет Земля? Удивился, прекратил урок и повел «нового Ломоносова» к смотрителю училища.

Через день Максим, заинтересованный рассказом о своем имени, учении, о своих берестяных книгах и тетрадях всех немудрых педагогов У-ского уездного училища, был принят в первый класс.

Мечта Максима о «настоящей» школе сбылась... И, живя у чудаковатого Нила Петровича, растирая ему нюхательный табак с черемицей, он лишь временами вспоминал родную деревню, своих драчливых друзей – Пэдора, Пэтыра и Ваську, а особенно свою ласковую «мам», упавшую с высокой хлебной скирды и через несколько дней страшных мучений оставившую Максима сиротой.

И тогда ему делалось скучно, больно, и невольные крупные слезы сами катились из серых глаз Чурки.

Но Максим был цельное, нетронутое дитя лесов, чистокровный представитель того племени, которое по своей психической уравновешенности и умственной дюжести мало найдет себе соперников между народами земного шара.

И душевная боль, горькие слезы Максима прекращались без всяких эксцессов...

* * *

– Что же было дальше с Максимом? Какая судьба и участь его постигли? – поинтересуется, может быть, читатель.

Но наш Максим, скорее, тип, характерный представитель своих сородичей, чем живое реальное лицо. И не его биографию мы думали здесь изобразить...

Скажем, лишь, что судьба Максима сдвинула что-то инертное, неподвижное, лежавшее на этих угрюмых сородичах – детях северного леса. По проторенной им колее, как по новой широкой дороге, к знанию и свету потянулись и тянутся десятки, сотни Пэдоров, Пэтыров и Иванов. Все они жадно ловят и глубоко впитывают в себя новые мотивы жизни, новые звуки и новые горизонты, которые разворачиваются перед их широко раскрытыми навстречу знанию и свету глазами.

Наш Максим может служить только прообразом, прототипом этих жаждущих обновления своей жизни людей. Он может быть назван лишь пионером того дела, которое выполняется теперь на его когда-то дикой и суровой родине уже целой ратью его сверстников и эпигонов.

И самая память о берестяной книге Максима, о школе деда Амоса уже начинает исчезать, как исчезла «настоящая» школа, в которую пришел учиться Максим, и которую в зырянской столице успели уже заменить другие, более совершенные...

Трудовая кооперация. 1924. № 3-4. С. 168-176.

Попов В. Ф. По поводу заметки А. Цембера

«Две корреспонденции из гор. Усть-Сысольска в 1838 году»

Во второй корреспонденции – «О зырянском словаре» – говорится, между прочим, что «в г. Устьсысольске давно составляется Словарь зырянского языка», что «эта трудная работа начата Устьсысольским мещанином Мальцевым, по внушению академика Шегрена», и что «по смерти Мальцева продолжение труда приняли на себя добровольным вызовом: усть-сысольский уездный стряпчий Николай Попов, купеческий сын Алексей Суханов и крестьянин Усть-куломского прихода Филипп Попов»...

Закончивши изложение корреспонденции, т. Цембер сопровождает ее следующим примечанием от себя (Примечание 2-е): «Выше указанный Русско-зырянский словарь, по некоторым сведениям, в рукописном виде находится в Академии Наук»...

Так как упоминаемый здесь соучастник в составлении словаря «крестьянин Устькуломского прихода Филипп Попов» – есть мой родной отец, и после него осталась в моем распоряжении кое-какая переписка по поводу составления этого словаря, а нахождение последнего в отделении рукописей Академии наук является не предположением, а фактом, то я прошу дать место следующим дополнительным сведениям к заметке т. Цембера.

Как оказывается из переписки отца, третий соучастник в составлении словаря, «купеческий сын Алексей Суханов», вскоре умер, внесши в распоряжение своих коллег «на разные расходы 100 рублей серебром». Таким образом, составление словаря легло на плечи только двух остальных соучастников, т.е. моего отца и Н. Попова. Очевидно, поэтому словарь составлялся долго и был сдан в Академию Наук в законченном рукописном виде лишь в 1863 году.

Затем, как оказывается, – труд этот носил название не «словарь», а «Лексикон», и состоял из двух параллельных частей «Русско-Зырянского и Зыряно-Русского лексиконов», одолеть которые – дело трудное».

Составители «Лексиконов» как видно из дальнейшего и из корреспонденции, держались образца «академического словаря Рейфа, – как самого полного в то время, так что «Лексиконы», как Русско-Зырянский, так и Зыряно-Русский, получили тип словаря, с объяснением всех производственных слов, понятий и аналогов, – и в конце концов они приблизились к позднему общеизвестному «Толковому словарю русского языка» В.И. Даля. С этой стороны, т.е. со стороны полноты и «толковности», «Лексиконы» – представили бы весьма ценное приобретение для Коми области, – если бы подлежащие

учреждения вздумали просить о возвращении их в распоряжение Области, – тем более, что составители держались основного Устьсысольского-Вычегодского диалекта.

В 1889 году, будучи в Петербурге, я видел эти «Лексиконы» в рукописном отделении Академии Наук и взял о них несколько справок по просьбе покойного теперь профессора Лутугика, бравшего на себя задачу восстановить приоритет и сотрудничество (соавторство) моего отца, так как «Лексиконы» имеют только подпись и авторство Н.П. Попова, между тем, как, по словам моего отца, последний только «систематизировал, приводил в алфавитный порядок и переписывал на бело уже готовые тетради переводов», сделанных моим отцом.

В то время «Лексиконы» – словари были еще в полной сохранности (за исключением нескольких растрепанных и загрязненных углов на отдельных листах. «Чудовищными фолиантами», как говорит Г. С. Лыткин, они тоже не были, а представляли из себя отдельные переплетные томы в пол-листа писчей бумаги (всех томов было 8 или 6, – не помню). Правда они были против обычного толсты, но это потому, что на все тома шла весьма толстая бумага, бывшая в употреблении в 30-50-х годах XIX столетия.

Добавлю еще, что в результате сотрудничества составители «Лексиконов» разошлись в расчетах за свои труды, и мой отец в 1865 году возбудил иск о взыскании с Н. П. Попова 300 руб. серебром, – будто бы недоданных ему по объему и содержанию его работ. Дело по этому иску не было закончено, и когда оно находилось уже в Сенате, мой отец внезапно был убит молнией в июле 1869 года.

Коми му. 1927. № 1-2. С. 82-83

Библиографический список трудов В. Ф. Попова

(составлен лично В. Ф. Поповым)

1896 г.

1. Попов, В. Ф. Земельные порядки у зырян / В. Ф. Попов // Северный вестник. – 1896. – Кн. I. – С. I-II.

1897 г.

2. Попов В. Ф. К характеристике почв Усть-Сысольского уезда / В. Ф. Попов. – В. Устюг: Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1897. – 16 с.

1901 г.

3. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1900 года / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1901. – VI. – 65 с.

4. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства за лето-осень 1900 года / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1901. – 85 с.

1902 г.

5. Сборник сведений о состоянии промыслов населения и характеристика зимы 1900-1901 гг. и начала весны в сельскохозяйственном отношении / сост. В. Ф. Попов. – Вологда: Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1902. – II. – 44 с.

6. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства за весну-лето-осень 1901 года / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1902. – 105 с.

1903 г.

7. Сборник сведений о состоянии промыслов населения и характеристика зимы 1901-1902 гг. и начала весны в хозяйственном отношении / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1903. – 59 с.

8. Попов, В. Ф. Полеводство и порядки землепользования у крестьян Усть-Сысольского уезда / В. Ф. Попов // Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии / под ред. Рума Л. Н. – Пермь, 1903. – Т. I. Ч. I. – С. 16-58.

9. Попов, В. Ф. Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда / В. Ф. Попов // Народное хозяйство. – 1903. – № 9-10. – С. 114-128.

1904 г.

10. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства за весну-лето-осень 1902 года / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1904. – VI. – 115 с.

11. Сборник сведений о состоянии внеземледельческих промыслов населения в зиму 1902-1903 гг. / сост. В. Ф. Попов. – Вологда: Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1904. – VI. – 57 с.

12. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства за весну-лето-осень 1903 года / сост. В. Ф. Попов. – В. Устюг : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, – 1904. – 85 с.

1905 г.

13. Попов, В. Ф. Урожай хлебов и трав в 1904 году / В. Ф. Попов. – Вологда, 1905. – 76 с.

1906 г.

14. Попов, В. Ф. Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости (селений: с. Деревянского, д. Нижнеконецкой, с. Ручевского и д. Вой-Пока) / В. Ф. – Вологда : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1906. – Т. I. – 175 с.

15. Ценский, Вл. Усть-Сысольские письма. Фельетон / Вл. Ценский // Северная земля. – Вологда, 1906. – 5, 7 марта.

16. Ценский, Вл. Усть-Сысольск: О необходимости учительского съезда / Вл. Ценский // Северная земля. – Вологда. – 23 сентября; – 14 июля.

17. Ценский, Вл. На краю света. Усть-Сысольское земство / Вл. Ценский // Северная земля. – Вологда. – 3 декабря : прил.

1907 г.

18. Попов В. Ф. Еще к вопросу о переселении и землеустройстве в Вологодской губернии / В. Ф. Попов // Север. Вологда. – 1907. – 27, 28, 30 октября.

19. Сонин. Усть-Сысольск. О ликвидации статистического управления Усть-Сысольской земской управы / Сонин // Северная окраина. – Вологда. – 1907. – 12 января.

20. Сонин. Усть-Сысольск. О кандидатах в депутаты Государственной Думы / Сонин // Северная окраина. – Вологда. – 1907. – 26 января.

21. Сонин. Усть-Сысольск. О выборах в Государственную Думу при обещаниях и угрозах властей / Сонин // Северная окраина. – Вологда. – 1907. – 2 февраля.

22. Сонин. Усть-Сысольск. О деятельности председателя земской управы купца В. Оплеснина / Сонин // Северная окраина. – Вологда. – 1907. – 10 февраля.

23. Попов, В. Ф. Усть-Янский край Вельского уезда / В. Ф. Попов // Север. – Вологда. – 1907. – 18 декабря.

24. Попов, В. Ф. Усть-Янский край: Из наблюдений земского статистика / В. Ф. Попов // Север. – Вологда. – 1907. – 19 декабря.

1908 г.

25. Попов, В. Ф. К вопросу об общине у зырян: По поводу статьи М.А. Большакова / В. Ф. Попов // Живая старина. – 1908. – Вып. II. – Кн. 66. – С. 159-169 ; – Вып. III. – Кн. 67. – С. 301-311. – Отд. отд.: СПб., 1908. – 21 с.

26. Попов, В. Ф. Охотничий промысел у зырян / В. Ф. Попов // Север. – Вологда. – 1908. – 12, 14 сентября.

1910 г.

27. Попов, В. Ф. Статистико-экономический очерк / В. Ф. Попов // Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губ. / под ред. Соколова П. И. – СПб., 1910. – Ч. I. – С. 1-157.

1911 г.

28. Попов, В. Зыряне-свидетели в окружном суде / В. Попов // Право. – 1911.¹⁰⁸

29. Попов, В. Первые шаги суда присяжных у зырян Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии / В. Попов // Право. – 1911.

30. Попов, В. Ф. История земской школы и первоначального народного образования в Усть-Сысольском уезде / В. Ф. Попов. – Усть-Сысольск : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1911. – 304 с.

¹⁰⁸ Рядом с названием работы автор написал: «Еженедельник. № не помню».

1913 г.

31. Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет (1898-1910 гг.) / сост. В. Ф. Попов. – Усть-Сысольск, 1913. – С. 598.¹⁰⁹

1915 г.

32. Попов, В. Ф. Общинные и индивидуалистические течения в земельном быту зырян Вологодской губернии / В. Ф. Попов // Известия С.-Петербургского политехнического института. – 1915. – № 8-10.

1916 г.

33. Сведения об урожае и сборе хлебов и трав, посева ржи и о ценах на сельскохозяйственный рабочий труд за лето-осень 1915 года / сост. В. Ф. Попов. – Вологда : Изд. Яренского уездного земства, 1916. Т. VI. – 42 с.

34. Сборник сведений о земельно-экономическом положении и промыслах населения Яренского уезда за зимние 1915-1916 года периоды / сост. В. Ф. Попов. – Яренск : Изд. Яренского уездного земства, 1916. – Т. V. – 56 с. : табл.

1917 г.

35. Постановления общего собрания Усть-Сысольского уездного земельного комитета II сессии, 25-27 октября 1917 года / под ред. Попова В. Ф. – Усть-Сысольск : Изд. Усть-Сысольского уездного земства, 1917. – 44 с.

36. Попов, В. Ф. Доклад о лесном хозяйстве Усть-Сысольского уезда / В. Ф. Попов // Известия общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда. Усть-Сысольск, 1917. – № 2. – 7 июня.

37. Попов, В. Ф. Очередная задача. К вопросу об организации в Усть-Сысольском уезде Советов крестьянских депутатов / В. Ф. Попов // Известия общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда. – Усть-Сысольск, 1917. – № 3. – 14 июля.

1923 г.

38. Попов, В. Ф. Чурка-Максим. Из зырянских былей / В. Ф. Попов // Трудовая кооперация. – 1923. – № 3-4. – С. 168-176.

39. Дегтев, Кузьма. Имперские сказки: Были из недавнего прошлого / Кузьма Дегтярев // Трудовая кооперация. 1923. № 5. С. 341-347.

1925 г.

40. Попов, В. Ф. Перспективы земледельческого и промышленного развития Коми области (в дискуссионном порядке) / В. Ф. Попов // Коми му. – 1925. – № 9. – С. 25-31; – № 10. – С. 69-75.

1926 г.

41. Попов, В. Ф. Материалы к познанию народа коми / В. Ф. Попов // Коми му. 1926. № 10. С. 21-26; № 11. С. 23-30.

1927 г.

42. Попов, В. Ф. По поводу заметки А. Цембера «Две корреспонденции из гор. Усть-Сысольска в 1833 году» (Коми му. 1926. № 12) / В. Ф. Попов // Коми му. – 1927. – № 1-2. – С. 82-83.

¹⁰⁹ Указание об авторстве В. Ф. Попова см.: Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания: 1913 год Усть-Сысольск, 1914. С. 1023-1024.

Список сокращений

ГДР – Германская Демократическая Республика

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР

д. и. н. – доктор исторических наук

д. филол. н. – доктор филологических наук

к. с. х. н. – кандидат сельскохозяйственных наук

ИУУ – Институт повышения учителей

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории

КГПИ – Коми государственный педагогический институт

Коми А. О. – Коми автономная область

Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского Отделения Российской академии наук

М.З. и З. – Министерство земледелия и землеустройства

НА РК – Национальный архив Республики Коми

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

РКП – Российская коммунистическая партия

РКСМ – Российский Коммунистический союз молодежи

ФРГ – Федеративная Республика Германия

Попова Раиса Леонидовна - учитель истории, краевед. Отличник просвещения СССР; Заслуженный учитель Коми АССР; учитель-методист РСФСР; Почётный гражданин г. Ухта. Стаж педагогической работы в школах Республики Коми - 60 лет. В Ухту переехала в 1964 г, была директором средней школы № 3, учителем истории в школах № 10 и № 16. Организатор четырёх выставок и двух школьных музеев (в школах № 10 и № 16).

В 1972-1988 гг. возглавляла городское методическое объединение учителей истории и обществоведения г. Ухта и района. По её инициативе состоялись I, II, III исторические олимпиады для учащихся 4-10-х классов г. Ухта.

С 1988 года Р.Л. Попова начала заниматься краеведением. Её исследования охватывают актуальные темы по истории и культуре Коми края (Печорская экспедиция 1843 г. российских учёных А. Кейзерлинга и П. Крузенштерна, родословная семьи, праздники и традиции коми народа, воспоминания о своём классе и репрессированных родителях одноклассников, об учителях ухтинских школ - участниках Великой Отечественной войны и др.). Имеет более 130 публикаций.

В 1993 г. участвовала в организации V республиканской научной конференции с международным участием на тему «Научные экспедиции и исследования Коми края», приуроченную к 150-летию Печорской экспедиции, в которой участвовал её прадед Ф.Я. Попов.

В 1989-2006 гг., будучи руководителем ухтинских краеведов (председатель городского Ухтинского бюро Общества изучения Коми края (ОИКК)), добивалась повышения научного уровня краеведческих исследований. Провела в Ухте пять научно-практических конференций по историческому краеведению. Материалы IV и V конференций благодаря председателю Ухтинского фонда мира Г.Ф. Фиронову опубликованы отдельными изданиями.

Р.Л. Попова скончалась в Ухте 31 мая 2015 года на 93-м году жизни.